

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Российский государственный профессионально-педагогический университет»

Т. В. Леонтьева

**ОБЫЧАЙ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**
Слово и понятие

Монография

2-е издание, стереотипное

Научный редактор
доктор филологических наук *Е. Л. Березович*

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2015

УДК 811.161.1:3'9
ББК 81.2Рус-67
Л47

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-04-00274а «Вербальные репрезентации обычая в русском языке»

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. *М. Э. Рут*
(ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»);
д-р филол. наук, проф. *Т. А. Гридина*
(ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»);
канд. филол. наук *Л. А. Феоктистова*
(ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»)

Леонтьева Т. В.

Л47 Обычай в русском языке : слово и понятие [Электронный ресурс]: монография / Т. В. Леонтьева ; науч. ред. Е. Л. Березович. — 2-е изд., стер.— М. : ФЛИНТА, 2015. — 200 с.
ISBN 978-5-9765-2090-5

В монографии осуществлена этнолингвистическая интерпретация лексики обычая в русском языке. Внимание уделяется семантике и мотивации языковых единиц.

Для специалистов по этнолингвистике, лингвокультурологии, социоллингвистике, когнитивной лингвистике, для студентов, обучающихся по специальностям гуманитарного профиля (лингвистика, социология, философия, история), а также для всех, кому интересна традиционная народная культура.

УДК 811.161.1:3'9
ББК 81.2Рус-67

ISBN 978-5-9765-2090-5

© Леонтьева Т. В., 2015
© Издательство «ФЛИНТА», 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
I. Слово <i>обычай</i> в русском языке: семантический анализ.....	14
I.1. Слово <i>обычай</i> в современном литературном языке.....	14
I.1.1. Значения слова <i>обычай</i> в словарях и лексических корпусах.....	15
I.1.2. <i>Обычай</i> и <i>обыкновение</i> в зеркале лингвистического эксперимента.....	21
I.2. Историческая семантика слова <i>обычай</i> (XI–XIX вв.).....	39
I.3. Слово <i>обычай</i> в народных говорах.....	49
I.4. Семантическое своеобразие слова <i>обычай</i> в фольклорных текстах	54
II. Вербальные репрезентации обычая в русском языке: семантико-мотивационный анализ.....	74
II.1. Синонимы слова <i>обычай</i> в русском литературном языке.....	74
II.2. Мотивационный анализ слов, обозначающих <i>обычай</i> в русском языке	87
II.2.1. Нормативно-регулятивные мотивы	88
II.2.2. Ментально-психологические мотивы	100
II.2.3. Онтологические мотивы	107
II.2.4. Субъективно-оценочные мотивы.....	114
III. Значение ‘обычай’ в смысловой парадигме слов <i>мода</i> и <i>вера</i>	121
III.1. Семантическое своеобразие слова <i>мода</i>	121
III.2. <i>Вера</i> как обычай.....	138
Заключение	142
Литература	155
Сокращенные названия словарей и источников	186
Сокращения	197

ВВЕДЕНИЕ

Традиционное крестьянское общество является социумом, в котором довлеет традиция, или обычай. Изучение народной культуры нередко ведется с этой позиции. Специалисты разных научных областей и направлений — философы, историки, социологи, этнографы, культурологи, политики, лингвисты — согласны друг с другом в том, что традиция определяет существование общества такого типа, является его системообразующим элементом, фундаментом, без которого рухнет культурная общность: «Обычай можно рассматривать как простейшую форму всякой вообще нормативной регуляции» [Дробницкий, 2002, с. 244]; «Традиции — это не регламентируемые юридическими установлениями, поддерживаемые силой общественного мнения формы передачи новым поколениям способов реализации сложившихся в жизни данного общества идеологических отношений, политических, нравственных, религиозных, эстетических» [Суханов, 1996, с. 61]. Исследователи пришли к заключению, что обычай приобретает силу и значение в условиях малой группы: «Поскольку обычай вырабатывается внутри самой группы и никогда не навязывается в качестве социального регулятора извне, он представляет механизм саморегулирования группы, которая является автономной, относительно замкнутой и немногочисленной (во всяком случае, не массовой) и действует как самоуправляющаяся, то есть самодеятельная, самоорганизующаяся и саморегулирующаяся структура» [Смирнова, 2007, с. 42].

Опыт осмысления обычая как общественного явления всегда был востребован, прежде всего, в связи с междисциплинарностью понятия, не имеющего строгого определения ни в одном из научных направлений. Без преувеличения можно сказать, что изучение обычаев, их сущности, значения имеет богатую традицию в трудах отечественных и зарубежных ученых. Каждая научная дисциплина смотрит на обычай со своего ракурса, под собственным углом зрения, имеет определенные задачи и решает их на характерном для нее материале.

Специалисты в области юриспруденции не могут не брать в расчет присутствие обычая среди источников права, обращаются к вопросам установления объема понятия «правовой обычай» и истории правоприменительной практики, связанной с ним [Александров, 1984; Анисимов, 2009; Бабич, 1999; Белкин, 1998; Бутакова, 2011; Бутенко, 1980; Валеев, 1974; Головкин, 2008; Грязнов, 2001; Дашин, 2006; Зумбулидзе, 2003; Карцов, 2008; Коновалова, 2005; Кочетыгова, 2007; Краснов, 2003; Лаптева, 1997; Лисицын, 2010; Малова, 2006; Мальцев, 1999; Миронова, 2009; Мокшина, 2005; Наумкина, 2010; Некрасов, 2010; Осипян, 2006; Першиц, 1979; Печников, 2011; Плеханов, 2006; Плоцкая, 2013; Родина, 2006; Сафронова, 2007; Сеницына, 1978; Скуратова, 2007; Титарчук, 1995; Тиунов, 2009; Царегородская, 2004; Чибисов, 2008 и мн. др.]. Термин *правовой обычай* не будет рассматриваться в настоящей работе: обозначаемое им понятие и обусловленная научным дискурсом референция с фактами действительности, как и связи с другими терминами права, являются предметом дискуссий специалистов в области юриспруденции, поскольку существо спора лежит вне компетенции лингвистов.

Историко-этнографические, этнологические, культурологические исследования нацелены на описание обычаев и анализ их семантики и символики [Алимова, 1989; Асташова, 2008; Безгин, 2011; Винтина, 2010; Гимбатова, 2007; Грузнова, 2005; Гура, 2012; Егорова, 2009; Зорин, 2001; Иванова, 2004; Ивлева, 1994; Измаилов, 2011; Календарные..., 1971; Ларина и др., 2010; Леонтьева и др., 2007; Макина, 2007; Маслова, 1984; Материалы..., 1991; Матлин, 2013; Морозов и др., 2004; Садилов, 2011; СД, т. 1–5; Соколова, 1979; Сподина, 2011; Суфиев, 1991; Токарев, 1978; Толкачева, 2011; Фатыхова, 1994; Черных, 2007; Шитова, 2006 и мн. др.]. Постоянно пополняется ряд работ, которые имеют значение для сохранения культуры этносов отдельных регионов. Обычай рассматривается в историко-этнографических работах как основа традиционного социума.

Работы логико-философского, социологического, антропологического направлений, уделяющие основное внимание структуре и содержанию общественно значимых понятий, содержат квинтэссенцию опыта поколений по осмыслению функций обычая как «социального регулятора». Это кажется нам важным, поскольку, с одной стороны, этнографические, исторические, языковые и прочие данные служат

материалом для осмысления в социально-философском русле, а с другой стороны, на разработанные концепции опираются лингвисты, историки, антропологи, этнографы, правоведы, политологи, педагоги, психологи. Предметом внимания становятся компоненты логической структуры понятия «норма», одной из реализаций которого выступает обычай.

Не утрачивают актуальности дискуссии вокруг вопроса о соотношении понятий «обычай» и «традиция», которые одними авторами разграничиваются как узкое и широкое понятие соответственно, другими — отождествляются с указанием на некоторые различия в степени охвата социальных слоев либо явлений. В ряде работ социально-философского направления делаются выводы о несовпадении близких понятий, о различиях между ними [Апухтина и др., 2012; Арутюнов, 1981; Байбурин, 1993; Барсегян, 1981; Бобнева, 1978; Бондырева, 2004; Евзлин, 1993; Ледовская, 2006; Лисина, 2008; Лобанова, 2008; Малиновский, 2000; Малкандуев, 2004; Нечипуренко, 2002; Плахов, 1982; Сарингулян, 1984; Суханов, 1976; Триль, 2009; Хапчаев, 2012; Яговдик, 2005 и др.]. При этом, заметим, исследователи не приходят к какому-либо приемлемому для всех соглашению. Можно привести множество примеров разночтений в понимании учеными сущности, значения, функций и соотношения понятий «обычай», «традиция», «ритуал», «обряд» и некоторых других. В научных работах слова *обряд*, *ритуал*, *традиция*, *обычай*, несмотря на попытки строго разграничить обозначаемые ими понятия, используются достаточно вольно и оказываются либо рядоположными, либо взаимозаменяемыми. При этом ученые согласны друг с другом в том, что обычай, традицию, ритуал следует считать способом / способами трансляции социокультурного опыта, формой / формами организации социального поведения, формой / формами регламентации и / или регуляции общественного поведения человека. В этих обстоятельствах естественно ожидать, что попытки упорядочить метаязык исследований этих сложных социальных феноменов будут иметь продолжение.

Взяв за основу тезис о том, что обычай — значимая для народного сознания категория, обратим внимание на то, что устои традиционного общества выступают объектом номинации в русском языке.

Языковые факты, имеющие отношение к обычаю в любой из его ипостасей (обряд, правило поведения, типичная особенность быта и т.д.),

неоднократно становились предметом рассмотрения в лингвистических работах, выполненных на разном материале.

Под лексикой обычая можно понимать большой фонд языковых единиц, которые служат обозначениями обычаев и обрядов, элементов традиционных и мистических практик (диал. *мири́ца* ‘коллективная работа’, *перепой* и *перепои* ‘часть свадебного обряда: гуляние на второй день в доме невесты’, *слёвки* ‘деревенское гуляние, устраиваемое у одного из жителей деревни в складчину’, *бра́тчина* ‘варение пива сообща, на какой-либо праздник’ и др.), характеристик людей, которые строго придерживаются обычаев или не соблюдают их (диал. *староду́м* ‘любитель обычаев старины’, *беззако́нник* ‘о человеке, не признающем общепринятых обычаев, норм поведения, законов, нарушающем их’, *вогу́л* ‘о человеке, который отступает от принятых у русских норм в поведении, речи, одежде и чем-либо напоминает манси’, *судли́вый* ‘придерживающийся строгих правил и осуждающий нарушение их’), исполнителей обрядов (*полазник*, *колядник*, *христослав*, *осыпальница*, *отпевач*), собственно действий (диал. *божи́ть* ‘накликать беду, несчастье’), а также ритуальных предметов (*кутья* ‘поминальное блюдо’, *жаворонки* ‘обрядовое печенье’, *вильце* ‘свадебное деревце’ и др.).

Значительную часть этой лексики составляет обрядовая терминология (см. труды [Бунчук, 2012; Гура, 1977; Калмыкова, 2003; Махрачева, 1997; Подюков, 2012; Русинова, 2009; Седакова, 1983; Толстая, 1989; Толстой, 1995 и мн. др.]), которая лучше изучена в сравнении с лексикой, описывающей бытовые обычаи, однако требует систематизации и осмысления: «Собственный фонд культурной лексики в славянских языках весьма обширен и до сих пор полностью не выявлен. Он включает специальные обрядовые и мифологические термины, например *бадняк*, *коляда*, *купала*, *неперуда*, *додола*, *русалка*, *навки*, *стрига*, *волколак*, *сурва*, *коливо*, *кутья*, *ирей* и т.п., и их производные, а также многочисленные словообразовательные и семантические дериваты от общепотребительных слов: *проводы*, *щедруха* (хронимы), *колodka* (название обряда), *борода*, *красота* (названия ритуальных предметов), *деды* ‘предки, покойники’, *знать* ‘заниматься колдовством’, *шептать* ‘лечить, заговаривать’ и т.п.» [Толстая, 1989, с. 217].

В качестве материала для семантического и этимологического анализа выступают слова и фразеологизмы тематической группы всту-

пления в брак, в том числе народная терминология свадебной обрядности [Гура, 2012; Костромичева, 1998; Матлин, 2013; Попова, 2012; Таратынова, 2007; Филатова, 1995; Финько, 2011 и мн. др.], языковые факты, объединенные тематикой гостеприимства [Бабаев, 2009; Байрамова и др., 2008; Болхоева, 1999; Винантова, 2010; Гарипова, 2010; Зализняк, 2010; Любимов, 2012; Невская, 1997; Традиционные..., 2004; Турбина и др., 2008; Уссейну Талл, 2011], обозначения коллективной взаимопомощи [Афанасьева-Медведева, 2010; Янышкова, 2008 и др.], лексика погребальной обрядности [Гиндин, 1990; Рыбакова, 2005; Топоров, 1979 и др.] и т.д.

Предметом исследования становится символическая семантика лексем, служащих обозначениями семиотически значимых реалий — предметов материальной культуры. Таковы, например, существительные *лапоть*, *рубаха*, *платок* и обозначения других видов одежды и обуви [Крылова, 2002; Осипова, 1999; Панова, 2002; Тихомирова, 2013; Толстая, 2010, с. 115–125 и др.], слово *веник* [Кузьмина, 2010; Толстая, 2010, с. 70–96], обозначения блюд повседневной трапезы и ритуальных блюд [Гревцова, 2012; Занозина, 1994; Карасева, 2004; Пьянкова, 2008 и др.], слова *туес*, *бурак* и названия других бытовых емкостей [Пантелеев, 2007] и т.д. Выявление этнокультурных смыслов, свойственных таким словам, как правило, невозможно без привлечения широкого культурного фона — этнографических, культурно-исторических данных об обычае использования соответствующих предметов в быту или ритуале.

Языковеды уделяют внимание описанию фонда русской фразеологии, фоном для появления которой стали календарные, бытовые и иные обычаи [Ковшова, 2009; Мокиенко, 1986; Телия, 1996; Толстой, 1995, с. 373–428 и мн. др.].

Ведется изучение ритуализованных текстов и паремий (словесных формул). Вербальные компоненты обрядового комплекса (свадьбы, погребения и т.д.) и бытовые ритуализованные речевые формулы (произносимые при встрече, прощании, входе в чужой дом, во время коллективной работы и т.д.) исследуются с точки зрения семантики, формы, функции, прагматических и символических смыслов, специфики образности. Так, проводится лингвистический анализ свадебных ритуальных формул, присловий, приговоров, благопожеланий, обрядовой поэзии (*У вас ком теста и у нас ком теста, нельзя ли их*

свалить в одно место?; Мы непотерянно ищем. Дак вот найдем, нет?; Барашка потеряла, ищю; Пришёл я по молодушку, молоденькую ищю, которая на меня похожа; Ой, горько, да ой, у вас там мякины наложено; Пусти меня ночку ночевать, с тобой век коротать; У меня в лаптях ходила, у тебя пусть в ботиночках похаживает; Ложитесь вдвоём — вставляйте втроём!) [Балашов, 1985; Березович, 2007, с. 243–277; Григорьева, 2009; Гура, 2012; Крашенинникова, 2011; Масленникова, 2004; Поздеев, 1984; Рогачев, 2004; Свалова, 2012; Толстая, 2010, с. 65–69; Финько, 2011 и мн. др.].

Обзор работ можно продолжить, однако сказанное позволяет сделать вывод о значительной широте диапазона анализируемых лингвистами номинативных единиц по структурным, семантическим, стилистическим характеристикам.

Немаловажную часть исследований лексики этой семантической области составляют работы, посвященные этимологии, семантике и мотивации собственно слова *обычай* и его синонимов *обыкновение*, *традиция*, *мода*, *закон*, *ритуал*, *нрав* и др. [Байбурин, 1993; Веснина, 2012; Глебкин, 1998; Грицкевич и др., 2011; Ефанова, 2013; Колесов, 1986, с. 124–130; Кравченко, 2009; Мустайоки и др., 2006; Степанов, 2004, с. 591–620; Федяева, 2010; Шацкая, 2006 и др.].

Так, А. С. Львов, исследуя лексику «Повести временных лет», фиксирует и комментирует факт употребления в тексте летописи слова *обычаи* [Львов, 1975, с. 40]. М. Ф. Шацкая кратко излагает сведения о происхождении слов *обычай*, *обыкновение* в связи с анализом особенностей их функционирования в качестве юридических терминов [Шацкая, 2006].

Исследования слова *обычай* в семантическом ключе проводились в связи с осмыслением вербальных репрезентаций понятия «норма». Как указывает Л. Г. Ефанова, «для обозначения этого понятия употребляются специальные лексические единицы: *норма*, *стандарт*, *идеал*, *обычай*, *закон*, *правило*, *порядок*, *эталон*, *должное*, *лад* и т.д., в то время как несоответствие норме обозначается словами *аномалия*, *хаос*, *нонсенс*, *неурядица*, *брак*, *нелепый*, *странный* и т.п.» [Ефанова, 2008, с. 41]. Н. Д. Федяева, осуществив фронтальный просмотр словаря С. И. Ожегова, составляет ряд лексем, выражающих семантику нормы, куда попадает слово *обычай*: *норма*, *правило*, *канон*, *закон*, *обычай*, *граница*, *предел*, *норматив*, *квота*, *такса*, *ставка*, *лимит*,

график, руководство, требование, стандарт, право, критерий, образец [Федяева, 2009; Федяева, 2010, с. 14]. Совпадает с ними во мнении и Г. Ю. Веснина: «На современном этапе понятие “норма” выражается следующими лексическими средствами: *норма (нормальный, нормально), мера, мерило, размер, обычай (обычный), обыкновение (обыкновенный), порядок, правило (правильный, правильно, правильность), образец, установление (установленный), установка, положение (положенный)*, на периферии — *закон, привычка, степень*» [Веснина, 2012, с. 87]. Исследования репрезентации нормативных смыслов в лексической семантике позволили обосновать трактовку обычая как нормы, социального регулятива.

Ученые обращаются к вопросам происхождения и установления первоначальной семантики слова *закон* и дальнейшего развития его семантики [Львов, 1975, с. 189; Рогов и др., 2006, с. 176; Сичинава, 2013; Трубачев, 2005, с. 29].

Внимание уделяется функционированию слов *нрав, норы*, способных обозначать обычай [Колесов, 1986, с. 123–130; Лескинен, 2012; Львов, 1975, с. 40–41].

В историко-семантическом ключе рассматривалось слово *быт*, которое фиксировалось в значениях ‘обычай’, ‘образ жизни; уклад жизни, свойственный той или иной среде, той или иной социальной группе’, ‘нравы и обычаи повседневной жизни, характерные для того или иного класса, сословия, профессии’ [Рудакова, 2003, с. 46–53].

Предметом рассмотрения становится слово *мода* [Белица и др., 2009; Бочарникова, 2012; Грицкевич и др., 2011; Мустайоки и др., 2006, с. 45–46; Попова, 2007; Хунагова, 2013а; Чурсина, 2008 и др.].

В. В. Глебкин предваряет моделирование понятийного конструкта «ритуал» сведениями о времени появления слова *ритуал* в русском языке и выражаемых им смыслах [Глебкин, 1998, с. 3].

А. В. Кравченко с целью осмыслить понятие традиции в науке обращается к рассмотрению семантики соответствующего слова: «В русском языке существительное *традиция* может употребляться в двух основных значениях: (1) ‘то, что передано / перешло / унаследовано от предшествующих поколений’ <...> (2) ‘установившийся порядок в поведении, обычай’ <...> Общее значение слова *традиция* можно определить как ‘устоявшаяся практика’, при этом в первом значении это практика неопределенно широкого круга людей, категоризован-

ного по атемпоральному (не имеющему конкретной временной отнесенности) признаку как абстрактное множество, например *народ*, *этнос*, *сословие* и т.д. (ср.: *старая народная традиция*, *традиции коренного населения*, *хорошая крестьянская традиция* и т.п.); во втором же случае это практика неопределенно узкого круга людей, категоризованного по темпоральному признаку, например, *коллеги*, *сослуживцы*, *выпускники школы / вуза* и т.д. (ср.: *традиции нашего коллектива*, *заводская традиция*, *школьная традиция* и т.п.)» [Кравченко, 2009, с. 51].

Представим некоторые итоги краткого обзора лингвистических работ, посвященных лексике обычая.

1. До настоящего времени слову *обычай* не было посвящено самостоятельных лингвистических исследований. Богатая история развития значений этого слова почти не освещена в научных работах. Описание реальной языковой ситуации, которое системно и с достаточной полнотой отобразило бы положение дел в данной лексико-семантической области, по-прежнему отсутствует.
2. Недостаточная изученность спектра значений слов, имеющих своим референтом *обычай*, порождает терминологические трудности и побуждает специалистов разных научных направлений, интересы которых лежат вне сферы лингвистики, к поиску решений вопроса о содержании терминов этой группы.
3. Далеко не все лексические единицы со значением 'обычай' учтены, состав этого ряда слов до настоящего времени не определен.
4. Чрезвычайно мало внимания, как это ни парадоксально, уделено диалектным фиксациям со значением 'обычай', несмотря на то, что именно диалектный лексический фонд мог бы представлять интерес, поскольку он соотносим с традиционной культурой русской деревни и русского крестьянства, для которого *обычай* как сложившееся в жизненной практике социальное установление имеет (или долгое время имел) существенно большее значение, чем для городской среды. Недостаточное освещение в лингвистических трудах получили такие аспекты семантики слова *обычай* и его синонимов, как различия литературных и диалектных значений.

5. Отсутствует на сегодняшний день комплексное разностороннее семантико-мотивационное описание всей системы лексических репрезентаций *обычая* в русском языке. В работах, посвященных изучению слова *обычай* и других существительных, называемых его синонимами, отмечается, что мы имеем дело с полисемантами, однако возможные сходства, параллели в системах значений этих слов на сегодняшний день не рассматривались. Использование в дефинициях слов семантического идентификатора ‘обычай’ без иных пояснений приводит к тому, что толкуемые слова остаются не вполне объясненными, поскольку слово *обычай* многозначно.

Возможности дальнейшего исследования этой лексики лежат в области решения следующих лингвистических задач:

- анализ истории развития значений слова *обычай*, в русском языке, в том числе актуализированных в современной практике его употребления и в диалектной речи;
- анализ значений слова *обычай*, актуализированных в современной практике его употребления;
- анализ лексикографических описаний слова *обычай*, выработка рекомендаций в отношении его представления в словаре;
- выявление ряда слов, являющихся синонимами слова *обычай* в русском литературном языке;
- выявление обозначений *обычая* в русских народных говорах;
- семантико-мотивационный анализ русских диалектных и общерусских обозначений *обычая*.

В данной книге представлен опыт исследования лексики *обычая* в семантико-мотивационном аспекте. К анализу привлекаются собственно слово *обычай*, его синонимы и аналоги в русском литературном языке и народных говорах. Основной своей задачей мы видим этнолингвистическую интерпретацию семантики и мотивации обозначенного корпуса лексики. Поиск смысловой доминанты, организующей семантическое пространство слова *обычай* и представленной в мотивационной структуре слов, служащих обозначениями понятия «обычай», интересен для понимания направлений концептуализации *обычая* в русском языковом сознании.

Книга включает три раздела. В первом из них изложены результаты анализа семантики одного слова — *обычай* — в русском языке.

Во втором разделе собраны и проанализированы синонимы слова *обычай*, извлеченные из словарей литературного языка и русских народных говоров, и сделан акцент на системном осмыслении их мотивации. Третий раздел содержит опыт семантико-мотивационного анализа двух слов (*мода* и *вера*), которые в русских народных говорах имеют значение ‘обычай’, не свойственное им в литературном языке.

Можно надеяться, что результаты лингвистического анализа слова *обычай* и его синонимов будут полезны для осмысления механизмов регуляции, действующих в крестьянском сообществе.

I. СЛОВО *ОБЫЧАЙ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Семантике общенародного русского слова *обычай* до настоящего времени не было посвящено самостоятельных исследований, хотя в ряде работ приводятся сведения о его этимологии, о происхождении и особенностях употребления близких ему по значению существительных *ритуал, традиция, мода, норма* и др., затрагиваются нюансы совпадения и различия значений этих слов [Веснина, 2012; Глебкин, 1998; Ефанова, 2008; Кравченко, 2009; Мустайоки и др., 2006; Федяева, 2009; Шацкая, 2006 и др.]. Заметим, что при всей многочисленности работ, посвященных изучению лексики и фразеологии, соотносимой с обычаями, слово *обычай* употребляется в них без специального семантического комментария. Так же и в этнографических, исторических, логико-философских, социологических, антропологических, культурологических работах, посвященных изучению обычая как феномена, практически не уделяется внимания этому слову, даже если оно используется в качестве термина, словно речь идет о вполне понятном читателю однозначном слове. Между тем это существительное представлено многозначным в лексикографических источниках, в том числе в словарях современного русского языка. Данные анализа исторических словарей русского языка, корпусов русского языка, диалектных записей, текстов фольклора существенно меняют представление о семантической палитре слова *обычай* в русском языке. Разностороннему анализу семантики этого слова посвящена данная глава.

I.1. Слово *обычай* в современном литературном языке

Исследование и описание современной семантики слова требует использования принципа дополнительности. Корректность анализа словарных дефиниций обеспечивается привлечением материалов Национального корпуса русского языка (а именно текстовых образцов

использования слова в публицистической, художественной, разговорной речи) и интерпретацией данных лингвистического эксперимента, посвященного словам *обычай* и *обыкновение*.

1.1.1. Значения слова *обычай* в словарях и лексических корпусах

Изучение данных, извлеченных из словарей современного русского языка, и контекстный анализ употреблений слова *обычай*, обнаруженных в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), позволяют составить представление о том, каков спектр значений этого слова сегодня.

В Словаре современного русского литературного языка дается два значения слова *обычай*:

- 1) ‘общепринятый порядок, издавна укоренившийся в быту того или иного народа, той или иной общественной группы’ (*Эх, Кулигин, больно трудно мне здесь без привычки-то! Все на меня как-то дико смотрят, точно я здесь лишний, точно мешаю им. Обычаев я здешних не знаю — А. Остр. Гроза; У черкесов есть очень милый обычай дарить гостю все, что он похвалит, — сказал я любезно — Купр. Олеся; У нас, по стародавнему обычаю, ужин сытный, как обед. Кушаем не по нужде, а для удовольствия — М. Горький. Жизнь Кл. Самгина*) [ССРЛЯ, т. 8, с. 582];
- 2) (только ед.; простореч.) ‘привычный образ действий, поведения; привычка, обыкновение; поведение, манера держать себя’ (*А у меня что дело, что не дело, Обычай мой такой: Подписано, так с плеч долой — Гриб. Горе от ума; У всякого свой обычай; А у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донушка — Пушкин. Бор. Годунов*) [Там же].

Другие словари литературного языка предлагают тот же вариант лексикографического описания слова, однако система его значений в современной речи, вероятно, более сложна. Высказывания, включающие это слово, разнообразны по описываемым в них ситуациям и объектам, ср.: *обычай носить амулеты* [ССРЛЯ, т. 1, с. 121], *обычай чревоугодничать* [ССРЛЯ, т. 17, с. 1106], *обычай хоронить до захода солнца* [НКРЯ] и др. В связи с этим нам кажется важным охарактери-

зовать значения слова, проведя их «детализацию» в зависимости от денотативной соотнесенности («типа референции», «денотативного статуса») слова.

Более детальное описание системы значений слова можно составить на основе анализа образцов его употребления в речи современного носителя русского языка. К анализу было привлечено более 500 предложений со словом *обычай*, извлеченных из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и из словарных статей Словаря современного русского языка.

Типология денотатов слова *обычай* может быть проведена на основе анализа его сочетаемости, контекстного окружения. Анализ представляет собой интерпретацию использованных в иллюстративном контексте обозначений каких-либо явлений, объектов действительности, с которыми говорящий соотносит понятие *обычай*. Интерпретация состоит в подборе тематического наименования для того феномена, который подразумевается говорящим при употреблении существительного *обычай*. Например, сочетание *обычай давать прозвища* указывает на привычную в данном социуме особенность коммуникации. Словоупотребление *обычай кумиться* передает смысл 'обряд или часть обряда, обрядовое действие'. Предложением *Во многих домах ещё сохранён обычай наливать в лампы керосин и чистить ваксой обувь* обозначается установившийся в быту порядок исполнения повседневных дел и т.д.

Внимание уделялось только контекстам, в которых смысловое наполнение слова *обычай* было конкретизировано описанием ситуации действительности. Не учитывались контексты, в которых лишь общо угадывается содержание понятия, называемого *обычаем*: *Обожаю древние обычаи; Мы не будем нарушать обычая; Всё дело в обычаях* [НКРЯ]. В результате такого рода интерпретационных процедур было выявлено несколько тематических групп словосочетаний. Порядок представления тематических групп определен количественным критерием (сначала названы тематические группы, включающие наибольшее число языковых примеров, далее — по убыванию), однако мы не можем утверждать, что количественные оценки собранных нами контекстов отражают реальную картину функционирования слова *обычай* и его синонимов в современной речевой практике, и пре-

жде всего потому, что принимались во внимание как примеры из художественных произведений, так и образцы современной русской разговорной речи и просторечия, что обусловило отсутствие «оформленности», «определенности» образа «коллективного говорящего».

1. ‘Установившийся в быту или введенный порядок исполнения повседневных дел, обращения с предметами’: *Во многих домах ещё сохранён обычай наливать в лампы керосин и чистить ваксой обувь [НКРЯ], У нас, по стародавнему обычаю, ужин сытный, как обед [ССРЛЯ, т. 8, с. 582], В древнегреческие времена граждане имели обычай не начинать важного дела без консультации с Дельфийским оракулом [НКРЯ]; Таков уж обычай — ни одна уважающая себя башкирская или татарская бабушка не сядет пить чай без молока [НКРЯ]; И это ожидание неизбежной ошибки характерно для жителей нашей таинственной Родины, где от века любимый обычай — путать с неизвестной целью адреса, номера телефонов и кабинетов [НКРЯ]; У переселенцев вошло в обычай на время похода принимать собственные конституции и законы [НКРЯ]; По тогдашнему обычаю портной жил в избе заказчика, пока не кончит работу [НКРЯ]; Каждый дом имеет свои обычаи и привычки и имеет на это право — например, у нас было принято мочить бельё только в специальном корыте, у Магазиновых — в общей ванне [НКРЯ], У более зажиточных, обязанных оброком крестьян естественно развивается обычай эксплуатировать за свой счёт сельских наёмных рабочих [НКРЯ], Таков был обычай самиздатской среды — в принципе не смотреть телевизор [НКРЯ], [Доктор] прописал ей микстуру и каких-то порошков, более для обычая, чем для надобности. — Дост. Униж. и оскорбл. [ССРЛЯ, т. 17, с. 840], Ноги, по обычаю портных, сидящих за работою, были нагишом. — Гог. Шинель [ССРЛЯ, т. 17, с. 873], Густо напмаженные волосы были собраны, по заводскому обычаю, под атласный бабий «шлык», значит, Гашка была теперь дамой. — Мам.-Сиб. Сестры [ССРЛЯ, т. 17, с. 1477], В возрасте 29 лет стал епископом, в то время как обычай требует от посвящаемого быть не моложе 30 [НКРЯ], Без вина — оно ещё не было в обычае, да и дорого [НКРЯ].*

2. ‘Неписаное правило необрядовой коммуникации, форма организации отношений между людьми, установившийся в общении порядок’: *Такой обычай, истари существовавший в русских деревнях, назывался «помощью» («толокой») [НКРЯ], Древний обычай*

всегда считал путников голодными, и Апенушкины пригласили к столу Андрея Николаевича [НКРЯ], Нас встречали по старому русскому обычаю хлебом-солью [НКРЯ], обычаи флотского гостеприимства [ССРЛЯ, т. 2, с. 209], обычаем дарить гостю все, что он похвалит [ССРЛЯ, т. 8, с. 582], Это было не в обычае в нашем селе: женатые <...> с призывными парнями не яжились. — Гладк. Лихая година [ССРЛЯ, т. 17, с. 2075], Тогда был обычай давать фамилию по названию города, деревни или местечка, откуда ты родом [НКРЯ], Обычаем предписывает мужчине, войдя в жилое помещение, снимать головной убор [НКРЯ], Коммунальный брак, имея все меньше соучастников и соучастниц безразличного сожительства, обращался в эндогамию, в обычаи, дозволявший мужчине сожительство только с женщинами своего племени. — Черныш. О первонач. формах полов. сожительства [ССРЛЯ, т. 17, с. 1869], Говорили, что преступный мир — организованный, спаянный убеждениями и обычаями — относится к новым людям с большой неприязнью [НКРЯ].

3. ‘Обряд или часть обряда, ритуала, порядок организации обряда’: Обычай праздновать Масленицу очень древний [НКРЯ], Нести тело ему не разрешили, сославшись на неведомый и нелепый обычай [НКРЯ], Фольклористы отмечают, что еще в начале XX века на Русском Севере существовал обычай по праздникам приходить в дом с «величальным виноградием» [НКРЯ]; Вносили как кровать, так и все прочее [приданое], при зрении сбежавшегося народа, по обычаю, на коврах и церемониально. — Болотов. Записки [ССРЛЯ, т. 17, с. 662], По малазийскому обычаю в Новый год нужно обсыпать дорогих тебе людей цветами [НКРЯ], Оттого не красили дома на Пасху яйца и не пекли кулич, не говорили стыдливо, что это, дескать, народные обычаи [НКРЯ], Повсеместно существовал обычай «кумиться», то есть дружиться, родниться с деревьями [НКРЯ], Вот откуда на Кавказе остался обычай похищения невесты! [НКРЯ], У многих народов существовал обычай ритуального жертвоприношения тимьяна [НКРЯ].

4. ‘Индивидуальная привычка, обыкновение, привычный образ действий, манера держать себя’: Он не сразу меня заметил, а когда заметил, отнёсся не по обычаю холодно [НКРЯ], В тот же день, часа в четыре, я, по обычаю, побежал в парк [НКРЯ], И в обычае у нее было делать глубокие замечания под видом легкой шутки [НКРЯ], Поэтому я имел обычай в Великую Субботу посещать храмы Москвы [НКРЯ],

Сегодня она была не по обычаю молчалива [НКРЯ], Верный своим обычаям, он сразу заводил на берегу знакомство с женщинами [НКРЯ], Президент, по обычаю своему, попенял пенсионерам, что по закону они вообще-то повышения пенсии еще не заслужили [НКРЯ].

5. ‘Свойство, характерная черта, сущность, природа, натура, естество (о людях, имеющих сходство по социально-физическому параметру)’: Но по привычке и обычаю людей немолодых сестра хозяйина всё равно проснулась довольно рано [НКРЯ], Теперь, по обычаю всех трусов, вы замечаете следы [НКРЯ], Это есть старинный обычай русской мыслящей интеллигенции [НКРЯ], Он заснул на лугу, забыв положить ладошку под голову по детскому обычаю [НКРЯ], По обычаю всех честолобцев понесся он в Петербург, куда, как известно, стремится ото всех сторон России наша пылкая молодежь — служить, блистать, выслуживаться. — Гог. Мертв. души [ССРЛЯ, т. 17, с. 982].

6. ‘Мода, популярная в данное время тенденция’: На обложке, по модному обычаю, лицо Битова вписано в знаменитый портрет Мусоргского работы Репина; Обычай поносить Дж. Буша-младшего ужасными словами, сравнивая его с самыми мрачными фигурами прошлого, прежде свойственный лишь политической маргиналии, теперь стал присущ и политической элите многих великих держав; Мне претит обычай фотографировать невесту на белой лошади; Обычаем сделалось преподносить всякую закружившую человеческую голову технику [НКРЯ]. В примерах словоупотреблений данной группы можно видеть сходство с примерами из второй группы по актуализации в контекстах такой семантической составляющей понятия *обычай*, как частая повторяемость какого-либо действия. Однако обратим внимание, что в том случае речь идет о правилах необрядовой коммуникации, а в примерах употребления слова *обычай* в значении ‘мода’ чаще подразумеваются некоммуникативные категории (например, распространившиеся в определенной среде художественно-изобразительные или идеологические предпочтения). Кроме того, *обычай* как ‘мода’ служит обозначением тиражирования, слепого «внешнего» копирования, воспроизведения популярного действия, имеющего признаки престижности, в противовес *обычаю* как ‘правилу коммуникации’ — выработанному в жизненной практике и осознаваемому как норма поведения.

7. ‘Выработанные в долговременной практике взаимодействий принцип или система принципов, негласное правило деловой среды, условленный порядок, церемониал’: *Президент Буш с самого начала боевых действий заявил, что его противник не соблюдает законы и обычаи войны и правила морали; При этом решения основывались на обычаях и практике ведения бизнеса (коммерческом обычном праве); Под безличным расчетом понимается расчет платежными поручениями <...>, а также расчеты в иных формах, предусмотренных законодательством Российской Федерации, установленными в соответствии с ним банковскими правилами и применяемыми в банковской практике обычаями делового оборота; В посольском обычае XV–XVII веков огромное значение придавали последовательности отправления своих посольств и приёма чужих [НКРЯ].*

8. ‘Принятая в сообществе людей ментальная установка’: *Понятное дело, не в обычае здешних богатырей числить себя слабаками [НКРЯ].*

9. ‘Обиход, образ жизни членов одной общественной группы либо семьи, ее быт, нравы, порядок’: *Сидит он второй срок, сын ГУЛАГа, лагерный обычай знает напрожог [НКРЯ].*

К числу характерных особенностей функционирования слова *обычай* в современном русском языке можно отнести следующие:

- в наибольшем числе употреблений слова реализуются значения ‘элемент или порядок исполнения бытовых дел’ и ‘элемент или порядок необрядовой коммуникации’;
- слово активно функционирует и как обозначение обряда или ритуальных практик;
- не отмечается или крайне редко в текстах XIX–XX веков встречается использование слова в качестве обозначения способа выполнения деятельности (образа действий, ср.: *Все порешили таким обычаем: ежели Ахрем не напоит допьяна всю слободу, и толковать много не след: в ратники! Я тебе докладывал, что так и чухают, с кого бы сорвать выпивку. — Н. Усп. [ССРЛЯ, т. 17, с. 1215]), занятия по роду деятельности (ср.: Летом землю общим крестьянским обычаем работают, а зимой разбредутся кто куда и шерстобитничают. — Салт. Праздн. разг. [ССРЛЯ, т. 17, с. 1360]), официального закона и нрава человека;*

- слово служит обозначением как индивидуальной привычки человека, так и социального установления;
- невозможно подобрать слово, обозначающее родовое понятие, общее для всех значений слова, так как обычаем может называться действие и ментальная установка, индивидуальная и общественная привычка, отдельное правило и система правил, но почти всегда речь идет о какой-либо практической закономерности, обусловленной естественным ходом вещей или введенным правилом.

1.1.2. Обычай и обыкновение в зеркале лингвистического эксперимента

Среди принадлежащих русскому литературному языку обозначений социальных установлений (*обычай, традиция, установление, неписаный закон, обыкновение* и др.) обращают на себя внимание слова *обычай* и *обыкновение*, которые, будучи однокоренными (праслав. **obvūcaĭjь* трактуется как суффиксальное образование от основы глагола **obvūkt'ĭ*, а он, в свою очередь, происходит от слабо засвидетельствованного в свободном виде глагола **vūkt'ĭ*, соотносительного с глаголом **vūknŕti* [ЭССЯ, т. 31, с. 112–113, 117]), являются также синонимами.

В словаре современного русского литературного языка эти существительные не имеют помет, которые, свидетельствовали бы об ограничении сферы или времени их употребления:

- литер. *обы́чай* (в первом значении) ‘общепринятый порядок, издавна укоренившийся в быту того или иного народа, той или иной общественной группы’ (*Эх, Кулигин, больно трудно мне здесь без привычки-то! Все на меня как-то дико смотрят, точно я здесь лишний, точно мешаю им. Обычаев я здешних не знаю. — А. Остр. Гроза; У черкесов есть очень милый обычай дарить гостю все, что он похвалит, — сказал я любезно. — Купр. Олеся; У нас, по стародавнему обычаю, ужин сытный, как обед. Кушаем не по нужде, а для удовольствия. — М. Горький. Жизнь Кл. Самгина*) [ССРЛЯ, т. 8, с. 582];
- литер. *обыкнове́ние* (оттенок значения) || ‘обычай, заведение’ (*Во время шестилетнего отсутствия я вовсе позабыл здешние обык-*

новения. — А. С. Пушки. Арап Петра Вел.; *По тогдашнему обыкновению, его образование представлено было иностранным гувернерам.* — Доброл. А. С. Пушкин; *Тянька вас любит, он простит. Мы к нему сейчас приедем после свадьбы, знаете, по русскому обыкновению, ему в ноги.* — А. Остр. Не в свои сани...) [ССРЛЯ, т. 8, с. 576].

Эти слова схожи также и в том, что могут служить обозначениями индивидуальной особенности уклада жизни человека или одной семьи:

- литер. *обычай* (во втором значении, только ед.; простореч.) ‘привычный образ действий, поведения; привычка, обыкновение; поведение, манера держать себя’ (*А у меня что дело, что не дело, Обычай мой такой: Подписано, так с плеч долой.* — Гриб. Горе от ума; *У всякого свой обычай; А у нас с отцом Мисаилом одна заботушка: пьем до донушка.* — Пушки. Бор. Годунов) [ССРЛЯ, т. 8, с. 582];
- литер. *обыкнове́ние* (основное значение) ‘заведенный порядок в чем-либо; привычка’ (*Было у него странное обыкновение — ходить по нашим квартирам.* — Чех. Чел. в футляре; *У него [почтмейстера] было обыкновение читать все газеты и журналы.* — А. Н. Толст. Детство Никиты) [ССРЛЯ, т. 8, с. 576].

Таким образом, по материалам словаря, существительные *обычай* и *обыкновение* — однокоренные слова-синонимы¹. Для нас представляет интерес вопрос об их употребительности в современной речевой практике, а также о том, какие их значения актуальны в сознании носителей русского языка.

В 2011–2013 годах нами было проведено экспериментальное исследование, по условиям которого его участники (студенты 1 и 2 курса вузов разных специальностей) должны были составить три предложения со словом *обычай*, затем столько же — со словом *обыкновение*. Дополнительных комментариев испытуемым не давалось, примеры составления предложений не приводились. Исследование материала в сопоставительном аспекте предполагало выявление существенных различий в употреблении слов, способных, по данным словаря современ-

¹ В качестве юридических терминов слова *обычай* и *обыкновение* не являются синонимами. Вопросам их разграничения посвящено множество специальных работ [Зыкин, 1979; Козлова, 2012; Тартинская, 2007; Шацкая, 2006 и мн. др.].

ного литературного языка, выступать в качестве синонимов, обозначающих сложившиеся в обществе порядки либо привычки человека.

Общее количество участников эксперимента — 55. Было получено 285 предложений из 330 возможных (73%) из-за отказов респондентов составлять предложения, по преимуществу со словом *обыкновение*. Из этого материала оказалось возможным анализировать только 210 образцов, поскольку 75 предложений (преимущественно также со словом *обыкновение*) содержали речевые ошибки вследствие непонимания участниками эксперимента слова, которое, по условиям эксперимента, нужно было включить в предложения (*Мы знаем обыкновение погоды; Это крылатое обыкновение; Это обычное обыкновение* и др.). Данные о первичных статистических результатах эксперимента представлены в таблице 1.

Таблица 1

Успешность выполнения экспериментального задания на составление предложений со словами *обычай* и *обыкновение*

	Количество предложений (шт. —%) со словом	
	<i>обычай</i>	<i>обыкновение</i>
Отказ от составления предложения	2 — менее 2%	43 — 26%
Дефектное предложение	6 — 5%	69 — 42%
Предложение составлено без нарушений правильности речи	157 — 95%	53 — 32%
Общее количество предложений, должных быть составленными	165 — 100%	165 — 100%

Приведенная статистика очень выразительна, она позволяет оценить степень «освоенности» каждой из этих лексем носителями современного русского языка. Полученные цифровые данные не оставляют возможности объяснить эти результаты исключительно погрешностями, неизбежными в любом эксперименте.

При работе со словом *обычай* не испытывали затруднений с составлением предложений 95% участников эксперимента, а со словом *обыкновение* — лишь 32%. Думается, это существенное различие в цифро-

вых показателей свидетельствует о том, что два сравниваемых слова находятся в разных «весовых категориях» в языковом сознании современного носителя русского языка. Это не может не отражаться в речевой практике и, вероятно, требует корректного, адекватного действительности представления в лексикографических описаниях.

Далее анализ материала осуществлялся в трех аспектах, соответствующих решению трех задач: во-первых, прояснению денотатов двух указанных слов; во-вторых, поиску ответа на вопрос о том, подразумевает ли пишущий социальную категорию или индивидуальную особенность образа жизни человека; в-третьих, выявлению контекстно маркированных признаков понятий «обычай» и «обыкновение».

Первоначальная гипотеза состояла в том, что слова имеют различную референцию, неравнозначно соотносятся с категориями «социальное» и «индивидуальное» и отличаются друг от друга особенностями включения в предложения.

1. Денотация слов *обычай* и *обыкновение*. Денотация слова как его отнесение к обозначаемому объекту может быть зафиксирована посредством контекстного окружения: *У нас в обычае готовить блины на Масленицу; В Казахстане есть интересный обычай: мальчику по достижении шести лет связывают ноги, и он должен выбраться из веревок* и др. В других случаях она может оказаться настолько слабо актуализированной при использовании слова в речи, что его смысл нельзя с определенностью описать исходя из контекстного окружения, и тогда нередко это компенсируется указанием на одно из свойств обозначаемого объекта: *Это чуждой обычай; Мы и сегодня чтим старые обычаи* и др.

Поскольку первичная статистика успешности выполнения задания участниками эксперимента выявила разную степень освоенности слов *обычай* и *обыкновение*, может оказаться интересным, какие стратегии избирают респонденты при включении этих слов в предложения.

Во внимание принимались предложения за вычетом тех, которые не были составлены, и тех, которые содержали речевые ошибки, а именно учитывались 157 предложений со словом *обычай* и 53 предложения со словом *обыкновение*. Оказалось, что в данном случае выявляются ровно противоположные тенденции. При употреблении слова *обыкновение* отдавалось предпочтение стратегии максимальной конкретизации денотата (в 89% случаев: *Я имею обыкновение **опазды-***

вать / неть в душе / ходить этим путем и т.д.), а при включении в предложение слова *обычай* на первый план выходит внимание к категориальным признакам понятия. Слово *обычай* в большинстве вариантов ответов было употреблено так, что на их основании можно лишь составить представление о каком-либо одном признаке обозначаемого объекта, например, давности существования (*Это всем известный древний обычай*), принадлежности социуму (*Я знаю обычай этой деревни*), распространенности (*Раньше все знали и соблюдали этот обычай*) и т.д. При этом невозможно предположить, что именно подразумевается, идет ли речь об особенности быта или о ритуальном действии, обряде. Участники эксперимента не стремились припомнить и привести частный пример обычая, ограничиваясь воспроизведением стандартной сочетаемости слова (*древний обычай, чтить / нарушать обычаи, занимательный обычай, изучать обычаи* и т.д.), то есть в 87% случаев прибегали к стратегии детализации понятия, или дескрипции (табл. 2).

Таблица 2

Актуализация денотатов слов *обычай* и *обыкновение* в предложениях, составленных участниками лингвистического эксперимента

	Количество предложений (шт. —%) со словом	
	<i>обычай</i>	<i>обыкновение</i>
В предложении не актуализирован / слабо актуализирован денотат	136 — 87%	6 — 11%
В предложении актуализирован денотат	21 — 13%	47 — 89%
Общее количество предложений	157 — 100%	53 — 100%

2. Слова *обычай* и *обыкновение* как лексические репрезентанты оппозиции «индивидуальное vs. социальное». По описанным ранее причинам при выяснении вопроса о том, подразумевает ли пишущий социальную категорию или индивидуальную особенность образа жизни человека, в расчет принимались 157 составленных участниками эксперимента предложений со словом *обычай* и 53 предложения

со словом *обыкновение*. Из них четыре предложения свидетельствуют о том, что слово *обыкновение*, в отличие от существительного *обычай*, способно служить обозначением природных закономерностей: *Плохая погода — на Урале обыкновение; Погода имеет обыкновение портиться к вечеру* и др. Остальные словоупотребления были так или иначе связаны с человеком или обществом.

Даже в случаях, когда денотат слова при его использовании участниками эксперимента в предложении характеризуется неопределенностью, вполне возможно заключить, идет ли речь об индивидуальной привычке человека (*Такой у меня обычай*) или о социальном установлении (*В каждой стране свои обычаи*).

Обратим внимание, что к сфере индивидуального мы считаем нужным относить привычки и особенности образа жизни не только человека, но и людей, образующих семью. Объяснить такой подход можно тем, что семья мыслится как противопоставленная обществу замкнутая «ячейка». Во всяком случае, говорящий представляет семью как отличную от других, в которых такого обычая или обыкновения нет.

Было выяснено, что слово *обычай* функционирует преимущественно в качестве обозначения социальных явлений (86% предложений), в то время как существительное *обыкновение* чаще соотносится (75% предложений) со сферой индивидуальных привычек (табл. 3).

Таблица 3

Контекстная реализация слов *обычай* и *обыкновение* в роли обозначений индивидуальных или социальных категорий в речи современного носителя языка: результаты лингвистического эксперимента

	Количество предложений (шт. —%) со словом	
	<i>обычай</i>	<i>обыкновение</i>
Индивидуальная категория	22 — 14%	40 — 75%
Социальная категория	135 — 86%	9 — 17%
Категория, описывающая природные закономерности	—	4 — 8%
Общее количество предложений	157 — 100%	53 — 100%

3. Анализ контекстного окружения слова *обычай*. Как отмечалось ранее при описании результатов эксперимента, сочетаемость слова *обычай* оказалась невыразительной с точки зрения содержания в ней информации о денотате, однако — обратим внимание — составленные респондентами предложения позволяют на основе анализа сочетаемости слова выявить ряд признаков, релевантных для обсуждаемого феномена. Признаки размещены в таблице по порядку выявленной частотности апелляций к ним в предложениях, составленных участниками эксперимента (табл. 4).

Дробно представленную в таблице информацию можно обобщить, указав основные направления дескрипции понятия «обычай». Включая соответствующее слово в предложения, участники эксперимента описывали:

- 1) идентификационный потенциал обычая, а именно его закреплённость за каким-либо социумом или его частью — народом (48), неопределённым множественным субъектом, обозначенным местоимением *наш, их, мы* (26), местностью с её населением¹ (16), семьёй (13), общественной, в том числе профессиональной группой² (10), а вследствие этого — множественность обычаев (5);
- 2) отношение к обычаю в двух аспектах — с точки зрения практики его применения, то есть исполнения либо неисполнения, (19) и с позиций отстранённого наблюдения, то есть эстетической оценки или изучения (18); достаточно большое количество предложений оценочного характера, как нам кажется, обусловлено во многом узуальной сочетаемостью: *читать / соблюдать / нарушать обычай, интересный / суровый обычай*;

¹ В сущности, название места следует толковать в этих случаях как обозначение места проживания какого-либо этноса, поэтому легко преобразовать предложение в другую синтаксическую конструкцию с обозначением уже не места, а народа или социальной группы, имеющей территориальную привязку, ср.: *В Индии интересные обычаи* = *У индейцев интересные обычаи*; *Я знаю обычаи и традиции этой деревни* = *Я знаю деревенские обычаи и традиции* и др.

² Содержащиеся в предложениях указания на национальную культуру, профессиональную среду, на сферу религии, политики опосредованно отсылают к человеку, социуму, к разным сферам человеческой коммуникации.

Контекстно маркированные признаки понятия «обычай»: результаты лингвистического эксперимента

Характеристики обычая	Лексические маркеры, которые были использованы респондентами при составлении предложений со словом <i>обычай</i>	Примеры предложений со словом <i>обычай</i>	Количество предложений, в которых данная характеристика лексически маркирована
Закрепленность за этнической группой	народ этнос народность национальность народный племя русский африканцы индейцы евреи якуты кельты эллины	<i>В племени соблюдается этот обычай;</i> <i>У индейцев есть интересные обычаи;</i> <i>Здесь появился главный обычай якутов.</i> <i>Пить кофе — американский обычай;</i> <i>У кельтов существовал обычай</i> <i>принесения в жертву богам животных</i> <i>через сожжение</i>	48
Посессиивность	свой чужой наш их	<i>В каждой культуре свои обычаи;</i> <i>Это чужой обычай</i>	26
Онтологический статус	быть существовать иметься нет исчезнуть	<i>У каждого народа существуют свои обычаи; Есть такой прекрасный обычай...; Этого обычая уже нет, он исчез; Тогда и появился этот обычай</i>	25

Характеристики обычая	Лексические маркеры, которые были использо- ваны респондентами при составлении предложе- ний со словом <i>обычай</i>	Примеры предложений со словом <i>обычай</i>	Количество предложе- ний, в которых данная характеристика лексически маркиро- вана
Фактор времени, а именно: срок давности или продолжительность существования обычая	время древность век раньше старый древний прошлое история предки поколение сохранившийся	<i>Обычай формируются сами по себе, с течением времени; В древности у каждого народа были свои обычаи; И в наше время соблюдают обычаи; Исполнение обычаев — это дань предкам; Обычаи приходят к нам из глубокого прошлого; Обычаи складывались на протяжении веков; Обычаи — часть нашей истории</i>	24
Распространенность	каждый любой многие все езде	<i>В каждой семье есть свои обычаи; Во многих странах есть свои обычаи</i>	20
Практика обраще- ния с обычаями	соблюдать почитать уважать читать исполнять нарушать следование	<i>В древности все соблюдали обычаи; Мы и сегодня чтим обычаи предков; Следование обычаю — норма поведения</i>	19

Характеристики обычая	Лексические маркеры, которые были использо- ваны респондентами при составлении предложе- ний со словом <i>обычай</i>	Примеры предложений со словом <i>обычай</i>	Количество предложе- ний, в которых данная характеристика лексически маркиро- вана
Роль объекта изучения, наблюде- ния, восприятия (признание или отрицание их роли, эстетики и под.)	изучать непонятный играть роль интересный удивительный занимательный красивый хороший прекрасный суровый дурацкий нравиться великий	<i>Этот обычай нравится далеко не всем; Есть очень красивые обычаи; Обычаи играют важную роль в жизни людей; У этого племени суровые обычаи. Изучать обычаи — задача как для ученых, так и для интересующихся; Я нахожу обычаи этого народа занимательными</i>	18
Привязанность к месту	местный страна государство Русь Россия Индия Западная Сибирь	<i>В Древней Руси почитали обычаи; В Индии интересные обычаи; Я знаю обычаи и традиции этой деревни; И в городе соблюдаются обычаи; В материалах по этнографии содер- жится много материалов по обычаям современного коренного населения Западной Сибири</i>	16
Закрепленность в быту семьи	семья семейный	<i>В каждой семье есть обычаи</i>	13

Характеристики обычая	Лексические маркеры, которые были использо- ваны респондентами при составлении предложе- ний со словом <i>обычай</i>	Примеры предложений со словом <i>обычай</i>	Количество предложе- ний, в которых данная характеристика лексически маркиро- вана
Соотнесенность со сферой обществен- ной жизни	культура религиозный социальный политический сфера деятельности шахтер повар	<i>Русская культура богата обычаями; Это религиозный обычай; Первоначально политическая власть формировалась на основе обычаев и традиций; В каждой сфере деятельно- сти свои обычаи: у шахтеров, у поваров — везде</i>	10
Соотнесенность с формами социаль- ных установлений	норма традиция стереотип поведения	<i>Обычай является стереотипом поведения, который усваивается нами; В этой двойственности обычая скрывается его внутренний смысл, который называется передачей традиции из поколения в поколение; Обычай служит основой социальных норм в их мифологизированной и традиционной формах</i>	7
Множественность	разный отличаться вариативность	<i>У народов разные обычаи; Их обычаи отличаются от наших; Несмотря на такую вариативность обычаев, все эти люди составляют один этнос</i>	5

- 3) онтологический статус обычая (25); отметим две примечательные детали: во-первых, самой частотной конструкцией среди представляющих эту группу предложений является конструкция [*У кого-либо*] *есть обычай*; во-вторых, обычай представлен в речи имеющим «жизненный цикл» от стадии *появиться* до стадии *исчезнуть*;
- 4) устойчивость, длительное существование обычая (24);
- 5) распространенность обычая, признанность всеми, многими (20);
- 6) соотносительность обычая с формами социальных установлений (7).

Обратим внимание на то, что ни один участник эксперимента не предпринял попытки дать сколько-нибудь развернутое определение слова («Обычай — это...»), а наибольшую трудность составил подбор слова, обозначающего родовой признак. Понятийная соотносительность слова *обычай* в большинстве полученных при проведении эксперимента образцов словоупотребления редуцирована до указаний на отдельные признаки этого феномена — на продолжительность существования обычая, отношение к обычаям и т.д.

Прокомментируем и не учтенные в таблице сведения о том, какие частные примеры обычаев были приведены участниками эксперимента. Как подчеркивалось выше, попыток припомнить их было сравнительно немного — 21 предложение, или 13% от общего количества предложений со словом *обычай*.

Денотат с определенностью указан:

- 1) в 7 предложениях, в которых упоминаются праздники, торжества: *На Новый год существует обычай загадывать желание под бой курантов; Есть такой прекрасный обычай — готовить много вкусностей на Новый год; Есть обычай — дарить подарок ко дню рождения; Масленица — это обычай, сохранившийся еще со времен язычества; Старый обычай — готовить блины на Масленицу* и др.;
- 2) в 6 предложениях, описывающих ритуальные действия, обряды, посвящения: *Обычай принятия в студенты проходит ежегодно; Русский обычай — входить в дом с котенком; У кельтов существовал обычай принесения в жертву богам животных через сожжение; В Казахстане есть интересный обычай: мальчику по достижении шести лет связывают ноги, и он должен выбраться из веревок* и др.;

- 3) в 6 предложениях, описывающих особенности организации быта: *В нашей семье есть такой обычай — собираться вместе за ужином; У нас обычай — каждую пятницу отмечать окончание недели, если она прошла без происшествий; По обычаю мы идем две остановки пешком; У меня обычай — с утра чистить зубы; По обычаю в воскресенье к нам пришли гости; В нашей семье есть обычай пить чай поздним вечером;* в этих случаях слово *обычай* сближается со словом *обыкновение*.
- 4) в 2 предложениях, описывающих особенности какой-либо культуры: *Обычай древних людей — поклонение идолу; В обычаях эллинского народа было знание культуры.*

4. Анализ контекстного окружения слова *обыкновение*.

Множество отказов от составления предложений со словом *обыкновение*, а также большое число предложений, сконструированных с нарушением правильности речи, объясняется тем, что многие участники эксперимента не имеют ясного представления о значении слова. Ср., например, дефектные предложения: *Обыкновение является главной чертой характера человека; Простота — это и есть обыкновение; К обыкновению относим все невзгоды* и др. При всей ошибочности этих вариантов можно заметить, что пишущие интуитивно верно соотносят *обыкновение* с категорией *обычного*, *повседневного* (иногда испытуемые подменяли заданное слово прилагательным *обыкновенный*: *Утро было обыкновенным*) или *личного*, *индивидуального*. То обстоятельство, что участники эксперимента, в том числе испытывающие затруднения при составлении предложений со словом *обыкновение*, прилагали усилия к тому, чтобы объяснить это слово с опорой на его внутреннюю форму, то есть передать смысл ‘*обыкновенный*’, ‘*обычный*’, кажется вполне закономерным. В научной литературе уже была отмечена склонность к выбору мотивационной стратегии в обстоятельствах, когда слово незнакомо говорящему / пишущему: «Толкование незнакомой носителю языка лексики осуществляется посредством <...> мотивационной стратегии» [Кузнецова, 2013, с. 99].

Обыкновение, в отличие от *обычая*, мыслится очень конкретно, если слово понятно говорящему / пишущему. Респонденты из числа справившихся с задачей составить предложение с этим словом не испытывали затруднений в конструировании воображаемого денотата. Словом *обыкновение* репрезентируются разнообразные индиви-

дуальные особенности организации жизни человека или семьи. Отметим только, что на фоне других высокой частотностью выделяется сочетание *по обыкновению опаздывать*.

Участниками эксперимента использовались преимущественно две конструкции: *по обыкновению [делать что-либо]* (15 предложений из 53: *Петр, по своему обыкновению, снимал тапочки у выхода; По обыкновению мама приготовила утром кашу*) и *иметь обыкновение [делать что-либо]* (14 из 53: *Я имею обыкновение рано вставать*). Обратим внимание на то, что обе конструкции требуют продолжения глаголом и тем самым располагают к конструированию денотата.

А вот упоминания в предложениях признаков, образующих данное понятие, немногочисленны (со словом *обычай*, как это показано выше, все ровно наоборот), но, безусловно, поддаются систематизации (табл. 5). При этом не представляется возможным соотнести контекстно маркированные признаки понятий «обычай» и «обыкновение» в силу больших различий в наборах этих признаков.

Таким образом, обыкновение понимается как индивидуальная или семейная привычка действовать определенным образом либо как действие, неоднократно и регулярно совершаемое человеком или группой лиц, объединенных какой-либо социальной ролью или иным признаком (возрастом, образованием и др.), и занимающее привычное место в текущем порядке бытовых дел.

Заметим, что участники эксперимента так же, как и при составлении предложений со словом *обычай*, не стремились дать определение слову *обыкновение*, и это происходило, как кажется, во многом потому, что они строили фразу так, как диктует «языковой стандарт», то есть прибегали к узואально закрепленным конструкциям *по обыкновению* и *иметь обыкновение [делать что-либо]*.

Подведем итоги.

1. Участники эксперимента без труда составляли предложения со словом *обычай*, в то время как включение в предложение существительного *обыкновение* вызывало у них затруднения.
2. Слово *обычай* выраженно соотносилось с понятием социального (коллективного), в то время как слово *обыкновение* понимается испытуемыми в масштабе личного, а не общественного — как индивидуальная либо семейная привычка.

Контекстно маркированные признаки понятия «обыкновение»: результаты лингвистического эксперимента

Характеристики <i>обыкновения</i>	Лексические маркеры, которые были использованы респондентами при составлении предложений со словом <i>обыкновение</i>	Примеры предложений со словом <i>обыкновение</i>	Количество предложений, в которых данная характеристика была лексически маркирована
Действие	<p>действие делать опаздывать задерживаться приезжать ходить этим путем отмечать читать лечь спать и т.д.</p>	<p><i>Делать всё наоборот — мое обыкновение;</i> <i>Я имею обыкновение задерживаться / опаздывать на работу / проспать;</i> <i>Сестра имеет обыкновение приезжать на Новый год домой; Он имел обыкновение ходить этим путем; Наша семья имеет обыкновение ужинать в 19 часов; Мы по обыкновению отметили праздник; По своему обыкновению, король проводил время в пирах и охоте; По обыкновению я пришел домой и востан обыкновению лениться; Читать позной ночью при тусклом свете было обыкновением для нее и др.</i></p>	25
Указание на лицо	<p>я он она наш брат сестра подруга</p>	<p>Брат имеет обыкновение опаздывать; <i>Моя подруга по обыкновению опаздывает;</i> Наш обыкновения — отражение наших пристрастий и др.</p>	17

Характеристики <i>обыкновения</i>	Лексические маркеры, которые были использованы респондентами при составлении предложений со словом <i>обыкновение</i>	Примеры предложений со словом <i>обыкновение</i>	Количество предложений, в которых данная характеристика была лексически маркирована
Указание на «локальное время»	Утро вечер (дата) (время)	<i>Он имел обыкновение пить чай по утрам / по вечерам; Наша семья имеет обыкновение ужинать в 19 часов; Сестра имеет обыкновение приезжать на Новый год домой</i>	7
Указание на групповой субъект действия	студенты группа (студентов) молодежь образованные люди	<i>У образованного человека нет обыкновения предаваться праздности; Многие студенты имеют обыкновение опаздывать; Обыкновение устаривать беспорядки — характерная черта молодежи; По четвергам наша группа по обыкновению пишет контрольную</i>	6
Регулярность	каждый систематически	<i>Каждый четверг, по обыкновению, группа пишет контрольную по латыни</i>	4
Многократность	часто	<i>Обыкновение — это действие, совершаемое часто и систематически</i>	2
Привязанность к месту или этносу	страна народ	<i>В некоторых странах обыкновением считается поход в гости без приглашения; Каннибализм является обыкновением многих народов</i>	2

3. В настоящий период в сознании носителей русского языка денотат слова *обыкновение* обладает большей релевантностью, чем сигнификат, что подтверждается готовностью участников эксперимента указать на вполне определенный референт, в то время как сигнификат лексемы *обычай*, наоборот, больше привлекает внимание носителя русского языка, чем денотат, то есть понятийное содержание слова быстрее и легче воплощается в предложениях, чем конкретные примеры, способные пояснить, какой именно объект, феномен действительности можно назвать *обычаем*.
4. Слову *обычай* свойственна устойчивая лексическая сочетаемость. У слова *обыкновение* сочетаемость менее закреплена в семантическом отношении, но синтаксически однообразна: *по обыкновению* и *иметь обыкновение [делать что-либо]*.
5. Участники эксперимента практически не предпринимали попыток создать полноценные исчерпывающие квалификационные дефиниции слов («Обычай — это...», «Обыкновение — это...»). Думается, что причины здесь разные: если *обыкновение* не определяется потому, что в обстоятельствах отсутствия отчетливых представлений о данном понятии подсказываемые языковой памятью синтаксические модели дают импульс к конструированию денотата, то в отношении слова *обычай* срабатывает прежде всего узкая лексическая сочетаемость, способствующая актуализации дифференциальных признаков, однако трудность представляет подбор слова, обозначающего родовой признак.
6. Вероятно, надо констатировать факт постепенного устаревания лексемы *обыкновение* ‘обычай как порядок, укоренившийся в быту какой-либо общины, социальной группы’. В языковом сознании носителя современного русского языка в большей степени актуализировано значение ‘привычка действовать определенным образом, составляющая особенность организации жизни человека или семьи’.

Таким образом, слово *обычай* в русском литературном языке является прежде всего обозначением принципа организации индивидуального либо социального быта — установившейся в жизненной практике (то есть не навязанной) особенности быта или элемента ритуала, популярной тенденции или правила деловой коммуникации. Все эти

семантические вариации объединяет смысл ‘принцип организации, норма’. Даже значения ‘натура, естество’ (*по обычаю труса*) и ‘ментальная установка’ (*не в обычае числить себя слабаками*) подтверждают доминирование регулятивных смыслов в ядре семантики слова: обычай концептуализируется как мера, образец, мерило, шаблон, по которому устраиваются быт и ритуал, деловые отношения и распорядок дня, поведение и мышление человека. Точно так же и слово *обыкновение* используется для описания порядка следования дел, событий, но чаще всего в жизни человека, а не в быту социальной группы: осознанно или не отдавая себе в этом отчета человек следует заданному порядку, то есть строит день, месяц или год своей жизни по обыкновению, выполняющему роль образца, шаблона.

Проведенное в данном разделе уточнение значений слова *обычай*, надеемся, может быть полезно для составления лексикографического описания слова. Хотелось бы обратить внимание на возможность либо сохранить высокую дробность семантики слова, либо принять решение о систематизации значений слова, то есть объединении нескольких из них по сходству.

Так, комплекс значений слова *обычай* в современном русском языке можно разделить на три семантических сегмента.

Для большинства значений слова семантическим ядром является смысл ‘элемент общественного порядка (особенность, событие, правило) или в целом такой порядок’. Такая формулировка является более общей по отношению к семемам:

- ‘обряд, часть обряда, ритуала, порядок организации обряда — календарного, свадебного и др.’;
- ‘деталь быта, установившийся в быту или введенный порядок исполнения повседневных дел, обращения с предметами’;
- ‘неписаное правило необрядовой коммуникации, форма организации отношений между людьми’;
- ‘быт, обиход, образ жизни членов одной общественной группы либо семьи, ее нравы, порядок’;
- ‘мода, популярная в данное время тенденция’;
- ‘выработанные в долговременной практике взаимодействий принцип или система принципов, негласное правило деловой среды, условленный порядок, церемониал’;
- ‘принятая в сообществе людей ментальная установка’.

Кроме того, под *обычаем* может подразумеваться индивидуальная привычка человека, его характерная черта, то есть категория, не имеющая отношения к социальным императивам.

Наконец, особую нишу в смысле отдаленности от всех других семем занимает редко актуализирующееся в современной речи, но сохранившееся, например, в художественных текстах значение ‘способ, прием выполнения деятельности, образ действий’.

Такой вариант описания слова, представляющий его как имеющее три значения, является весьма упрощенным. Неправомерно остаются незамеченными терминологическое употребление слова в значении ‘принцип делового взаимодействия’ (*деловой обычай*), способность слова называть ментальную установку, его функционирование в качестве обозначения и одной особенности общественного порядка, и порядка в целом.

I.2. Историческая семантика слова *обычай* (XI–XIX вв.)

Экскурс в историю развития значений слова *обычай*, составленный по историческим словарям русского языка (при всей условности отнесения к этому типу имеющихся на сегодняшний день словарей, фиксирующих лексику XI–XIX веков), показывает, что спектр значений слова *обычай* был достаточно широк.

В качестве источников материала использовались Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.), Словарь русского языка XI–XVII вв., Словарь русского языка XVIII вв., Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук; Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам И. И. Срезневского и Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля, словарь О. А. Седаковой Церковнославяно-русские паронимы: материалы к словарю. Заметим, что анализируемый лексический материал неоднороден, он не обладает внутренним единством, поскольку представляет разные дискурсы, разные идиомы русского языка, отражает как книжную, так и разговорную традиции.

Представим далее в виде таблицы обзор значений слова *обычай* (а до XVII века — *обычаи* [ЭССРЯ, с. 55]) по материалам перечисленных лексикографических источников (табл. 6, с. 42—45). Данные словарей упорядочены в таблице таким образом, чтобы можно было видеть сходства и различия в составе значений слова, зафиксированных в разных источниках.

Необходимость провести анализ материала и систематизировать его обусловила постановку важной задачи — разработать систему дефиниций, каждая из которых обладала бы достаточной полнотой для того, чтобы можно было корректно разграничить значения слов, различно представленных в словарях.

Выработанная нами система толкований слова *обычай* помещена в верхнюю графу таблицы, где предлагаются формулировки значений слова, ставшие результатом обобщения имеющегося лексикографического материала и прояснения объема понятий, обозначаемых словом *обычай* в тот или иной период развития русского языка (своего рода «типологизированные» значения).

Порядок представления значений слова *обычай*, обнаруженных в разных лексикографических источниках, определен в соответствии с данными Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.), поскольку, взяв за отправную точку ранее других зафиксированные значения существительного *обычай*, мы получаем возможность проследить наличие или отсутствие последующих изменений в его семантике.

Последовательность столбцов могла бы быть установлена с учетом логических связей между значениями, однако такое их размещение вступило бы в противоречие с особенностями представления значений слова *обычай* в анализируемых словарях. В данном разделе мы сочли важным сохранить порядок представления значений, имеющий место в источниках, из которых был извлечен материал, из-за чего близкие значения оказались расположенными далеко друг от друга.

Преследуя цель возможно более точно соотнести друг с другом значения, описанные в разных источниках, мы опирались не только на формулировки (поскольку, например, толкование через лексемы *нрав*, *нравы* не позволяет читателю словаря однозначно понять значение толкуемого слова), но и на иллюстративные контексты.

Представление значений слова *обычай* в виде таблицы, довольно громоздкой, кажется нам целесообразным, потому что позволяет

соотнести дефиниции из разных источников, показать совпадения и разногласия в выборе толкующих лексем. Здесь и далее пометы «др.-рус.», «ст.-рус.», «ц.-слав.» не приводятся, поскольку читатель может восстановить эту информацию на основе паспортизирующих сведений, которыми снабжена каждая фиксация.

Итак, по данным, полученным на основе анализа материалов указанных выше словарей русского языка, существительное *обычай* имело 9 значений:

- 1) ‘обыкновение, привычка, индивидуальная особенность образа жизни человека’;
- 2) ‘обиход, образ жизни членов одной общественной группы, ее быт и нравы; порядок действий, привычный всем в данном социуме’;
- 3) ‘обряд, традиция, установление, особенность быта, правило, неписаный закон, признанный и принятый к исполнению в какой-либо социальной, профессиональной группе’;
- 4) ‘поведение, образ жизни человека, совокупность его привычек, жизненных принципов, поступков, а также поведение, повадки животных’;
- 5) ‘способ, прием выполнения деятельности, образ действий’;
- 6) ‘свойство, характерная черта, сущность, природа, натура, естество (о людях, имеющих сходство по социально-физическому параметру, а также об иных физических объектах)’;
- 7) ‘закон как распоряжение, положение, узаконенное светскими или духовными властями: царский указ, положение веры’;
- 8) ‘характер, нрав человека, его индивидуальные качества, влияющие на этику поведения (кротость, приветливость, немногословность и др.)’;
- 9) ‘дело, занятие, то, что выполняется человеком по роду деятельности’.

Из них два (‘закон’ и ‘дело, занятие’) зафиксированы только в словаре XI–XVII веков. Отсутствие их в Словаре современного русского языка свидетельствует о том, что они вышли из употребления, по меньшей мере, активного. Другие семь значений существительного представлены почти во всех просмотренных источниках, несмотря на то, что составители подходили к анализу семантики слова с разной степенью детализации. Например, значения ‘неписаное правило организации

Обзор значений слова *обычай* / *обычаи* по

	1	2	3	4
	Значения			
Словари	‘обыкновение, привычка, индивидуальная особенность образа жизни человека’	‘обиход, образ жизни членов одной общественной группы, ее быт и нравы; порядок действий, привычный всем в данном социуме’	‘обряд, традиция, установление, особенность быта, правило, неписанный закон, признанный и принятый к исполнению в какой-либо социальной, профессиональной группе’	‘поведение, образ жизни человека, совокупность его привычек, жизненных принципов, поступков, а также поведение, повадки животных’
[СДЯ XI–XIV вв., т. 5, с. 559–561]	(1) ‘привычка, обыкновение’ (1076 г.): <i>и бѣ обычан старцю не имати на велик днѣ; и дающе помощь чотрасти намъ лѣквыи обычии. и прияти на(ѣ) в докродѣчелное бѣдѣныѣ</i>	(2) ‘общепринятый порядок, уклад, существующий в быту того или иного народа, общественной группы’ (XII в.): <i>Аже еще поганьска(г) обычии держитѣ(ѣ): болѣбобаннѣ вѣрѣ(т)</i>	(2) ‘неписанный закон; установление, правило’ (XII в.): <i>принѣсоста и къ стѣлю бѣжнѣ. како же обычан юстьи крѣстниномъ да нми дѣтци нарекоуть; ‘религиозный обряд’ (XIII–XIV вв.): <i>образа же дасть намъ празновати стѣоу пасѣоу, якоже обычан держимъ</i></i>	(3) ‘поведение’ (1076 г.): <i>овн же ѿ члѣкъ зломъ нравомъ и обычаемъ сгрѣшли(т); ѿбычаемъ оукрашенъ. тнхъ. оубѣчлнхъ</i>
[Срезн., т. 2, с. 574–575]	(1) ‘привычка, обыкновение’ (Остр. ев.): <i>По обычаю бо сему старцю отстоявшю утренюю, предъ зорями идоша по кѣльямъ своимъ</i>	(3) ‘нравы’ (Пов. врем. лет): <i>Радимичи, и Сѣверь ѿдин обычай имѣху: [живяху в лесе, яко же и всякий зверь, ядуще все нечисто...]</i>	(2) ‘обычай, неписанный закон, старина’ (Остр. ев.): <i>Дабы прооучильсѣ въсѣмъ обычаемъ Словѣнскимъ и обыкльи по малю</i>	—
[СлРЯ XI–XVII вв., вып. 12, с. 216–217]	(1) ‘привычный образ действия, поведения; привычка, обыкновение’ (1076 г.*): <i>Имѣя всегда обычей пѣшь ходити</i>	—	(2) ‘обычай, неписанный закон’ (1057 г.) и ‘обряд’ (XVI в.): <i>Вере же латыньстѣи не предучите, ни обычая ихъ держати; Божественныхъ службъ свяченъя обычая</i>	(8) ‘образ жизни; поведение, поступки’ (1076 г.): <i>Съмотри жития его х(о) ежжения, сѣдания, фденя и всего обычая его пытаи; Сънова кровозлитие и межусобье въ нашихъ государствѣхъ всчинаешъ и отъ прежнего своего обычая отстати не хочешъ; ‘манеры’: <i>Понеже для науки и обычая вьные государства дѣтей своихъ не посылають</i></i>

материалам исторических словарей русского языка

5	6	7	8	9
слова <i>обычай</i>				
'способ, прием выполнения деятельности, образ действий'	'свойство, характерная черта, сущность, природа, натура, естество (о людях, имеющих сходство по социально-физическому параметру, а также об иных физических объектах)	'закон как распоряжение, положение, узаконенное светскими или духовными властями: царский указ, положение веры'	'характер, нрав человека, его индивидуальные качества, влияющие на этику поведения (кротость, приветливость, немногословность и др.)'	'дело, занятие, то, что выполняется человеком по роду деятельности'
(3) 'способ, образ действий' (XII в.): ...и <i>тѣмъ лоукынымъ обычаямъ надѣшмъся. очюжденныхъ отъ ба и бего чинити члвчства</i>	(4) 'свойство, характерная черта' (XII в.): <i>Юще же и къ дѣтлхъ и границихъ не приближашеа яко же обычан юеть Оунымъ; тѣло стѣо... не върежно превьчть... ни въаше почьрѣло. яко же обычан нмоутъ члвчска мъртвухъ</i>	—	—	—
(6) 'прием, образ действия' (1047 г.): <i>Отъ сего начьтъ на обычаи хытлости приде</i>	(5) 'естество' (1250 г.): <i>Выше обычаи матеръ</i>	—	(4) 'свойство, природа, нрав' (XI в.): <i>И его же обычаемъ нѣсть въ немъ сирѣчь гнѣва, сего оставль на обычаи свои обратись, сирѣчь на милость</i>	—
(6) 'способ, образ действия, прием' (XIII–XIV в.), 'порядок' (XIV в.), 'манера, стиль' (1653 г.): <i>Составляется то питие двема обычай; А около новобрачного и тысяцкого идут люди в цветномъ платъ<ь>е, и на дворъ приѣдутъ тѣмъ же обычаемъ...; Распятие на крестѣ, что стоитъ надъ царскими дверями, письмо съ латинскаго обычая</i>	(5) 'естество, природа, свойство' (XI в.): <i>И яко же бываетъ в дѣтлхъ, хотѣша играти, яко же обычаи есть дѣтлмъ</i>	(3) 'закон' (1510 г.) и (мн.) 'основные положения; догматы' (1666 г.): <i>Государя не живутъ подъ обычаемъ, а дають инымъ обычай; Пишетъ Мелетий патриархъ... повелѣваемъ собору быти епископску не одохматѣхъ, сирѣчь церковныхъ обычаяхъ</i>	(4) 'то, что внутренне присуще кому-либо; нрав' (XII в.): <i>...обычаемъ украшень, тихъ, увѣтливъ, кроткъ</i>	(7) 'дело, занятие' (1499 г.): <i>ратный, воинский обычай, обычай священства: И учили их [сыновей князя] обычаемъ воинскимъ: стрелять и копы бити, и иными оружии</i>

	1	2	3	4
[САР, ч. 1, с. 940]			(1) 'обыкновение' (<i>На всяк же праздник обычай бѣ Игемону отпущати народу единого связня</i>); (2) 'поверье, обряд, в употребление введенный, поведение, целым народом или государством принятое и постоянно наблюдаемое'	
[СРЯ XVIII в., вып. 16, с. 145–146]	(3) 'привычный образ действий, привычка, обыкновение' (<i>Возми себѣ выпей <чаю>, и выпивши ... чашек на столѣ не оставляй, по своему обычаю</i>)	(1) 'общие правила, традиционный порядок, установившиеся в жизни того или иного народа, то или иной социальной группы' (<i>...старался я примѣчать нравы и обычаи народов...</i>)	(1) 'неписанный (церковный или гражданский) закон'; (1) 'обряд, ритуал, сопровождающий то или иное событие в жизни людей или общества'; а также (2) 'временное господство тех или иных вкусов (особенно во внешних формах быта, в одежде); мода' (<i>Мода, манир, обычай в дѣлании платья ежедневно перемѣняется</i>)	(6) 'образ жизни, поведение, поступки' (<i>...12 человек их собрания, жития и обычаев подражанию достойных; Обычай у черного дрозда таков: оно особливо пред вечером и сумерьками садится на самую верхушку большого дерева...</i>)
[Даль, т. 2, с. 658]**	(1) 'привычка, принятое, усвоенное дело, обиходное' (<i>У худой рожки худой и обычай</i>)	(2) 'принятой порядок, обряд; общий образ действий' (<i>Монастырские обычаи, сиречь обиход, и закон и преданье, стар.</i>)	(<i>Обычаи свадебные, крестинные, похоронные</i>)	(<i>Люблю серка за обычай: хоть не везет, да ржет!</i>)

5	6	7	8	9
			(3) 'нрав, навык, неизменное воли расположение к деяниям или к поступкам, к которым с малолетства кто приучен, приважен' (Тлят обычаи благи бесчды злы)	
(4) 'принятый способ, образ действия' (Дары Аристодим нам дал, не так велелъны, Как-то Цари обычаи имъют дарить величавно)	(7) 'естество, природа, природное свойство' (По обычаю движение единой странѣ <луны> присно не к планетѣ, но всегда вперед к тѣм же звездам фиксам поворачивать надлежало)	—	(5) 'то, что внутренне присуще кому-либо; нрав' (Нагли бо есть, кто волчьа обычая, а мяжки, кто дѣтскаго; Только ты <жена> меня взбѣсишь своим обычем; ты упряма как осел, сердита как медвѣдица и зла как собака)	—
(4) дело таким-то обычаем 'родом, образом (Кланяться малым или большим обычаемъ)'	(Женский обычай, что слезами (плачем) беде помогать)		(3) 'нрав, повадка, привычка, усвоенная нраву' (Свиду тихъ, да обычьемъ лихъ)	

Примечания:

* Здесь и при других представленных в Словаре русского языка XI–XVII вв. значениях этого слова указан год первой фиксации СлРЯ XI–XVII вв., вып. 12, с. 1975–2008.

** Заметим, что в толковом словаре В. И. Даля при указанных четырех значениях слова обычай приводятся контексты, на основании которых при внимательном их рассмотрении можно реконструировать и другие значения этого слова, помимо четырех приведенных. Например, по сочетаниям *Обычаи свадебные, крестинные, похоронные* явно восстанавливается значение 'обряд'. Контексты *Люблю серка за обычай: кряхтит, да везет! Люблю серка за обычай: хоть не везет, да ржет!* описывают поведение животного и, возможно, метафорически — человека. Одно из словоупотреблений явно содержит слово обычай в значении 'характерная черта, свойство (женщин)': *женский обычай, что слезами (плачем) беде помогать*. В таблице мы привели эти контексты в соответствующих ячейках, но без формулировки дефиниций.

общественной жизни' и 'уклад жизни общества' иногда не разграничиваются, в то время как контексты свидетельствуют о наличии у слова обоих значений. Так, в Словаре русского языка XI–XVII веков среди иллюстраций употребления слова в значении 'обычай, неписанный закон' приводится контекст *Вере же латыньстей не прелучайте, ни обычая ихъ держати*, в котором интересующее нас существительное служит обозначением не отдельного установления, а религиозного уклада в целом (совокупности религиозных установлений).

Некоторую нестройность вносят в систему значений слова *обычай* и те части словарных статей, которые посвящены значениям 'свойство, характерная черта, сущность, природа, натура, естество (о людях, имеющих сходство по социально-физическому параметру, а также об иных физических объектах)' и 'характер, нрав человека, его индивидуальные качества, влияющие на этику поведения (кротость, приветливость, немногословность и др.)', представленным в столбцах 6 и 8 таблицы соответственно. При этом разночтения присутствуют как в формулировках дефиниций, так и в выборе иллюстративного материала. Существительное *обычай* в сочетаниях *женский обычай*, *детский обычай*, с одной стороны, и *обычаем лих*, *благих обычаи*, с другой стороны, определяется сходным образом — через слова *природа*, *свойство*. В словаре (материалах к словарю) О. А. Седаковой «Церковнославяно-русские паронимы»¹, составленном на основе анализа поздних церковнославянских текстов, существительное *обычай* в значении 'природа, φύσις' сопровождается примером, в котором это слово выступает скорее обозначением нрава, и именно это слово использует автор в предла-

¹ В словаре О. А. Седаковой «Церковнославяно-русские паронимы» слово *обычай* имеет следующие значения: (1) 'нрав, ήθος' (τῆσδε ὀβύχαι κἀγαθὴ κερτὴ δὲ ζῆλὸς — дурное общество развращает добрые нравы); (2) 'природа, φύσις' (неудержанное стремление к злу влечётъ мѧ дѣйствиемъ врагѧ и ὀбύчаемъ лѡкѡвымъ — неудержимый поток несет меня ко злу, по действию врага и по (моему) дурному нраву); (3) 'обыкновение, εἰωθός' (и вниде, по ὀбύчаю своему, въ день субботный, въ соннице — и по Своему обыкновению в субботу пришел в (молитвенное) собрание); (4) 'неписанный закон, правило, ἔθος, συνήθεια' (по ὀбύчаю свѣщенничества ключица емѧ покадити — досталось ему (Захарию) по жребию, как это было принято у священников, кадить); (5) 'образ действий, ἔθος, συνήθεια' (во ѡгнаніе и возбраніе злаго моего и лѡкѡгѡ обычая — для изгнания и запрещения моего дурного и порочного образа действий) [Седакова, 2005, с. 219].

гаемом «перевод»: **неудержанное стремление к злу влечёт к мн. действиям врага и обычаям лжк. лжк.** — неудержимый поток несет меня ко злу, по действию врага и по (моему) дурному нраву [Седакова, 2005, с. 219].

Один и тот же контекст (...**обычаеми оукрашенн. тнхж. оувѣтъливи**) в разных словарях иллюстрирует разные значения: ‘поведение, образ жизни человека, совокупность его привычек, жизненных принципов, поступков’ (см. в столбце 4) и ‘характер, нрав человека, его индивидуальные качества, влияющие на этику поведения (кротость, приветливость, немногословность и др.)’ (см. в столбце 8). В идеале они должны разграничиваться по критерию, выраженному оппозицией «внутреннее — внешнее», так как поведение логично считать производным от «внутренних» свойств личности — нрава, характера человека.

«Притяжение» есть и между значениями ‘обыкновение, привычка, индивидуальная особенность образа жизни человека’ (см. в столбце 1) и ‘поведение, образ жизни человека, совокупность его привычек, жизненных принципов, поступков’ (см. в столбце 4). Причина их неразличения лежит в том, что не учитывается семантическая оппозиция «единичный — совокупный, комплексный» («часть — целое, совокупность»).

Данные словарей свидетельствуют о том, что спектр значений слова *обычай* лишь незначительно менялся на протяжении XI–XIX веков. Многогранность семантики слова во многом обусловлена тем, что слово *обычай* обладает «универсальностью»: оно способно обозначать явления, значимые как в масштабе социума, так и в масштабе личности. Другая причина разветвленности значений слова, возможно, кроется в отмеченной нами ранее неоднородности подвергнутого анализу лексического фонда, поскольку в словарях XI–XIX веков представлены лексические факты, функционировавшие в разных дискурсах: в книжных текстах и в живой разговорной народной речи.

Разнообразие семантической палитры слова *обычай* в словарях XI–XIX веков обусловлено высокой степенью детализации понятия по разным основаниям: «общественное — индивидуальное»; «внешнее — внутреннее»; «одионое — множественное»; «естественно возникшее — искусственно введенное», «конкретное — обобщенное» и т.д. Таким образом, слово могло использоваться по отношению к очень разным объектам и их свойствам, а именно могло:

- 1) называть характерные действия и отдельного человека, и группы людей (племени, народности);

- 2) обозначать и качества человека, и обусловленные его характером поступки, и детерминированные социально-физиологическими параметрами типичные особенности поведения людей (поведение детей, женщин), и род деятельности («профессию»);
- 3) обозначать и одну особенность жизни общественной группы (обряд, правило, обыкновение), и комплекс установлений (уклад жизни, обиход);
- 4) обозначать и поведение человека, и повадки животных;
- 5) обозначать и естественным образом установившиеся в обществе правила, и издаваемые государем законы;
- 6) обозначать и свойства живой материи (людей, животных), и свойства неживой материи (мертвых физических тел, космических тел);
- 7) служить обозначением вполне конкретных обыкновений, правил разного рода и употребляться в обобщенном значении 'образ, способ действия' в сочетании с прилагательными, конкретизирующими способ действия.

Несколько значений из числа выявленных в исторических словарях не свойственны слову *обычай* в современном русском языке, но все они также имеют отношение к выражению нормативных смыслов. Наиболее явно они воплощены в слове *обычай* как обозначении закона светских или духовных властей. Поведенческая трактовка обычая, представленная значениями 'характер человека, нрав' и 'повадки животных', основывается на концептуализации обычая как системы привычных «схем» поведения человека или животного безотносительно к тому, получают ли они одобрение или негативно оцениваются людьми. Под нормативностью в данном случае следует понимать не соответствие поведения «позитивному стандарту», а его типичность, выражающуюся в постоянстве воспроизведения схем поведения. Обычай как дело, занятие, род деятельности (*ратный обычай*) также имеет свой основной комплекс норм, порядков в какой-либо сфере деятельности человека — специальной, профессиональной. Наконец, значение 'способ, прием выполнения деятельности, образ действий' представляет собой смысловой «экстракт» всех прочих значений слова. Обычай трактуется по сути как практическая инструкция, образец совершения какого-либо действия.

1.3. Слово *обычай* в народных говорах

Семантическая палитра слова *обычай* имеет свою специфику в русских народных говорах. Исследованию спектра значений этого слова и его вариантов (*обычья, обычье, авычий* и др.) в русских диалектах и будет посвящен данный параграф.

В некоторых случаях значение слова можно установить лишь приблизительно из-за недостаточности, некорректности или отсутствия контекста в лексикографических источниках, ср. дон. *обы́чая* ‘обычай’ (*Эта как вот раньше абычая была*) [БТСДК, с. 332].

Сравним диалектные данные с лексическим материалом, проанализированным ранее. Частью диалектных примеров подтверждается наличие у слова *обычай* тех значений, которые зафиксированы в исторических словарях русского языка, представлены в современной литературной разновидности языка.

В свете научных дискуссий относительно того, является ли слово *обычай* обозначением бытовых или обрядовых действий (повторяемые многими членами сообщества действия — встреча стада коров на вечерней заре, взаимные угощения, традиция дожидаться к столу всех членов семьи и т.д. — могут быть осмысляемы символически, как знаки традиционной культуры, и вне символики), нам кажется важным представить соответствующие словоупотребления отдельно, несмотря на то что в исторических словарях русского языка эти значения представлены как одно: ‘обряд, традиция, установление, особенность быта, правило, неписанный закон, признанный и принятый к исполнению в какой-либо социальной, профессиональной группе’.

Значение **‘обряд, часть обряда — календарного, свадебного и др.’** реализуется в юж.-урал. (казак.) *обы́чай* ‘обряд, религиозное предписание’ (*При погребении обычай такой же; Обычаи при никудышной вере такие же* (в источнике так. — Т. Л.); *Обычаев никаких не было (обрядов) при постройке дома; Обычай такой у нас здесь, как и у русских, а за линией по-другому; Дай я своим обычаем перхрещусь, и вот перекрестился старец*) [Малеча, т. 3, с. 45], юж.-урал. (казак.) *обы́чая* ‘обычай, порядок, традиция’ (*У нас обычай такая: приезжают жених с дружкой да свахой, а их не пускают, ворота доржут, надо покупать ворота*) [Малеча, т. 3, с. 45], орл. *обы́чья* ‘обычай, обыкновение, традиция’ (*Абычья такая была: жыниха с нивестъй у*

гости звать) [СОГ, т. 8, с. 67], пск. *обычай* (м.), *обычая* и *обычья* (ж.), *обычье* (ср.) ‘общепринятый порядок, традиционные правила поведения’ (*И пѣсни паю́т, и чу́челам передѣлываются — и да сих пор такой обы́чай; Красу́ но́сятъ. Абы́чая такая́ была́; Ф то́е вре́мя абы́чае свѣтаца́ бѣла; Патомъ э́тава Харитона* [сноп] *вдрезбегу расстяга́ють весь на палу́ — абы́чай такой*) [ПОС, вып. 22, с. 482–484].

Значение ‘**установление, особенность быта, правило, неписанный закон, признанный и принятый к исполнению в какой-либо социальной, профессиональной группе**’ выявляется в пск. *обычай* ‘привычный образ действий, поведения; привычка, обыкновение’ (*В ка́жней хати малады́е спя́ть ф переду́, над абраза́ми. Такой уш был абы́чай; Ра́ньшы у нас был абы́чай: э́сли па́рень вы́пишиы — де́фка с табой гуля́ть ня бу́де*) [ПОС, вып. 22, с. 482–484]. В составе конструкций с предлогами *в* и *за*, имеющих значение ‘привычно’, реализуется очень близкое значение ‘обычное дело, привычная особенность быта’: тобол., якут., том. *за обы́чай* ‘привычно’ (*Такой дальней путь тем мастеровым людям не за обы́чай*) [СРНРС XVII–XVIII, с. 91], вят. *за обы́чай* ‘по обычаю’ (*За обы́чай ле пивча испить?*) [ОСВГ, т. 7, с. 48].

Как можно видеть, среди записанных диалектных контекстов слово *обычай* выступает и как обозначение обрядовых практик, то есть традиционных символических действий, и как обозначение бытового обыкновения, элемента повседневного распорядка жизни человека или сообщества людей. При этом не обнаруживается явного передела в пользу «бытового» либо «обрядового» значения.

Значение ‘**обиход, образ жизни членов одной семьи, ее быт, нравы, порядок**’ отличается от представленного выше «бытового» значения рассматриваемого существительного тем, что обозначает быт в целом, а не его элемент: пск. *обычай* ‘привычный образ действий, поведения; привычка, обыкновение’ (*На́да што́бы де́вушка зна́ла весь обы́чай роди́тельский*) [ПОС, вып. 22, с. 482–484]. Слово в этом значении, по-видимому, нечастотно в речи.

Значение ‘**нрав, характер человека**’ обнаруживается в новг., олон., яросл., волог., костр., арх. *обычай* ‘нрав, повадка, привычка’ (*У моей ли у Дуняшки обы́чай-то тяжел*) [СРНГ, т. 22, с. 289], яросл. *обы́чай* ‘характер’ (*Легкий обы́чай; У него обы́чай плохой, да и у нее не лучше*) [ЯОС, т. 7, с. 27], тамб. *обычай* ‘характер’ [СРНГ, т. 22, с. 289], юж.-урал. (казак.) *обы́чай* (*абычый, авычий (редко), абычый, абыщый, -чьый*)

‘характер, нрав’ (*Жена привыкла к мужу, хорошо знала его характер или, по словам казаков, обычай, и потому, разумеется, нисколько не боялась угроз его, будучи уверена, что угрозы так и останутся угрозами*) [Малеча, т. 3, с. 45]. К слову заметим, что семема ‘нрав’, реализуемая лексемой *обычай*, получает еще более яркое выражение и развитие в диалектном деривате *обычайный*, характеризующемся к тому же энантиосемией: пск. *обычайный* ‘норовистый, упрямый, своевольный’ (*Валя в нас абычайная, ни уважаит никаво, а Саша уважытильный; И лошди разные: абычайня не рахманья, в язды капрызня*) [ПОС, т. 22, с. 484], арх. *обычайной* ‘смирный, покладистый, не прихотливый в пище (говорится и о людях, и о домашних животных)’ [Подвысоцкий, с. 106], арх. *необычайной* ‘необходимый, невежливый’ [Там же]. Семантические преобразования приводят к появлению у прилагательного значений ‘своенравный’ и ‘смирный, покладистый’.

Значение ‘**способ действия**’, которое, напомним, отсутствует в словарях современного русского языка, представлено среди диалектных значений слова *обычай*: пск. *обычай* ‘способ изготовления, приготовления чего-либо’ (*По стараму ранышму абычаю суп сварин; Тагда ни такі былі абыцаи, рубашку на так шылі, шылі пахужы, рукам*) [ПОС, вып. 22, с. 482–484], сиб. *каким обычаем* ‘как, каким образом’ (*А каким обычаем он то жалован[ь]е передал, и то писано в магазейском в хлебном сметном списке*), сиб. *никоторыми обычаи* ‘никаким способом, никаким образом’ (*...Тою дорогою никаких людей никоторыми обычаи отнюдь не пропуцать*), сиб. *тайным обычаем* ‘тайно’ [СРНРС XVII–XVIII, с. 91].

Значение ‘**поведение, повадки животных**’, также не сохранившееся в современном русском литературном языке, находим в краснояр. *обычай* ‘образ жизни таежного зверя’ (*Обычай лисицы, что соболя. Он живет и в дуплях, и в корнях, и в камнях*) [СРНГ, т. 22, с. 289], дон. *обычай* ‘повадка птиц, животных’ (*Куры ня так антиреснаи. У вутак свой абычай, у них свой*) [БТСДК, с. 332], юж.-урал. (казак.) *обычай* ‘характер, нрав’ (*Какой обычай у твоей лошади? — спросил Рыжечка калмычинина*) [Малеча, т. 3, с. 45].

Значение ‘**вкус, склонности, обусловленные привычным образом жизни**’ у слова *обычай* появилось как продолжение значения ‘привычка’, поскольку выбирать «по вкусу» значит выбирать то, что

приятно, нравится в силу привычки, образа жизни, сформировавшихся склонностей. Слово *обычай* в этом значении зафиксировано в составе предложно-падежных конструкций (с предлогами *по, в*): ряз. *(не) в обычай* (в знач. сказуемого) '(не) нравится, приятно' (*Иа сырúйу с'ил'отку н'а йём, ана мн'е н'и в абыч'ай — жалудак н'и пр'ин'имáйт; Он мн'е ч'ивó-та н'и вл'юб'ё, н'и в абыч'ай, ч'ив'ой-та н'и уутарл'ивай был; Халóдн'яйа вадá мн'е в абыч'ай... уар'ач'ива н'а хóч'у*) [Деул. сл., с. 360], волог., орл., тверск., иркут., север., пенз., ряз. *обычай* 'склонность, интерес, любовь к кому-, чему-либо; вкус' (*Выбирай себе девицу по обычью, По своему обычью по мужицью; Княгиня ли тебе не по обычью?; Он мне сразу в обычай пришелся; Сноха-то им не в обычай*) [СРНГ, т. 22, с. 289], рус. (мордов.) *[не] в обычай быть, приятись кому 'не] по вкусу'* (*Снаха-ть им хъть в абыцьй, а то нъ ниё вить ни угадиш; Ты жыниха-ть палюбиш, он тебе и в абычий; Нивестъ в абычий пришлаь нашым. И висёлъя, и ръзгаворчивъя; Нынчи грипкоф ис погрибъ дасталь, с таким удавольствием паель, вить ани мне в абычий; А мой жынилси, фифу привёл, ана мне ох и ни в абычий; Иль ни в абычий картошк'?)* [СРГМ, ч. 2, с. 699]. Все иллюстративные контексты, представляющие значение 'вкус, склонности, обусловленные привычным образом жизни', содержат описание либо пищевых пристрастий, либо ситуации выбора жениха, невесты. То, что не нравится, воспринимается как чужое, противное привычному, неприемлемое, и наоборот, чужое, непривычное оценивается как «то, что не нравится, не по вкусу». Ср. рус. литер. *быть, приходиться по вкусу* 'удовлетворять, нравиться', (*устроить и т. п. что-либо по вкусу* 'сообразно привычкам, наклонностям' [ССРЛЯ, т. 2, с. 424]. Так проявляет себя идея соответствия, ср. выводы Л. Г. Ефановой об одном из видов норм — «норме соответствия» [Ефанова, 2013, с. 87].

Значение '**обыкновение, привычка, индивидуальная особенность образа жизни человека**' поддается экспликации при анализе семантики рус. (мордов.) *[не] в обычай быть, приятись кому* (*Гастей к ним сколькъ наехълсь! — А Машки-ть в абыцьй; Ей в абычий в горът ездить*) [СРГМ, ч. 2, с. 699].

Кроме того, обнаруживаются еще два значения слова *обычай*, ранее не названные:

- '**хозяйственная утварь, орудия труда**': карел. *обычай* 'хозяйственная утварь, орудия труда и т.п., обычные, типичные, для

кого-, чего-н.’ (*Внизу в музее весь наш деревенский обычай: и бороны, и рогатки для муки*) [СРГК, т. 4, с. 128];

- **‘случай, происшествие, факт действительности, событие’:** юж.-урал. (казак). ‘случай’ (*У нас сколько таких обычаев было, што убежали самовольно домой (в период революции, о белых)*) [Малеча, т. 3, с. 45].

Таким образом, в русских народных говорах у слова *обычай* зафиксированы как значения, свойственные ему в литературном языке (‘бытовая особенность’, ‘обряд, элемент обряда’), так и значения, которые в литературной разновидности русского языка отсутствуют. К последним относятся отмеченные в исторических словарях русского языка семемы ‘обиход, образ жизни членов одной семьи, ее быт, нравы, порядок’, ‘обыкновение, индивидуальная привычка’, ‘нрав, характер человека’ и ‘поведение, повадки животных’, а также абстрактное значение ‘способ действия’. Кроме того, выявлены аутентичные народной культуре смыслы ‘хозяйственная утварь, орудия труда’, ‘вкус, склонности, обусловленные привычным образом жизни’, ‘случай, происшествие, факт действительности, событие’.

Появление у слова *обычай* значения ‘вкус, склонности, обусловленные привычным образом жизни’ знаменательно с точки зрения «визуализации» ментально-психологической интерпретации обычая. Если этим словом может называться вкус, склонности человека, определяющие его отношение к другому — чужому — человеку (*кто-либо кому-либо в обычай / не в обычай*), и даже пищевые пристрастия (*холодная вода мне в обычай; селедка мне не в обычай*), значит, обычай осознается как привычка, в полном соответствии с его внутренней формой. Согласно логике развития семантики слова, первоначально обычай трактуется как «то, к чему привык человек», «привычное событие» (здесь на первом плане — объект действительности в субъективном восприятии, предполагающем признание реалии, обладающей признаками распространенности, длительности существования, привычности для данного сообщества людей), а затем становится возможным назвать обычаем индивидуальную категорию — характеристику человека, его вкус. Относительно своего вкуса человек «меряет», оценивает все окружающие элементы действительности, в частности людей (*кто-л. кому-л. в обычай / не в обычай*, то есть «по вкусу / не по

вкусу», то есть «нравится» или «не нравится»). Определенный образ жизни, быт, ближайшее окружение становятся так привычны для человека, усвоены им, «интериоризованы», что преобразуются в категорию внутреннюю, эстетическую. В упрощении это означает, что привычное начинает нравиться. Семантическое преобразование 'принятое в социуме установление, сложившаяся особенность, черта быта' → 'вкус, склонности человека' на уровне лексической семантики подтверждает известный тезис о том, что внешнее окружение формирует суть, характер, эстетику человека. Таким образом, в семантических трансформациях слова *обычай* в народной речи наиболее явно проступает идея изменения мироощущения, мировидения человека под воздействием внешних образцов, идея интериоризации наблюдаемых моделей организации жизни, а значит, и безыскусственность появления обычая.

I.4. Семантическое своеобразие слова *обычай* в фольклорных текстах

На фоне выявленной по материалам исторических и диалектных словарей русского языка многозначности слова *обычай* становится понятным интерес к речевым смыслам, которое приобретает это слово в текстах, в особенности в народной речи.

В данном разделе мы обратимся к анализу функционирования этого слова в фольклорном дискурсе. Он, безусловно, неоднороден в жанровом отношении, но методом просмотра текстов мы выяснили, что для анализа микроконтекстов, включающих лексему *обычай*, могут быть привлечены тексты таких жанров, как былина, сказка, народная песня, пословица. Слово *обычай* функционирует также в других жанрах, в том числе в несказочной прозе, однако в силу меньшей жанровой формализованности такие тексты содержат неспецифические словоупотребления, свойственные вообще разговорной и диалектной речи. Жанр в данном случае оказывает менее значительное влияние на семантику слова, поэтому ее анализ не обладает ценностью для выявления жанровой специфики текстов. Безусловно, в них нередко упоминаются обычаи, ср.: «Почти каждый из представленных в быличках обычаев — осколок древних ритуалов с доста-

точно сложной семантикой. Например, сжигание стружек, бросание в печь песчаника, фейерверком рассыпающегося в огне, использование железных предметов, т.е. предметов, прошедших обработку огнем при ковке, — все это связано с представлением об очистительной силе огня» [Мифологические рассказы..., 1996, с. 75]. Однако при этом слово *обычай* используется нечасто, привлекается, как правило, в качестве обозначения элементов обрядовых практик, а также в составе конструкции *по обычаю* 'как обычно'. Например, в текстовых материалах сборника мифологических рассказов и легенд, опубликованных О. А. Черепановой, находим всего три словоупотребления, из которых два извлечены из жития «Чудо преподобного Никодима Кожеезерского о некоем старце пастыре, как его избави от лесного демона» (по замечанию автора, былички, сюжеты народных легенд включаются в агиографические тексты): «В целой волости такой обычай был. Под Рождество, под Крещение одна из девушек должна идти в байну, а там, сказывали, обдериха живет, и провести там ночь» [Там же, с. 39], «На Онеге речесть есть село Кожеезерского монастыря, именуемо Кирнешки, и въ томъ селе по обычаю въ то лето пасся скоть <...> В одинъ день пась онъ по обычаю, день преклонился къ вечеру, и было поздно» [Там же, с. 120]. Жанр, как можно видеть, не накладывает здесь отпечатка на характер использования слова. В данной статье будут рассматриваться тексты с более определенной жанровой спецификой.

Обращение к текстовым ресурсам Фундаментальной электронной библиотеки «Русская литература и фольклор» [ФЭБ] позволило выявить 4 былины, 9 сказок и 20 русских народных песен (за исключением повторов записей), в которых присутствует слово *обычай*. Кроме того, просмотр сборников И. И. Иллюстрова, И. М. Снегирева выявил более 30 пословиц и поговорок со словом *обычай*. Далее будет проанализирована текстовая семантика слова *обычай* в произведениях разных жанров и показано влияние жанровых особенностей текста на смысловое наполнение слова. Симптоматично, что типовая сочетаемость слова *обычай* и тематическая принадлежность текстов весьма ограничены.

Слово *обычай* в былине. Рассмотрение семантических реализаций слова *обычай* в былинных текстах начнем с наиболее привычных для носителя современного русского языка значений.

Во-первых, слово *обычай* употребляется в былинах в значении ‘индивидуальный устойчивый повторяющийся элемент распорядка жизни человека’:

Что ведь здумалось,
Что ведь славному бо́гатырю-ту Рынде же
Посмотрять на роскозь, на богатство то,
На тех ли на бо́гатырей на сильних.
У него было, у князя, такие **обычай**-эт
Ко крыльцо-то подьежжать ко кнеженесскому,
Роскладывать полатки разных шелков

[Рында..., 2002, с. 288].

Описываемая в текстовом фрагменте ситуация не имеет отношения к организации быта общины, она касается исключительно привычных, давно сложившихся в жизненной практике действий человека, которые не несут информации о характере, нраве, социальном статусе фольклорного персонажа.

Во-вторых, слово *обычай* трактуется как ‘повседневный быт людей определенного социального класса, привычный образ жизни’ или, возможно, как ‘вкус, склонности, приобретенные в привычном быту’, ср. фрагмент из быliny «Князь Роман и братья Витники» (1988):

Король по палатушке похаживает,
Увидел двух своих Витников-советников,
Двух любезных королевских племянничков,
Увидел за столами за дубовыми:
Не пьют они, не кушают,
Белой лебеди не рушают;
Повешаны буйны головы
Ниже плеч своих могучих,
Притуплены очи ясные во кирпичен пол.
Говорил король таковы слова:
«<...> Али ествушки мои не по́ нраву,
Напиточки мои не по **обычаю?**»

[Князь..., 1988, с. 300–301]

Существенные отличия от предыдущего значения состоят здесь в том, что речь уже не идет о распорядке занятий человека (об элементе

из последовательности повторяющихся событий), подразумевается, в частности, привычная пища. К тому же привычка человека предстает социально обусловленной (*напиточки не по обычаю* = «напитки с королевского стола непривычны гостям»). Заметим, что привычка человека, закрепившаяся под влиянием повседневного быта, служит мерным эталоном при восприятии чужого, малознакомого, непривычного (отсюда оппозиция *по обычаю / не по обычаю*).

В-третьих, трактовка обычая как мерки, эталона удивительным образом выкристаллизовалась в былине «Козарин», реализовавшись в значении ‘физическая сила, мощь (былинного богатыря)’:

*Вот походит Михайло на конюшен двор,
Выводит зеребчика семи цепей,
Семи как цепей, да семи розвезей,
Овернул он зеребчика кругом себя,
Накинул на зеребчика руку правую —
Не мог устоять конь на резвых ногах,
Ёсел тут жеребчик до подбрюх в землю.
Ему ётая лошадь не по разуму,
Не по тому как **обычаю** молодецкому.
Ён выводит зеребчика девети цепей,
Девети он цепей, девети розвезей,
Ёвернул он зеребчика кругом себя,
Как накинул на жеребчика руку правую —
Не мог устоять конь на резвых ногах,
Ёсел тут жеребчик до колен в землю.
Ему ётая лошадь не по разуму,
Не по тому как **обычю** молодецкому.
Да вывел жеребчика о двенадцеть цепей,
Как двенадцети цепей, двенадцети розвезей,
Овернул он жеребчика кругом себя,
Да накинул на жеребчика руку правую —
Не мог устоять конь на резвых ногах,
Осел тут жеребчик до щетоцек.
Ему ётая лошадь как по разуму,
По тому как **обычю** молодецкому*

[Козарин..., 2001, с. 288].

Интересно, что в качестве обозначения физической характеристики человека слово *обычай* не имеет вовсе никакой привязки к социальной семантике, прочно закрепленной за ним в сознании современного носителя русского языка, и даже к представлениям об индивидуальном распорядке жизни человека.

Наконец, предложная конструкция (*не*) *по обычаю* может приобрести наречное значение ‘необычайно, сильно, очень’, как в былине «Сказание о киевских богатырях»: *Пришли богатыри в Царьград, а в те поры у царя стол идет, в столе дают еству третью. И учили калики милостыни просить, против окна стоя, извычно б слышати было голоса царю Константину. И услышав царь Константин ис полаты, говорит богатырю своему Тугарину Змеевичю: «Вели позвать калик тех, слышу я их, кабы по речи русь пришла, попытаю я их о киевских вестях: либо что они ведают». Позвали калик к царю, и пришли калики к царю, и царь их учал спрашивать: «Скажите, калики, ис которого вы града ходите?» Говорит Илья Муромец: «Ходим мы, государь, из города ис Киева от великаго князя Владимира». Против царя сидит Идол богатырь. Говорит царю Константину: «Государь, вольно он человек, попытаи их о киевских богатырех, сколько их ныне у великаго князя Владимира?» Говорит Илья Муромец царю Константину: «...два богатыря, да удалы, государь, не по **обычаю!** Есть там славен богатырь Илья Муромец» [Сказание..., 1960, с. 155].*

Здесь актуализировано параметрическое значение ‘средний, усредненный, такой, как все, среднестатистический, то есть обычный’.

Слово *обычай* в русской народной сказке. В русских сказочных текстах из четырех сборников, как уже говорилось ранее, было обнаружено 9 фрагментов, включающих слово *обычай*. Из них четыре иллюстрируют прочно закрепившееся в современном русском языке значение ‘обряд, традиция, установление, особенность быта, правило, неписанный закон, признанный и принятый к исполнению в какой-либо социальной, профессиональной группе’: «*В их деревне был **обычай** справлять праздник Андрея Первозванного: соберутся девки в одну избу, напекут пампушек и гуляют целую неделю, а то и больше*» (из сказки «Упырь») [Народные русские сказки..., 1985, т. 3, с. 70]; «*Мы выхватим ложку каши, — говорила старуха, — и побежим в погреб прихлебнуть молока. У нас во всей деревне такой **обычай***» (из «Сказки о старушке и ее сыне») [Старая погудка..., 2003, с. 154]; «*Расспросила*

раздала и тотчас же приказ отдала похоронить ту девицу, как следует по обычаю, в мать сырой земле» (из сказки «Волшебное зеркальце») [Народные русские сказки..., т. 3, 1985, с. 106]; *«Есть одно дерево, подле которого стоял прежде дом его и на которое проходящие по обычаю бросают свои старые лапти, в память этого лапотника»* (Из сказки «Иван Грозный и лапотник») [Русские сказки..., 1971, с. 41]. Во всех примерах под обычаем подразумевается общее для представителей одного социума (в контекстном окружении присутствует лексема *деревня*) действие (праздновать, хоронить, прихлебывать, бросать лапти), которое время от времени воспроизводится всеми или многими.

Акциональное значение слова *обычай* выявляется также в ходе анализа текстовых фрагментов, включающих названия людей по их социальному статусу (*помещик, князь-княжевич*) или их производные (*царский, дворянский*): *«А супруг ее, князь-княжевич Иван-королевич, по обычаю царскому, дворянскому, занимался охотой; и уж охота была, правду сказать, не нашим чета!»* (из сказки «Звериное молоко») [Народные русские сказки..., т. 2, 1985, с. 87]; *«А обычаем у помещиков знамо какой — приказывать»* (из сказки «Марко Богатый и Василий Бессчастный») [Народные русские сказки..., 1985, т. 2, с. 350]. По сюжетам, человек в соответствии со своим социальным положением приказывает, охотится, то есть выполняет действия, обычные для людей этого социального класса, но не группы, не сообщества. Поскольку описывается характерная черта поведения людей определенного социального слоя, то значение слова *обычай* здесь близко зафиксированному в исторических словарях русского языка значению ‘свойство, характерная черта, сущность, природа, натура, естество (о людях, имеющих сходство по социально-физическому параметру)’.

Поведенческая трактовка обычая — ‘характер, нрав человека, его индивидуальные качества, влияющие на этику поведения (кротость, приветливость, немногословность и др.)’ — представлена в текстах, микротемой которых является оценка или обсуждение качеств персонажа: *«Хитрец ты окаянный! Как на ты погляжу, из тебя прок будет. Люблю за обычаем и за твою догадливость! Ухитрился, молодец!»* (из сказки «Попов работник») [Народные русские сказки..., 1985, т. 3, с. 21]; *«”Чей это портрет?” — “Моей сестрицы, ваше величество!” — “Ну, господин купец, такой красоты я еще отродясь не видывал;*

а скажи по правде: какова она нравом и обычаем?» — “И тиха и чиста, как голубка!” — “Ну, коли так, быть ей царицею; возьму за себя замуж”» («Из сказки «Оклеветанная купеческая дочь») [Народные русские сказки..., 1985, т. 3, с. 30].

Наконец, значение ‘дело, занятие, то, что выполняется человеком по роду деятельности’ реконструируется в фрагменте: «Ты еще молод, ратное дело тебе не за обычай!» (из сказки «Еруслан Лазаревич») [Народные русские сказки..., 1985, т. 3, с. 357] (при условии интерпретации: «ратное дело не является привычным для тебя занятием по молодости лет»).

Слово *обычай* в русской народной песне. Значительно большее количество употреблений слова *обычай* приходится на песенные тексты.

- 1) В значении ‘индивидуальный устойчивый повторяющийся элемент распорядка жизни человека’ существительное *обычай* в сочетании с предлогом *по* образует конструкцию с обстоятельственным значением образа действия ‘как обычно, как всегда было, как всегда делалось (этим человеком)’:

Я пойду молода въ торгъ торговать,
По *обычаю* товары закупать:
Еще что въ торгу поглянется

[Песни, собранные П. В. Киреевским...,
вып. II, ч. 1, 1911, с. 38].

- 2) Другое значение слова *обычай* — ‘особенность поведения человека, характеризующая его моральный облик, нравственность’ — выявляется в следующем сюжете:

Какъ у чарочки, у серебряной,
Золотой венечикъ.
У Никиты-то у Ефимыча
Дорогой *обычай*:
Где ни пьетъ, где есть,
Где ни кушаетъ сударь,
Ночевать домой ходитъ

[Песни, собранные П. В. Киреевским...,
вып. 1, 1911, с. 111].

Использование в этом фрагменте атрибутива *дорогой (обычай)* наряду с обращением к приему параллелизма (*золотой венчик — дорогой обычай*) позволяет заключить, что упомянутой особенности поведения дается явно положительная оценка.

Приведем сходный контекст, в котором также высказывается одобрение «правильного», соответствующего нормам поведения, а именно отсутствия у человека порока пьянства, и тоже используется сочетание *обычай дорогой*:

*Иванушка братец мой,
Приглянулся разумь твой,
Весь **обычай** дорогой:
Ты не будешь вина пить,
Будут девушки любить
И молодушки хвалить*

[Песни, собранные П. В. Киреевским...,
вып. II, ч. 1, 1911, с. 32].

Возможно, значение ‘высокие моральные качества, нравственность’ имеет собственно сочетание *дорогой обычай* или *обычай дорогой*: именно оно присутствует во всех текстовых фрагментах данной группы.

- 3) Еще один смысл слова *обычай* — ‘социовозрастной стандарт поведения: стереотипы поведения людей определенной возрастной категории и / или социального слоя (незамужней девушки, неженатого юноши, вдовы)’ — реализуется в значительном количестве текстов русских народных песен, поскольку подразумеваются разные субъекты действия. Так, в следующем текстовом фрагменте примечательна сочетаемость слова *обычай* с прилагательными *княженецкий* и *молодецкий*:

*Дмитрий сударь Александровичь
Чесаль кудри, приговариваль,
Агавьюшке выговариваль:
„Агавьюшка, перевей кудри,
<...>Прилегайте, кудри русыя
Ко мому лицу румяному!*

*Привыкай, душа Агавьюшка,
Ко мому ли къ уму-разуму,
Ко мому ли къ молодецкому
Къ **обычаю** княженецкому!“*
— *Ужь и мне ли, красной девушке,
Привыкать было не хотелось,
А хотелось жить у батюшки,
У сударыни у матушки.
А ужь знать, что привыкать будеть
Ко его ли къ уму разуму,
Что къ **обычаю** молодецкому!*

[Песни, собранные П. В. Киреевским...,
вып. 1, 1911, с. 98].

Соотнесение денотата слова *обычай* с действиями человека побуждает нас предполагать, что речь будто бы ведется, как в предыдущем примере, о привычке, особенности поведения человека — фольклорного героя. Однако отличия все-таки существенны: во-первых, подразумевается уже не одна особенность поведения (вспомним, что в предыдущей песне присутствовала выраженная ситуативная рамка: Никита Ефимыч после любых гуляний проводил ночи исключительно дома), а поведение в самом общем смысле, то есть образ жизни (неслучайно проводится параллель между *обычаем* и *умом-разумом*; ср. пословицу *Что город, то норы, что деревня, то поверье, что человек, то разум* [Иллюстров, 1915, с. 108]); во-вторых, на первый план выдвигается не столько поведение конкретного персонажа, у которого есть имя (*Дмитрий Александрович*), сколько типологический образ князя / молодца с характерным для него как представителя своего возраста и социального слоя поведением / образом жизни, что подтверждается противопоставлением «*жить у батюшки, у сударыни у матушки — привыкать к обычаю молодецкому*». Оно опирается на социальную оппозицию «своя / чужая (семья)»: в разных домах неодинаковы порядки, правила, отношения, особенности организации быта.

Социовозрастной стандарт поведения связывается и с образом молодой незамужней девушки — строптивой, своенравной, неуступчивой, балованной матушкой и батюшкой, не желающей расставаться

с вольницей и не готовой принимать / перенимать чужие порядки. Приблизительно таков семантический объем устойчивого сочетания *девичий обычай*:

На дворе дождь, дождь не силенъ, не дробень;
Онъ ситечкомъ сеетъ, решетомъ подсеиваетъ,
Ведромъ поливаетъ.

Братецъ сестрицу по головушке гладить:

— «Сестрица родная, расти поскорее!

Отдадимъ тебя замужъ и въ иную деревню,
Не въ суютнюю семью, иде бьются, дерутся,
Топорами секутся, ножами режутся.

Куды ни поеду, къ сестрице заеду..

Здорово, сестрица, здорово, родная!» —

— «Братецъ родимый, не дюже здорово:

Ореховая клетка не на месте стояла;
Шелковая плетка всее ночь прохлыстала;
Дубовыя двери всее ночь проскрипели...»

— «Сестрица родная, за что жъ это бита,
Чему учена?» —

— «Братецъ родимый, за *девичий обычай*,

За девичью ухватку!

Девичий обычай по векъ не забуду;

Девичью ухватку по смерть не покину!»

[Великорусские..., 1896, т. II, с. 474].

Различия между потенциальным женихом и невестой приобретают еще более «социальное звучание», если на месте молодой — вдова:

Ты женися, ты, мой милый, не ошибися,

Не бери ты-ж, мой милый друг, удовку:

Да удовушкин *обычай* не девичий:

(О)на постелюшку стелит, сама слезно плачит,

Возголовьеце вскладает, сама възрыдает,

Сваво прежнего дружска вспоминает

[Песни, собранные П. В. Киреевским...,
вып. II, ч. 2, 1911, с. 136];

*Онъ меня ли, красну девицу, не напомнилъ,
Не напомнилъ-то онъ, душа моя, да женился,
Не на душечке ведь онъ на красной на девице,
Но на горькой ли да злосчастной онъ на вдовице.
Что тяжель-то, тяжель у вдовушки нравъ-обычай:
Что постелюшку она стелеть, да слезно плачетъ,
Она плакавши, моего милаго проклинаятъ,
А своего-то мужа прежняго выхваляетъ*

[Великорусские..., Т. VII, 1902, с. 654].

Противопоставление *удушкина обычая* и *девичьего обычая* актуализирует разницу между жизненными позициями, опытом, поведением этих потенциальных невест (но не между их характерами!). Скорее, в подобных случаях можно говорить о чертах поведения, типичных для людей, образующих определенную категорию, имеющих сходство по социально-физическим параметрам.

Итак, слово *обычай* связывается с типичным (стереотипным) поведением незамужней девушки (*девичий обычай*), неженатого парня (*княженецкий / молодецкий обычай*), вдовы (*удушкин обычай*). Ср. с зафиксированным в исторических словарях русского языка значением ‘свойство, характерная черта, сущность, природа, натура, естество (о людях, имеющих сходство по социально-физическому параметру)’. Во всех случаях подчеркивается трудность создания семейного союза между людьми с разным социальным опытом, их неготовность к этому.

- 4) Иногда на первый план в семантике слова *обычай* выходит значение ‘нрав, характер человека’. Так, индивидуальные проявления темперамента подразумеваются под обычаем в следующем тексте:

*Ахъ, что это за разумъ и **обычай** у меня:
Все бы у надежи я у милаго была,
Все бы вместе съ нимъ сидела, молода,
Целовалась, миловалась бы я,
Полюбовно бь разговаривала!*

[Великорусские..., 1899, т. V, с. 200]

Можно наблюдать и максимальное сближение значений ‘нрав, характер человека’ и ‘социовозрастной стандарт поведения человека’:

*Ахъ, **обычай**, пострель бешеный!
Слезы катятся, играть хочется...
Отпусти, сударь батюшка, ты на улицу гулять!..
Я пошла, млада, разгулялася,
Въ зеленомъ саду разыгралася,
Все съ ребятами съ неженатыми;
Что заря пришла, я домой пошла.
<...> Мой высокъ теремъ затворяется,
Мой ревнивый мужъ подымается,
Шелковую плетъ со стола беретъ.
Плетка свиснула, — руда брызнула...
«Ужъ ты где была, жена страдница?» —
— Я была, молода, въ зеленомъ саду,
Все съ ребятами съ неженатыми...*

(Пѣсенникъ 1780 года, часть IV, стр. 157)

[Великорусские..., 1896, т. II, с. 445].

Предметом изображения в песне выступает не уникальная судьба, а типологически повторяющаяся личная драма перехода из девичества в замужество. Личностные качества, темперамент лирической героини (смелость, бунтарский дух, свободолюбивый характер) и приобретенная привычка к определенному образу жизни, к занятиям незамужней девушки переплетены неразрывно и образуют сплав, названный *обычаем*.

- 5) В ряде контекстов у слова *обычай* можно реконструировать значение, ‘комплекс знаний, умений, нравственных качеств, понимания социальных ролей, готовности к их исполнению, по которому можно судить о социальной зрелости личности’. Именно совокупностью таких знаний и качеств человека предопределены возможности его участия в социальных отношениях, в том числе готовность к созданию семьи.

Контекстным индикатором такого сложного, «синтетического» значения слова является его соседство с существительными *ум, разум*:

*Молодецъ девицу журиль-браниль,
Честью-лестью да подговариваль:
«<...> Не ходи, девка, молода замужъ,
Не собравшись съ умомъ да съ разумомъ,
Съ дорогимъ, девка, **обычаемъ**;
Не наполнила лица белаго,
Не отростила русой косы!
Неравно, девка, замужъ пойдешь,
Неравенъ суженый достанется!»*

[Великорусские..., 1899, т. V, с. 202].

Семантика неравенства (имеющего выраженный социальный привкус) здесь весьма показательна. Идея сравнения, «примеривания» друг к другу потенциальных жениха и невесты выявляется в наибольшем числе песенных текстов. Гармоничность союза характеризуется формулами «кто-либо кому-либо в обычай или не в обычай / по обычаю или не по обычаю»:

*Ахъ вы, очи, очи ясныя,
Вы глядели да огляделися,
Вы смотрели да осмотрелися —
Не по мысли вы друга выбрали,
Не по моему по **обычаю**!*

[Великорусские..., 1897, т. III, с. 56];

Увидел его князь Ефимьяне:
*«А он же ты сын мой возлюбленной!
Что ты сидиш, свет, кручинен,
Ни хлеба, ни соли не вкушаеш,
Ни сладких питъев не испиваеш,
Горючие слезы проливает?
А или тебе женитва не по думы,
Младая княгиня не в **обычѣй**?»*

[Стих Алексия..., 2002, с. 757];

Ох, ты сизенький мой, беленький голубчик!
Ты зачем рано со тепла гнезда солетаешь?
На кого ты меня, голубушку, покидаешь?
Или я тебе, голубушка, не по мысли,
*Не по твоёму, голубиному, по **обычаю**?*

[Песни, собранные П. В. Киреевским...,
вып. II, ч. 2, 1911, с. 293].

В контексте сравнения обычаев как социально обусловленных наборов личных характеристик людей становится релевантной категория «нравиться / не нравиться»:

*«Ой ты, ладушка, сударушка моя,
Поглянулася походушка твоя,
Поглянулся твой умильный взглядъ,
Поглянулся твой **обычай** дорогой!»*

[Великорусские..., 1896, т. II, с. 385]

Соответственно, *тяжелым обычаем* может быть названа социальная незрелость, например, неготовность незамужней девушки стать женой:

Пошелъ мой надежа-другъ по улице вдоль,
*По улице вдоль во крайній во дворъ,
Во крайній во дворъ, къ Авдотьѣ въ теремъ.
Такіе приветы, пришедши, даетъ:
«Ахъ, всемъ ты мне, Дунюшка, по мысли пришла,
Однимъ не по нраву — **обычай** тяжель:
Когда ни приду, поры-время нетъ,
Все голову чешешь и косу плетешь.
Еще жъ не по мысли — уборъ твой худой:
Что шубка на плечахъ, сама босикомъ»*

[Великорусские..., 1899, т. V, с. 84].

В данном случае изолированное от более широкого контекстного анализа рассмотрение строки *Одним не по нраву — обычай тяжёл* может привести к ошибочному толкованию обычая как характера. Между тем здесь достаточно свидетельств в пользу того, что речь

идет об образе жизни, поведении девушки, показывающем, что она пока не готова к замужеству и будет плохой женой. По сюжету песни, девушка приводит себя в порядок только при появлении потенциального жениха, а значит, по дому обычно ходит неприбранная, неухоженная. Неопрятность, неумение ухаживать за собой расцениваются как признак бесхозяйственности, неготовности к переходу в чужой дом в качестве жены и хозяйки, социальной незрелости.

Кроме того, в песенном фольклоре частотны формулы «знать / не знать / не ведать / узнать обычай [чей-либо]»:

*А тёща-то зятя провожала,
Среди двора зятю наказала:
«<...> Поедешь домой, не валяйся,
Надъ Татьянушкою не ломайся:
Ведь Татьяна — дитя молодое,
Ивановна не устарокъ,
Обычая твоево не знаетъ,
Ко нраву твоему не привыкла,
Разувать, раздевать не умеетъ,
Въ уста целовати не достанетъ»*

[Песни, собранные П. В. Киреевским...,
вып. I, 1911, с. 283];

*Поехаль Иванушка въ монастырь Богу молиться;
Тамъ ему Ольга споноравилась,
Тамъ ему Андреевна споноравилась.
«Ѓдь-поедь, татушка, да посватайся!» —
— «Дитятко Иванушка, какова-то она?» —
— «Ростомъ она, татушка, — тонка, высока,
Ножки у ней, ножки у ней — черевички носить,
Ручки у ней, ручки у ней — только шелкомъ шить;
Обычаю-разуму я не ведаю;
На то есть, татушка, да темная ночь,
Есть у насъ, татушка, да темная клетъ,
А во той клетки да ремянна плеть:
Секану-рубану между белыхъ плечь, —
Обычаю-разуму я доведаюсь!»*

[Великорусские..., 1897, т. III, с. 237]

Узнавание обычая упоминается, как можно увидеть, в песенных описаниях отношений молодоженов: муж и жена узнают друг друга — характеры, привычки, навыки хозяйствования, умение уступать, подчиняться, выполнять новые функции в новом социально-ролевом статусе.

Показателен включающий слово *обычай* (тоже в сочетании с *умом*, *разумом*) контекст к костром. *обонравый* ‘относящийся к разным традиционно установленным правилам, привычкам, порядкам’ (*Мудрено да мудренеконько Жить во чужих людях... Надо мне, младехоньке, Два ума, два и разума, Два обычая обонравые*) [СРНГ, т. 22, с. 170]. Слово *обычай* в этой иллюстрации обозначает социально-ролевой стандарт поведения, то есть умение вести себя в соответствии с семейными порядками, традициями. Подразумевается такая приобретенная (а потому обусловленная социумом) характеристика личности, которая касается традиционного поведения в семейной ролевой коммуникации, а именно знания о том, как следует вести себя, и соответствующего умения (навыка) соблюдения требований.

Употребление слова *обычай* в качестве обозначения сложной комплексной социально обусловленной синтетической характеристики человека, важной для создания брачного союза, кажется, является специфической чертой песенных фольклорных текстов. Речь идет, по-видимому, о склонностях, характере, вкусах человека, обусловленных привычным образом жизни.

Слово *обычай* в русских пословицах и поговорках. Анализ текстов малых жанров — пословиц и поговорок, включающих существительное *обычай*, — обнаруживает иные речевые стратегии говорящего. В силу высокой степени обобщения, свойственной жанру, актуализируются дифференциальные признаки понятия «обычай». Пословицы фиксируют своеобразную рефлексирующую мысль, логико-философский подход носителя русского языка к явлениям действительности, называемым обычаем. Материал был извлечен из сборников И. И. Иллюстрова (стр. 106–111) и И. М. Снегирева, при этом отбирались не вообще пословицы, связанные с феноменом обычая (круг таких паремий очень широк, они могут включать слова *покон, закон, устав, вера, нрав, обыкновение, ряда, обрядня* и другие синонимы слова *обычай*), а только такие, в которых употреблено существительное *обычай*.

Выявляются следующие черты обычая (если выразить это в релевантных для семантики категориях — дифференциальные признаки):

- 1) обычай постоянен (*Хоть к обедни не быть, а обычья не переменить; Обычай не клетка: скоро не переставишь*);
- 2) обычай «посессивен», отсюда сочетаемость со словами *свой, чужой, другой*, а также наличие в контекстном окружении обозначений «области распространения» — *страна, край, город, село, деревня, человек: Какая страна, такой и обычай; Что край, то обычай, что народ, то и вера; Что город, то норы, что ни село, то обычай, что ни старец, то ставец; Что город, то норы, что деревня, то обычай; И город — и норы, и человек — и обычай; Человек — и обычай, конь — и норы; У Сидора обычай, у Карпа свой*; кроме того, существуют пословицы, констатирующие не более чем тесную взаимосвязь двух объектов: *Железу при рати обычай бывати; Жуку нора за обычай* [Снегирев, с. 111]; иначе говоря, наличие одного из объектов в паре является собственным свойством другого объекта;
- 3) обычай специфичен и потому обладает идентифицирующим потенциалом; отсюда отражение в пословицах и поговорках представлений о стереотипах поведения людей одной социальной группы *Женской обычай слезами беде помогать* [Снегирев, с. 107], *Казаки обычаем, что собаки* [Снегирев, с. 129], *Не поп, да обычай добр* [Снегирев, с. 191];
- 4) обычай относительно широко распространен (ср. сочетаемость: *Повальный обычай — что Царский указ*);
- 5) обычай выполняет функцию ориентира, регулирующего фактора в жизни человека и общества: *Повальный обычай — что Царский указ; В каком народе живешь, того и обычья держись; Чей хлеб ешь, того и обычай тешь*;
- 6) обычай древнее закона и выполняет его функции на этапе, предшествующем появлению юридических норм права: *Обычай старше закона; Старый закон — старинный обычай*;
- 7) обычай наблюдаем, поэтому может выступать предметом внешней оценки в коммуникации (дружбе, любви, при создании брачных союзов), в зависимости от этого нередко планируется

дальнейшее взаимодействие между людьми или отказ от контактов: *Не сойдутся обычаи, не будут друзья* [Снегирев, с. 193], *Равные обычаи, крепкая любовь* [Снегирев, с. 226];

- 8) обычай привычен в силу высокой повторяемости: *Египту беды за обычай; Волку зима за обычай* [Снегирев, с. 102].

Как можно видеть, различия между способами представления обычая в пословицах и поговорках, с одной стороны, и в русских народных песнях, былинах, сказках, с другой стороны, разительны. В то время как тексты «больших жанров» не содержат выраженной рефлексии в отношении понятия, обозначаемого словом *обычай*, пословичный дискурс маркирует именно результат аналитического подхода — основные детерминанты понятия. Толкователем было произведено расчленение эксплицируемого содержания, поэтому в пословицах оказались перечисленными признаки понятия, его составные элементы.

При попытке ответить на вопрос о том, в каких значениях употреблено слово *обычай* в приведенных текстах малых жанров, мы попадаем в сложную ситуацию, поскольку дифференциальные признаки ‘постоянный’, ‘характеризующийся посессивностью’, ‘обладающий идентифицирующим потенциалом’, ‘имеющий широкое распространение’, ‘являющийся регулятором’, ‘древний’, ‘наблюдаемый’, ‘привычный в силу повторяемости’ создают некоторый собирательный образ обычая. При этом нивелируются различия между обычаем-характером, обычаем-нравом, обычаем-привычкой, обычаем-обрядом, обычаем-элементом быта и т.д. Лишь по отношению к части пословиц и поговорок применима процедура выявления конкретного значения слова:

- 1) ‘нрав, поведение человека’ (*Не гляди на лицо, а гляди на обычай; Глаз черный, взгляд добрый, обычай волков; Наглого обычая не переменишь; Обычай бычий, а ум телячий; Обычаем крут, а задом худ* [Снегирев, с. 203], *У худой рожки худой и обычай* [Снегирев, с. 266]);
- 2) ‘социальное установление, правило, особенность быта’ (*Хоть к обедни не быть, а обычья не переменить; Обычай старше закона*);
- 3) ‘часть ритуала’: *Обычай дорогой выпить по другой* [Снегирев, с. 202].

Итак, можно заключить, что слово *обычай* имеет такие значения:

1) в былинном дискурсе:

- ‘индивидуальный устойчивый повторяющийся элемент распорядка жизни человека’;
- ‘повседневный быт людей определенного социального класса, привычный образ жизни’
- ‘физическая сила, мощь (о богатыре)’;
- ‘физическая характеристика обычного человека (не богатыря)’.

2) в сказочном дискурсе:

- ‘обряд, традиция, установление, особенность быта, правило, неписанный закон, признанный и принятый к исполнению в какой-либо социальной, профессиональной группе’;
- ‘характер, нрав человека, его индивидуальные качества, влияющие на этику поведения (кротость, приветливость, немногословность и др.)’;
- ‘дело, занятие, то, что выполняется человеком по роду деятельности’.

3) в народно-песенном дискурсе:

- ‘индивидуальный устойчивый повторяющийся элемент распорядка жизни человека’;
- ‘особенность поведения человека в быту, характеризующая его моральный облик, нравственность’;
- ‘социовозрастной стандарт поведения: стереотипное поведение людей определенной возрастной категории и / или социального слоя (незамужней девушки, неженатого юноши, вдовы)’;
- ‘характер, нрав человека, его индивидуальные качества’;
- ‘комплекс знаний, умений, нравственных качеств, понимания социальных ролей, готовности к их исполнению, по которому можно судить о социальной зрелости личности; социально-ролевой стандарт поведения’.

4) в пословичном дискурсе:

- ‘нрав, поведение человека’;
- ‘социальное установление, правило, особенность быта’;
- ‘часть ритуала’.

Жанровые трактовки обычая, как можно заметить, различаются. Любопытно, что только былинный эпос «равнодушен» к обычаю-нраву, в то время как в других жанрах характерологические смыслы

обычай оказались устойчиво отмеченными. С другой стороны, только в былинах (нигде более) нашел выражение один из параметрических смыслов — сема меры вне социальной семантики, а именно — значение ‘физическая сила человека’. Народно-песенный дискурс примечателен вниманием к тематике заключения брачного союза между людьми, воспитанными в разных семьях, а значит, в разных обычаях. В целом в проанализированном комплексе словоупотреблений преобладающей является все-таки семантика социальной обусловленности обычая.

Мы можем видеть, что значения слова *обычай*, представленные в разных типах фольклорных текстов, «смыкаются» в точке пересечения «индивидуального» (нрав — характер и склонности человека) и «социального» (создание брачного союза как акт социальный ставится в зависимость от соответствия друг другу не характеров потенциальных жениха и невесты, а именно их привычек, склонностей, обусловленных воспитанием, средой, в которой они выросли). Однако показательно жанровое различие, состоящее в несовпадении угла зрения не только на обычай, но и, вероятно, на любой объект действительности: в пословицах и поговорках мы наблюдаем максимальную отстраненность от денотата и внимание к структуре понятия, то есть попытку осмыслить составные части понятия, а былинно-песенные тексты как раз сконцентрированы на частных ситуациях без погружения в рефлексию относительно того, каков по существу обычай, на собственно реализациях значений полисеманта в речи. Пословицы и поговорки имеют статус обобщений, отсюда происходит основная тактика дефинирования слова *обычай*. Былины, сказки, народные песни сохраняют сложные синтетические смыслы слова *обычай*, которые составляют своеобразие русского менталитета.

II. ВЕРБАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБЫЧАЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

Главная задача раздела — выявление синонимов слова *обычай* в русском языке. Необходимо установить состав этого лексического списка, определить место каждой лексемы в зависимости от стилистической характеристики.

При определении фонда языковых единиц, обозначающих обычаи, мы обращались к материалам словарей современного русского языка и русских народных говоров. Сбор слов проводился преимущественно по критерию присутствия в дефинициях слова *обычай* как синонима толкуемого слова, иные случаи специально комментируются. При этом не всегда представляется возможным учесть многозначность слова-дескриптора, поэтому фиксируется сам факт синонимии, но семантические нюансы не уточняются.

В отношении слов литературной разновидности русского языка нам кажется наиболее интересной собственно ревизия обозначений понятия «обычай», поскольку их количество косвенно свидетельствует о степени важности данного понятия для русского менталитета, а кроме того, позволяет составить представление о «стилистической палитре» оозначений обычаев в русском литературном языке.

Диалектные обозначения обычаев существенно расширяют данную группу синонимических слов, что является одним из факторов, обуславливающих целесообразность мотивационного анализа всего корпуса собранных слов и системной интерпретации реализованных в данной семантической области моделей номинации.

II.1. Синонимы слова *обычай* в русском литературном языке

В качестве синонимов *обычая* носитель современного русского языка мог бы назвать слова *традиция*, *обряд*, *ритуал*, *обыкновение*, однако таких слов значительно больше. З. Е. Александрова приводит ряд, включающий несколько устаревших лексем: *обычаи* — *нравы* —

свычай и обычай (устар.), *обычай* — *традиция* — *неписаный закон* — *заведение* — *свычай и обычай* (устар.) [ССРЯ, с. 282].

Действительно, эти языковые факты представлены в Словаре современного русского литературного языка. Словарные пометы свидетельствуют о том, что рассматриваемые языковые факты имеют разный статус. Приведем их в следующем порядке — от литературных к устаревшим и далее просторечным:

- литер. *обычай* (в 1-м значении) ‘общепринятый порядок, издавна укоренившийся в быту того или иного народа, той или иной общественной группы’ (Эх, Кулигин, *больно трудно мне здесь без привычки-то! Все на меня как-то дико смотрят, точно я здесь лишний, точно мешаю им. Обычаев я здешних не знаю.* — А. Остр. Гроза; *У черкесов есть очень милый обычай дарить гостю все, что он похвалит,* — сказал я любезно. — Купр. Олеса; *У нас, по стародавнему обычаю, ужин сытный, как обед. Кушаем не по нужде, а для удовольствия.* — М. Горький. Жизнь Кл. Самгина) [ССРЛЯ, т. 8, с. 582];
- литер. *традиция* (оттенок 1-го значения) || ‘установившийся в быту обычай’ (*Все население Алешина холма вышло на вершину встречать стада. Эта встреча была накрепко установившейся традицией Алешина холма.* — Николаева. Жатва) [ССРЛЯ, т. 15, с. 793]¹;
- литер. *закон* (во 2-м значении) ‘правило общежития, общественного поведения, являющееся общепринятым, обязательным в том или ином обществе, обычай’ (*Своя тут [на побережье] жизнь, свои обычаи, законы, свои уставы.* — Сераф. На море) [ССРЛЯ, т. 4, с. 544];

¹ Помимо этого смыслового оттенка приведем и основные значения этого слова, несмотря на то, что в этих дефинициях отсутствует слово *обычай*: литер. *традиция* (в 1-м значении) ‘исторически сложившиеся и передаваемые из поколения в поколение опыт, практика в какой-либо области общественной жизни, действительности и т.п.’ (*Национальные традиции. Революционные традиции рабочего класса. Литературная традиция*); (во 2-м значении) ‘обычная, принятая норма, манера чего-либо’ / *Традиция чего* / ([В обществе] *сохранилась привитая нам воспитанием традиция западной вежливости, которая на Западе исчезает.* — Герцен. Былое и думы) [ССРЛЯ, т. 15, с. 793]. В этих случаях существительное *традиция* также служит обозначением разного рода правил, установлений.

- устар. и обл. *свы́чай, свѣ́чай и обы́чай, свѣ́чай-обы́чай* ‘привычка, обычай’ (*Домнушка знала свѣчаи Груздева хорошо, и самовар скоро появился в сарайной. — Мам.-Сиб. Три конца; По деревенскому свѣчаю ей почти никто не помог: старая деревня сурово глядела на свалившееся над ближним несчастье. — Сок.-Микит. Елень; Хоть велик человек был Карп Алексеич, хоть велики стали достатки его, но не хватало ему по деревенскому свѣчаю-обычаю настоящей силы-важности. — Печер. В лесах*) [ССРЛЯ, т. 13, с. 452];
- простореч. *нра́в* (во 2-м значении, обычно множ.) ‘обычай, уклад общественной жизни’ (*Это заставило меня размышлять о простоте казачьих нравов. — Пушк. Путеш. в Арзрум; [Они] Сюда бежали, бросивши Саратов, И вольный Дон, и старой веры нрав. — Саян. Старый Иркутск*) [ССРЛЯ, т. 7, с. 1435];
- простореч. *заведѣние* (в 5-ом значении) ‘обычай, обыкновение’ (*Берут взятки, ну, значит, такое заведение, так исстари пошло, ни у кого об этом и сумления нет. — А. Остр. Пучина*) [ССРЛЯ, т. 4, с. 279].

Опираясь на дефиниции этих лексем (тех из них, которые не отсылают непосредственно к слову *обычай*, поскольку вкладываемые в него смыслы могут быть разными), можно назвать семы, совокупность которых предположительно составляет ядро обозначаемого понятия (табл. 7).

Содержание последней графы таблицы — результат обобщения лексикографических данных. Мы приходим к выводу, что компонентная структура понятия «обычай», в представлении словаря русского литературного языка, включает ряд дифференциальных сем (общепризнанность, устойчивость, принадлежность быту или сфере поведения человека, принадлежность определенному сообществу людей — части социума).

Как оказалось, определенную сложность составляет подбор слова, которое называло бы родовую интегрирующую сему. В этом качестве составителями словарей предлагаются понятия «правило» и «порядок».

Из трех значений существительного *правило*, представленных в словаре современного русского языка, затруднительно указать такое, которое соответствовало бы понятию «обычай»: литер. *пра́вило* ‘положение, выражающее определенную закономерность, постоянное соот-

**Семы, составляющие понятие «обычай» (выявлены
на основе дефиниций слов русского литературного языка)**

Лексема	Родовое понятие	Дифференциальный признак 1	Дифференциальный признак 2	Дифференциальный признак 3	Дифференциальный признак 4
<i>Обычай</i>	порядок	общепринятый	издавна укоренившийся	в быту	того или иного народа, той или иной общественной группы
<i>Закон</i>	правило	являющееся общепринятым, обязательным	—	общезития, общественного поведения	в том или ином обществе
<i>Традиция</i>	обычай	—	установившийся	в быту	—
Семы (семная структура понятия «обычай»)	?	признанность всеми или многими	устойчивость, длительное существование	принадлежность бытовой или поведенческой сфере	социальная отнесенность (обычай осмысливается исключительно в социальном контексте, т.е. условно закреплен за какой-либо частью человеческого сообщества)

ношение каких-либо явлений’ (*Грамматические правила*), ‘принцип, служащий руководством в чем-либо’ (*Нравственные правила; По правилам чести, гостеприимства, приличия и т. п.*), ‘(обычно множ.) собрание, свод каких-либо положений, установок, определяющих порядок чего-либо’ (*Правила уличного движения; Правила игры*) [ССРЛЯ, т. 11, с. 14]. Заметим, ни в одной дефиниции не присутствует слово ‘обычай’.

Второе возможное родовое слово семантически более сложно, поскольку обозначает организованную совокупность объектов действительности и событий (в частности, обычаев), а не один элемент

системы: литер. *порядок* ‘состояние благоустроенности, налаженности, организованности; правильное расположение, надлежащий вид чего-либо’ (*Порядок в управлении хозяйством; Порядок на столе; Образцовый порядок*), ‘система управления, строй’ (*Крепостные порядки*), ‘образ жизни, уклад; распорядок’ и (оттенок этого значения) || ‘обычай, обыкновение’ (*По старинному порядку выдали ее замуж 15 лет* — Л. Толст. Идиллия) и др. [ССРЛЯ, т. 10, с. 1437]. Интересующее нас значение — ‘обычай, обыкновение’ — подается как смысловой оттенок, однако обратим внимание, что слова *обычай* и *порядок* определяются друг через друга, т. е. мы имеем дело с так называемым «порочным кругом»: неизвестное (*обычай* ‘порядок’) толкуется через него же (*порядок* ‘обычай’), в итоге неизвестное остается неизвестным. Неясно, подразумевается ли в обоих случаях одинаковый семантический объем.

Соотнесение слова *обычай* с существительным *порядок* в значении ‘образ жизни, уклад’, оттенком которого является, согласно словарю, семема ‘обычай’, дало бы нам расширительную трактовку слова *обычай*. Трудно сказать, актуально ли употребление слова *обычай* в широком значении ‘образ жизни, уклад’ в современной речевой практике, однако в истории русского языка сама возможность такого словоупотребления, как нам кажется, подтверждается, например, фрагментом текста «Повести временных лет»: *И Радимичи, и Вятичи, и Север один **обычай** имяху: живяху в лесе, яко же и всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословье в них пред отьци и пред снохами, и браци не бываху в них, но игрища межю селы, схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бесовьская песни, и ту умькаху жены собе, с нею же кто съвещашеся; имяху же по две и по три жены. И аще кто умряше, творяху тризну над ним, и по семь творяху кладу велику, и възложашуть и на кладу, мертвеца сожъжаху, и посемь собравше кости вложашу в судину малу, и поставляху на столпе на путех, еже творять Вятичи и ныне* [Повесть...]. В этом отрывке форма единственного числа выделенного существительного служит обозначением не одного правила или особенности быта, не одного обрядового комплекса (*обычай захоронения в лодке, брачный обычай* и под.), а именно в целом образа жизни людей, составляющих одну социальную группу, общину, то есть комплекса характеристик быта (предпочтения в еде, брачные установки и т.д.). Пожалуй, этот расширенный семантический объем

с большой вероятностью можно предполагать у современного слова *обычай* во множественном числе (а также у слов *порядок* и *порядки*).

Обратим внимание: видовые дифференциальные признаки, отмеченные в толкованиях лексем *обычай*, *закон*, *традиция*, довлеют над родовой семьей, делая ее не особенно нужной для понимания этих лексем. Если, например, использовать в дефиниции слова *обычай* неопределенное местоимение *что-либо*, указывая при этом дифференциальные признаки, то объем понятия будет вполне ясен: *обычай* — что-либо общепризнанное, устойчивое в бытовой или морально-нравственной жизни человека как представителя определенной социальной группы.

Думается, имеет смысл учитывать, что такое толкование *обычая* все же не единственное (и тогда слово является многозначным) либо неполное, поскольку оно игнорирует «обрядовое» значение этого слова (*обычай похищения невесты*, *обычай захоронения в кургане* и т.д.). Тезис о том, что оппозиция «бытовое — символическое» наложима на противопоставление «обычай — ритуал / обряд», несостоятелен с позиции языка: слово *обычай* без всяких затруднений и ограничений используется в высказываниях, касающихся как быта, так и совершения символических ритуальных действий.

Вернемся к лексическим репрезентантам понятия «обычай» и добавим к приведенным выше языковым фактам лексемы, не упомянутые в ряду синонимов, составленном З. Е. Александровой, однако толкуемые в словаре современного русского литературного языка через слово *обычай*:

- литер. *у́зус* ‘то, что принято, что стало обычным; обычай, обыкновение’ (Слов. иностр. слов, 1937) [ССРЛЯ, т. 16, с. 420];
- литер. *старина́* (во 2-м значении) и разг. *старинка* (в 1-м значении) ‘то, что было давно; события, обычаи, порядки и т.п. давних времен’ (*Барыни пожилые старались хитро сочетать новый образ одежды с гонимую стариною: ... робронды и мантильи как-то напоминали сарафан и душегрейку — Пушкин. Арап Петра Вел.; — Спасибо царице Прасковье, в последнее время она мне помогает, — хоть и трудно ей старину ломать, все-таки завела для дочерей новые порядки — А. Н. Толст. Петр I*) [ССРЛЯ, т. 14, с. 747], литер. *по старинé* и *по старинке* ‘по обычаям, вкусам старого времени’ (*По старине живем: от поздней обедни все к*

- пирогу да ко щам, а потом, после хлеба-соли, семь часов отдых* — А. Остр. Бесприданница; — *Мы по старинке живем, у нас девушки по хозяйству заняты* — Саян. Лена) [Там же];
- литер. *порядок* (в 3-м значении) ‘образ жизни, уклад; распорядок’; || ‘обычай, обыкновение’ (*Мне пришлось более или менее близко видеть... дела и порядки трех деревень, лежащих почти рядом* — Гл. Усп. Из дерев. дневника) [ССРЛЯ, т. 10, с. 1438];
 - литер. *обыкновение* (оттенок значения) || ‘обычай, заведение’ (*Во время шестилетнего отсутствия я вовсе позабыл здешние обыкновения* — А. С. Пушк. Арап Петра Вел.; *По тогдашнему обыкновению, его образование представлено было иностранным гувернерам* — Доброл. А. С. Пушкин; *Тянька вас любит, он простит. Мы к нему сейчас приедем после свадьбы, знаете, по русскому обыкновению, ему в ноги* — А. Остр. Не в свои сани...) [ССРЛЯ, т. 8, с. 576];
 - литер. *пра́во* (оттенок значения) || ‘обычай, существующие в той или иной среде, в том или ином обществе’ (*Право сильного царило в этих стенах в полном объеме* — Мам.-Сиб. Новичок) [ССРЛЯ, т. 11, с. 26];
 - литер. *привычка* (оттенок значения) || ‘привычный образ действий; обычай, обыкновение’ (*В районе стало привычкой: первый сноп из колхоза Чапаева — это сигнал, после которого торопливо передается телефонограмма: «Начать выборочную жатву...»* — Тендряк. Среди лесов) [ССРЛЯ, т. 11, с. 400];
 - литер. *вкус* (оттенок значения) ‘мода, условный обычай’ и простореч. *быть во вкусе* ‘иметься в обычае, быть принятым’ (*А барин-то, я вижу, у вас был строг? — начал я после небольшого молчания. — Тогда это было во вкусе, батюшка, — возразил старик, качнув головой* — Тург. Мал. вода) [ССРЛЯ, т. 2, с. 423];
 - литер. *завет* (оттенок значения) || ‘обычай, унаследованный от прошлого’ ([Полтев] *вставал и ложился, кушал и в баню ходил... не так, как бы ему вздумалось, не на свой манер, — а по завету и преданию отцов — истово и чинно* — Тург. Отчаянный) [ССРЛЯ, т. 4, с. 291];
 - разг. *нóров* (во 2-м значении) ‘обычай, общераспространенные привычки’ (*Что ни город, то, говорят люди, норов, что ни деревня, то обычай* — Корол. Река играет) [ССРЛЯ, т. 7, с. 1404];

- устар. *рутіна* (в 1-м значении) ‘установившийся обычай, порядок’ (*Ты всегда уважал рутину, школьный порядок, уважал людей, следовавших тому и другому* — Бел. Письмо Д. И. Иванову, 7 авг. 1837; *Были и отчасти сохраняются до сих пор такие формы быта, в которых личная мысль человека не развита, в которых он подчиняется существующим обычаям или постановлениям... Рутина — дурная или хорошая — владычеству над их жизнью* — Черныш. «Основания полит. эконом.» Милля) [ССРЛЯ, т. 12, с. 1587];
- простореч. *завѡд* (в 5-ом значении) ‘обычай, обыкновение’ (*Вахмистра за усы у нас в полку не положено хватать... Может быть, у гвардейских гусар так водится, а у нас, ахтырцев, этого в заводе нет* — Л. Никул. России верные сыны) [ССРЛЯ, т. 4, с. 309].

Наконец, этот перечень слов следовало бы дополнить лексемами *уклад, обряд, ритуал, правило, норма, устои, устав*, которые не содержат в словарных дефинициях слова *обычай*, однако семантически ему близки и потому, во-первых, присутствуют в определениях приведенных выше лексем, во-вторых, толкуются (по крайней мере, некоторые из них) через слово *порядок*, то есть через синоним слова *обычай*, в-третьих, снабжены иллюстративными контекстами, убеждающими в их причастности к выражению смысла ‘обычай как уклад жизни в целом или одна из особенностей ее организации’:

- литер. *уклад* (в 1-ом значении) ‘установившийся порядок, образ жизни (отдельной семьи, социальной группы и т.п.)’ (*У вас, значит, строго по казачьему укладу: дочерей по порядку замуж выдаете?* — Степан. Порт-Артур; *Жила в последние времена хваловская большая семья жизнью благополучного, со старинным строгим укладом крестьянского дома* — Сок.-Микит. На tepl. земле) [ССРЛЯ, т. 16, с. 448];
- литер. *обряд* (в 1-ом значении) ‘порядок, чин, по которому совершается что-либо; действия, связанные с выполнением каких-нибудь предписаний (преимущественно религиозных)’ (*Более прежнего стали соблюдаться посты, поминки, заговенья и тому подобные обряды, соблюдаемые святым мещанством* — Решетн. Свой хлеб; *Все гости совершали обряд приветствования никому неизвестной, никому неинтересной и ненужной тетушки* — Л. Толст. Война и мир; *Она [бабушка] говорит языком преда-*

- ний... и весь наружный обряд жизни отправляется у ней по затверженным правилам — Гонч. Обрыв) [ССРЛЯ, т. 8, с. 427];
- литер. *ритуал* (во 2-м значении) ‘церемониал, выработанный обычаем, торжественно обставленный порядок совершения чего-либо’ (*У них [мужиков] даже выработался особый ритуал приветствий и чествований Иринеевой особы — Эртель. Зап. степняка; Я отвесил, как полагалось по ритуалу тогдашних приличий, по поясному поклону на все четыре пустые стены — Н. Морозов. Пов. моей жизни*) [ССРЛЯ, т. 12, с. 1340];
 - литер. *правило* (во 2-ом значении) ‘принцип, служащий руководством в чем-либо’ (*Нравственные правила; По правилам чести, гостеприимства, приличия и т. п.*) [ССРЛЯ, т. 11, с. 14];
 - литер. *норма* (в 3-м значении) ‘общепризнанное, узаконенное в определенной социальной среде установление; правило поведения людей в обществе’ (*Очень многие категории поступков, в старой этике стоявшие вне пределов моральной нормы, у нас делаются моральными категориями — Макарен. О комм. этике; Ленин выработал твердые нормы партийной жизни, ставшие законом для всей последующей деятельности партии — Кр. биогр. В. И. Ленина; [В Германии] этические нормы человеческого поведения были чудовищно извращены — Казаков. Дом на площади*) [ССРЛЯ, т. 7, с. 1399–1402]¹;
 - литер. перен. *устой* (в 3-м значении, обычно множ.) ‘основополагающие начала, нормы, основы чего-либо (жизни, морали и т.п.);

¹ Другие значения слова (первое, второе и четвертое): литер. *норма* ‘установленная мера, размер чего-н.’ (‘установленная мера производительности труда’, ‘то же, что норматив: экономический или технический показатель норм, в соответствии с которыми производится работа’, ‘средняя, обычная величина чего-либо’: *Нормы выдачи кормов скоту; Нормы выработки; Норма выпадения осадков в мае*), ‘обычный, установленный порядок, обычное состояние чего-либо’ ([Обломов] *с громкими вздохами ложился, вставал, даже выходил на улицу, и все доискивался нормы жизни, такого существования, которое было бы и исполнено содержания и текло бы тихо — Гонч. Обломов; прийти, войти в норму*), ‘(спец.) обозначение на первой странице каждого печатного листа книги ее заглавия и фамилии автора’, а также литер. *норма права* ‘правило поведения людей в обществе, выраженное в законе или ином акте государственной власти’ [ССРЛЯ, т. 7, с. 1399–1402].

то, на чем зиждется что-либо' (*Все смутно догадывались, что гарденинская жизнь выбита из колеи и что-то трещит, что-то распадается в ее вековых устоях* — Эртель. Гарденины; *Ни в прошлом, ни в настоящем не оказывалось ни одного нравственного устоя, за который можно бы удержаться* — Салт.-Щед. Госп. Головлевы) [ССРЛЯ, т. 16, с. 973];

- простореч. *устáв* (во 2-ом значении — обычно множ.) 'правила поведения, нормы жизни' (*Панишин скоро понял тайну светской науки; он умел проникнуться действительным уважением к ее уставам, умел с полунасмешливой важностью заниматься вздором и показать вид, что почитает все важное за вздор; танцевал отлично, одевался по-английски.* — Тург. Дворянское гнездо); (в 3-м значении — устар. и простореч.) 'положение, принцип, служащие руководством в чем-либо; правило' (*Судиться по правам — не тот у них был нрав; Да сильные ж в правах бывають часто слепы. У них на это свой устав: Кто одолеет, тот и прав.* — Крыл. Лев и Барс), || (устар.) 'обычай' (*И по русскому уставу / Баню жаркую гостям / Затопили мы на славу* — Вяз. Совр. заметки) [ССРЛЯ, т. 16, с. 947].

Слово *установление*, очевидно, также способно служить обозначением обычая, закрепившегося в обществе неписаного закона или особенности организации быта, однако в «Словаре современного русского литературного языка» оно фиксируется в качестве обозначения официального закона, постановления государственной или судебной власти. Возможно, это лишь следствие того, что составители словаря пошли вслед за Д. Н. Ушаковым, определявшим *установление* как 'то, что установлено, устав, закон (офиц. устар.)' (*Свод установлений*) [Ушаков, т. IV, с. 1000]), и выбрали иллюстрации, подтверждающие только «узкое» значение слова. Ср. разность между «широко» сформулированной дефиницией ('(устар). то, что установлено, закон, устав') [ССРЛЯ, т. 16, с. 967] и иллюстративными контекстами, демонстрирующими в действительности «узкое» значение 'то, что официально установлено судебными или государственными властями': *Государыня Екатерина II говаривала: «Когда хочу заняться каким-нибудь новым установлением, я приказываю порыться в архивах и отыскать, не говорено ли уже было о том при Петре Великом»* — Пушк. Анекдоты; [Кедровский] *отправился в Кремль, в хорошо известное ему здание*

судебных установлений — Никул. Моск. зори [Там же]. Между тем в словаре под редакцией С. А. Кузнецова находим: *установление* '(устар.) закон' (*Государственные установления. Общественные установления*) [БТСРЯ, 1998, с. 1402]. Сочетаемость *общественные установления* предполагает возможность того, что речь идет не о том, что установлено судом или государем, а о том, что установилось, закрепилось в обществе без участия властей.

Таким образом, в результате сбора данных по Словарю современного русского литературного языка мы получили следующий ряд обозначений обычая как одной характерной особенности уклада общественной жизни или собственно уклада жизни в собирательном значении: *обычай* (в 1-м значении) — *традиция* (в 1-м и 2-м значениях) — *узус* (единственное значение) — *закон* (во 2-м значении) — *уклад* (в 1-м значении) — *обряд* (в 1-м значении) — *старина* (во 2-м значении) — *ритуал* (во 2-м значении) — *правило* (во 2-м значении) — *норма* (в 3-м значении) — *устои* (в 3-м значении) — *порядок* (оттенок значения) — *обыкновение* (оттенок значения) — *право* (оттенок значения) — *привычка* (оттенок значения) — *вкус* (оттенок значения) — *завет* (оттенок значения) — *старинка* (разг.) — *норов* (разг.) — *свычаи и обычаи* (устар.) — *рутина* (устар.) — *заведение* (простореч.) — *нравы* (простореч.) — *завод* (простореч.) — *устав* (простореч.). Из них 17 языковых фактов не имеют стилистической маркировки (однако заметим, что лексемы *узус* и *традиция* имеют явно книжный характер), 2 — охарактеризованы как имеющие ограничение, а именно принадлежат разговорному стилю, 2 — представлены устаревшими, 3 — отнесены к просторечным. Очевидно, что слова из составленной нами в результате просмотра Толкового словаря литературного языка выборки различны по степени употребительности в речи.

Тот факт, что для обозначения одного понятия в русском языке, притом только в литературной его разновидности, имеется 24 лексем, кажется нам знаковым, несмотря на то, что речь не идет ни об уникальности когнитивной структуры, соотносимой со словами этого ряда, ни об узкой культурной специфике собственно обозначаемых ими объектов действительности, поскольку обычаи — универсальный феномен, свойственный любой культуре.

Многие из слов приведенного ряда (*обыкновение, обычай, привычка, нрав* и другие существительные) могут, как известно, обозна-

чать не только порядок, установившийся в данном социуме, но и индивидуальные особенности поведения или образа жизни человека. В этом можно убедиться на примере слова *обыкновение*. Ср., с одной стороны, предложения *Вид у Кулича был, по его обыкновению, тревожный и озабоченный: словно бы он старался что-то преодолеть, и оттого изнемогал духом* (Михаил Чулаки, 2002); *Он чистил и трещал по своему обыкновению* (В. П. Катаев, Алмазный мой венец, 1975–1977); *Обе, разумеется, наплакались, по их обыкновению, обнявшись, и Лиза, по-видимому, успокоилась* (Ф. М. Достоевский, Подросток, 1875) [НКРЯ] и, с другой стороны, ряд контекстов, в которых идет речь об этническом или конфессиональном своеобразии традиций, установленных внутри социальной группы: *Впрочем, она должна была, по их обыкновению, надрезать лицо себе и плакать; Как скоро отец его умер, то тукюесцы велели ему одеваться по их обыкновению* (Иакинф (Бичурин), Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, 1851) [НКРЯ].

Неслучайно в словаре З. Е. Александровой, помимо уже рассмотренного ряда языковых фактов, справедливо приводится еще один синонимический ряд, в котором присутствует лексема *обычай*, но базовым в нем является существительное *привычка*, и все лексемы обозначают индивидуальные особенности поведения и образа жизни человека: *привычка — обыкновение — обычай — манера — мода* (разг.) — *свычка* (прост.) [ССРЯ, с. 380].

Однако это различие в семантике отражено в дефинициях слов не единообразно и не всегда. Приведем несколько примеров:

- 1) слова *обычай*, *нрав* представлены как многозначные; помимо ранее приведенных значений, есть другие: литер. *обы́чай* ‘(во 2-м значении, только ед.; простореч.) привычный образ действий, поведения; привычка, обыкновение; поведение, манера держать себя’ (*А у меня что дело, что не дело, Обычай мой такой: Подписано, так с плеч долой* — Гриб. Горе от ума) [ССРЛЯ, т. 8, с. 582]; литер. *нра́в* (в 1-м значении) ‘характер, совокупность психических свойств’ (*У меня такой нрав. Хоть разругай, век слова не скажу* — Фонвиз. Недоросль) [ССРЛЯ, т. 7, с. 1435];
- 2) в Толковом словаре для существительного *обыкновение* предлагается только одно основное значение, проиллюстрированное

контекстами, в которых реализуется смысл ‘привычка человека’ — литер. *обыкновеніе* ‘заведенный порядок в чем-либо; привычка’ (*Было у него странное обыкновеніе — ходить по нашим квартирам. — Чех. Чел. в футляре; У него [почтмейстера] было обыкновеніе читать все газеты и журналы. — А. Н. Толст. Детство Никиты*) [ССРЛЯ, т. 8, с. 576]; однако далее в роли оттеночного представлено значение || ‘обычай, заведение’ (*Во время шестилетнего отсутствия я вовсе позабыл здешние обыкновенія. — А. С. Пушки. Арап Петра Вел. и т.д. — см. выше*) [Там же], и иллюстративный контекст к нему свидетельствует о том, что подразумевается социальная установка;

- 3) слово *свычай* представлено однозначным, несмотря на то, что иллюстративные контексты доказывают обратное (см. выше), и т.д.

Итак, некоторые из перечисленных выше слов сходны в способности служить обозначениями и социальных установлений, и особенностей поведения человека, но могут различаться в зависимости от того, в каком из двух значений слово по преимуществу реализуется в речевой практике.

Таким образом, лексема *обычай* и его синонимы, зафиксированные в Словаре современного русского литературного языка, образуют ряд слов, различных по стилистической окраске и по степени употребительности и в перспективе требующих специального исследования с целью сбора информации для их корректного лексикографирования. Поскольку слово *обычай* по внимательном его рассмотрении оказывается многозначным, то и анализ употребления в речи языковых фактов, выступающих в роли его синонимов, показывает, что они реализуют разные его значения или смысловые оттенки — те же, которые выявляются у слова *обычай* — условно «главного» в этом ряду синонимов. Перспективы изучения семантики каждого из этих фактов языка состоят в установлении своеобразия системы значений и выяснении направлений исторического развития семантики каждого слова, а также в описании функциональных характеристик слова в современный период развития русского языка.

II.2. Мотивационный анализ слов, обозначающих *обычай* в русском языке

Лексические репрезентанты понятия «обычай» в русском литературном языке неоднократно становились предметом анализа в семантическом ключе. Уделялось внимание особенностям семантики слов русского литературного языка *обычай, традиция, ритуал, закон, обыкновение, нрав* и разграничению соответствующих понятий [Веснина, 2012; Глебкин, 1998; Доброниченко, 2013; Кравченко, 2009; Львов, 1975; Мустайоки и др., 2006; Сичинава, 2013; Трубачев, 2005; Чурсина, 2008; Шацкая, 2011 и др.]. Реже предметом изучения становится лексика русских народных говоров [Грицкевич и др., 2011]. Между тем накопленные диалектные материалы содержат значительно большее количество обозначений *обычая* (по нашим данным, полученным в ходе просмотра словарей и архивов, более 90 слов), чем русский литературный язык.

Представление обозначений *обычая* в словарях русских народных говоров таково, что значение приходится уточнять в зависимости от контекста, поскольку в дефиниции зачастую содержится только слово *обычай* без конкретизации того, в каком из его 19 значений оно употреблено, а примеры не всегда есть. Как уже было показано во второй главе, словом *обычай* может обозначаться невероятно широкий круг понятий: любое предписание, принятое в быту поведение, обрядовый элемент, привычный способ выполнения каких-либо хозяйственных работ, обусловленное особенностями местности, климатом, исторически сложившееся отсутствие или наличие какого-либо вида хозяйственных работ (*клюкву собирают или не собирают, кресты не ставят на могилах, просватанье обязательно, поминки делают, бабы ходят с кичками и в поневах*) и многое другое. Мы принимали во внимание такие синонимы *обычая*, которые служат обозначениями бытового или обрядового установления.

В отношении лексических множеств, как показывает уже сложившаяся исследовательская традиция, информативен ономаσιологический подход. Посредством его выявляются релевантные для носителя языка связи между понятиями: «Мотивационные связи, существующие в языке, характеризуют структуру ментального мира, то, как человек (язык) категоризует мир» [Толстая, 2002, с. 119]; «Выбор производящих

основ, с одной стороны, определяется ономаσιологическими предпочтениями, отражающими в моделях мотивации связь этих понятий в картине мира этноса, а с другой стороны — ограничивается существующим в языке набором производящих корней / основ» [Варбот, 2007, с. 45].

Ономаσιологический подход к материалу предполагает анализ внутренней формы слов как сохраняющей актуальную информацию о том, каким представляется носителю языка объект номинации, в данном случае — социальная норма, обычай. Мотивационный анализ собранного нами методом фронтального просмотра словарей и картотек множества обозначений обычая позволил выявить ряд мотивов. Под мотивом понимается реконструируемый смысловой элемент, фиксирующий факт осмысления объекта номинации через апелляцию к представлениям о других объектах действительности. Такой анализ вскрывает семантическую связь между двумя словами, из которых одно является производящим, другое — производным.

Далее лексические репрезентанты понятия «обычай» в русских народных говорах и общенародном языке рассматриваются в рамках ономаσιологического подхода. Обозначения *обычая* разделены на группы согласно производящим основам, сгруппированным в свою очередь по типам мотивов, актуализируемых посредством данных производящих основ.

Каждый из четырех следующих параграфов представляет одну группу мотивов. Порядок их следования определен количеством лексических фактов, во внутренней форме которых реализуются мотивы, входящую в одну группу.

II.2.1. Нормативно-регулятивные мотивы

Среди обозначений *обычая* самую большую группу образуют слова, во внутренней форме которых запечатлены мотивировочные признаки, позволяющие провести экспликацию представлений об обычае как требующем исполнения, поддержания порядка, организации, управления: «ряд», «череда», «править», «обиходить», «чин», «процедура», «положить», «постановить», «установить», «люди», «дед», «ум», «мода», «дорога», «стопа», «постен», «привилегия».

Производящая основа «ряд». Представление об обычае как о части повседневных событий либо ритуальных действий, то есть как

об элементе определенного порядка, вербализуется путем привлечения корня *-ряд-*, ср.-рус. (мордов.) *отвесті (отводіть) ряд* ‘сделать (делать) что-либо не по желанию, а согласно общественным требованиям, ради соблюдения обычаев, правил’ (*Которы дельют ъд души поминки-ти, а которы — токъ рят утвести*) [СРГМ].

Прежде всего, отметим лексические факты русского литературного языка — *обряд* и *порядок*. В русских народных говорах находим их производные: арх., ворон. *обряда* ‘обычай, порядок, обряд’ [СРНГ, т. 22, с. 222], юж.-урал. *обряда* ‘обычай’ (*Обычай был встречать мужа у ворот; у нас у самих была такая обряда*) [Малеча, т. 3, с. 37], пск. *обрядность* ‘обычай, порядок, обряд’ (*Везде своя автономия, обрядность*) [СРНГ, т. 22, с. 222], казак.-некрас. *обрядок* ‘обряд, обычай’ [СРНГ, т. 22, с. 223] и др.

Иллюстративные контексты к слову *обряд*, фиксируемому в речи диалектоносителей, свидетельствуют о том, что оно трактуется здесь значительно шире, поскольку обозначает вообще установления, особенности организации быта, ведения хозяйства, в отличие от терминологической трактовки его как обозначения символических обрядовых действий: арх., новосиб. *обряд* ‘обычай, привычки, приемы в деле; правила, установки’ (*Наших ловецких обрядов, поди, и не знает он*) [СРНГ, т. 22, с. 221], юж.-урал. *обряд* ‘обычай, право’ (*Итак, для сих-то самых причин воздумали мы назвать сего Пугачёва покойным государем Петром Федоровичем, дабы он нам возстановил все наши прежняя обряды* (Из заявления яицкого казака Т. Мясникова от 1773 г.); *Какой у вас хороший порядок или привычка, обряд*) [Малеча, т. 3, с. 36].

Слова с приставкой *по-* также служат преимущественно для обозначения «бытовых обычаев»: пск., твер. *поряд*, *поряда* и *порядица* ‘заведенный порядок, обычай’ [СРНГ, т. 30, с. 122], волог., арх., олон., мурман., пск., твер. *порядня* ‘обычай, обыкновение, устои’ (*Где город, тут и вера, где деревня, тут и порядня*) [СРНГ, т. 30, с. 123], свердл. *поредня* (фонет.? *порядня?*) ‘обычай’ (*Старая поредня лучше была, вечёрки часто были*) [ЭИС, вып. 3, с. 131], арх., мурман. *порядня* и *поредня* ‘обычай, уклад, традиции’ (*Где какая деревня, тут такая и поредня: везде всё по-разному*) [СРГК, т. 5, с. 87], волог. *поредня* ‘домашнее хозяйство, распоряжение и обычай’ [Диакторский, с. 391].

Примечательно, что и слово *обряд*, и лексема *порядня* выступают в русском языке в качестве обозначений ведения домашнего хозяйства

или хозяйственной утвари: *порядня* ‘дела, связанные с ведением домашнего хозяйства’ (*Жену учи...и домашнему обиходу, и всякою порядне умела бы сама и печи, и варити, и всякую домашнюю порядню умела* — XVII в. ~ XVI в.), ‘предметы домашнего обихода’, ‘снасть, оснащение’ [СРЯ XI–XVII вв., вып. 17, с. 147], новг., олон., волог., вят. *порядня* ‘работа по дому, ведение хозяйственных дел, домашнее хозяйство’ (*Где город, тут и вера, где деревня, тут и порядня*) [СРНГ, т. 30, с. 123], волог., яросл., перм., твер. *обряд* ‘работы по дому, по хозяйству (приготовление пищи, уход за скотом и т.д.)’, волог., пск., перм. *обряд* ‘предметы хозяйства, быта, домашняя обстановка’ [СРНГ, т. 22, с. 221] и др.

Нет в русском литературном языке структурно-семантических аналогов слову с приставкой *на-*: свердл. *наряд* ‘обычай’ (*Ране наряды соблюдались; В старину нарядов много было*) [ЭИС, вып. 3, с. 131].

Производящая основа «чин». К числу обозначений *обычая*, для которых релевантна идея ряда, порядка, следует отнести устар. *чин* ‘порядок совершения чего-либо; обряд’ [ССРЛЯ, т. 17, с. 1028], урал. *чин* ‘обычай, обряд’ (*Раньше говорили: родился чином и помер чином*) [Малеча, т. 4, с. 446]. По данным этимологического словаря, праслав. **činь* восходит к индоевропейской основе, которая производна от глагола со значением ‘лежать, покоиться; класть’. В свою очередь, глагол *чинить* восходит к праслав. **činiti*, производному от **činь*, и лишен соответствий в других индоевропейских языках, в славянских же имеет широкий спектр значений, часть которых сводима к древней семантике укладывания слоями [ЭССЯ, т. 4, с. 112–115]. Далее находим *чин* ‘порядок’, ‘подчинение’, ‘чиноположение, последование’, ‘правило, устав’, ‘определенное место’, ‘степень’, ‘должность’, ‘сан’, *чинно* ‘в порядке, стройно’, *чинити* ‘устраивать’ [Срезн., т. 3, с. 1517–1522]. В современном русском языке слово *чин* также имеет значения, которые связаны с рядностью, определением места в ряду, положением, классом, разрядом (*нижний чин, высокий чин, военные чины*).

Лексемам *чин, чинить* родственное слово *причина* [ТСРЯ/С, с. 744; Фасмер, т. III, с. 369], которое в русских говорах зафиксировано в качестве обозначения обычая: свердл. *причина* ‘обычай’ (*Это причина така была заведёна, что это было, чтобы так. Чтобы жили мирно, чтобы смех, чудо было... не было никакой тоски-печали*) [ЭИС, вып. 3, с. 131].

В древнерусском языке находим также приставочное образование, весьма близкое семантически анализируемому диалектному факту, несмотря на то что в дефиниции отсылка к обычаю отсутствует: *причина* ‘порядок, правила, по которым совершается что-либо’ (*И шахъ бы Аббасъ новыхъ причинъ всчинати не велель, а велель имъ [московским послам] бытии въ ответе у себя на дворе, а къ ближнимъ людемъ шаховымъ имъ не ежживать*) [СРЯ XI–XVII вв., вып. 20, с. 79].

В гнезде, к которому принадлежит слово *причина*, присутствуют лексические факты, выражающие семантику начала: *причина* ‘начало, почин’ (*От Ивашка причина была*) [Срезн., т. 2, с. 1494], *причинати* ‘начинать’ (*А сказываютъ: платье однорядки и кафтаны ... радные паны причинають делати и многие любятъ носити ныне съ московского обычая*) [СРЯ XI–XVII вв., вып. 20, с. 79], волог. *причинать*, *причинаться* ‘приступать к какому-либо действию, начинать’ [СВГ, вып. 8, с. 72]. Продуктивность в лексико-семантическом поле *обычай* бытийного мотива изначального, исконного существования уже была доказана ранее.

Производящая основа «процедура». Результатом трансформации книжного слова *процедура* является, вероятно, рус. (мордов.) *процезура* ‘обычай, порядок’ (*Замуш вышль ни спрасясь, пръцызура у нас такая*) [СРГМ, ч. 2, с. 1002].

Производящая основа «чередa». Сема исполнения действия согласно порядку зафиксирована и во внутренней форме помор. *цередá* ‘обычай, церемония’ (*Любо — не любо, а цереду проведсти надоть, не нами ведь это было заведено*) [Дуров, 2011, с. 433]. Ср. также: литер. *отводитъ черед* ‘делать что-либо не по желанию, а ради соблюдения обычая, правил’ (*Проводимши мужиков, я поужинал, то-ись, главу только сделал, что ужинал, черед, значит, отвел, а на самом-то деле ничего не ел — Железн. Уральцы*) [ССРЛЯ, т. 8, с. 1288].

Производящие основы «править», «заправлять», «управлять». Обозначения *обычая* во многих случаях содержат корневую морфему *-прав-*. Это могут быть бесприставочные образования или существительные с приставками *за-*, *о-*: волог., карел. *пáво* ‘обычай, традиция’ (*Право другое, у нас не так делают*) [СРГК, т. 5, с. 137], свердл. *пáвило* ‘обычай’ (*Не в правиле у нас так делать*) [ЭИС, вып. 3, с. 131], астрах. *запáв* ‘обычай, обряд, обыкновение’ [СРНГ, т. 10, с. 351], ворон., перм.

запра́ва ‘обычай, привычка’ (Уже здесь в этом селе издавна такая заправка: бабы ходят с кичками и в поневах) [СРНГ, т. 10, с. 351], тамб. запра́ва ‘обычай, порядок в быту’ (Привязли миня с чюжова сяла. Поставили на стол кроху. Ничаво. Ниужели у них тута такая заправка. Я ничаво ни знаю. А мне стыдна была. Ниужэли у них тах-та?) [СТГ, с. 81], дон. запра́ва ‘обычай’ (Тада такая была заправка) [БТСДК, с. 177], рус. (мордов.) запра́ва ‘обычай’ (Уш такая заправъ была в диревни — фсе́ сами дельли; Раньшиъ ф пичях парились, заправъ така была. У нас нет такой заправки — зьлатую свадьбу играть) [СРГМ, ч. 1, с. 281], волог. опра́ва ‘порядок, образ жизни’ (Я не хулю нонешну оправу. Не любо — не живите. Как уходят, так и надо, а то че терпеть. Один в одну сторону, другой в другую) [СРГК, т. 4, с. 222].

Реконструкция мотивировки для подобных языковых фактов должна проводиться на основе соотнесения с глаголами того же корня, имеющими близкие значения: разг. *справля́ть* ‘отмечать по установленному обычаю (какое-либо событие); устраивать’ (Поминки по отцу Борис справил княжеские; напоследок пировала у Бориса почти вся деревня — Сок.-Микит. На тепл. земле) [ССРЛЯ, т. 14, с. 581], диал. *отпра́вить* ‘отметить по обычаю, справить’ (оренб., урал.) (Для того-то они в будни и сберегают лишний рубль, чтоб отправить как следует, наряду с прочими, праздник) и ‘провести, совершить по обряду’ (оренб., урал.) (Помер мужик, отправили похороны; Сорочкины отправили честь честью) [СРНГ, т. 24, с. 278], онеж. *выпра́вливать* ‘отмечать по установленному обычаю какое-либо событие’ (Стану я години-именины вси выправливать, Вси выправливать за двенадцать лет) [СРНГ, т. 5, с. 332], север., свердл. *исправля́ть* (несов. *испра́вить*) ‘отмечать по обычаю какое-либо событие, праздновать, справлять’ (Я исправила честное похороньце; Нас приглашали свадьбу исправлять; День рождения я не исправляла никогда) [СРНГ, т. 12, с. 242]. Глаголы, как можно видеть, демонстрируют еще большее разнообразие префиксов. Показательно и наречие — вят., свердл. *по пра́вски* ‘по правилам; по обычаю’ (У их свадьба была по-правски, в церкви венчалась) [СРНГ, т. 29, с. 340].

Хотелось бы обратить внимание на семантическое различие между существительными, обозначающими обычай, и глаголами, обозначающими действия по исполнению обычая: иллюстративные контексты свидетельствуют о том, что существительные используются по отно-

шению к бытовым особенностям (организации хозяйственных работ и приема пищи, ношению одежды, мытью в печах, разводам и т.д.), а глаголы характеризуют исполнение обрядов — свадебных, похоронных и т.д.

Трактовка обычая как «того, что правят, справляют» возможна (поддерживается глаголами), однако отмеченное различие между однокоренными словами разных частей речи может свидетельствовать о том, что для существительных релевантна идея установления, ориентира, правила — «того, что является правильным» (в гнезде слов, к которому принадлежат слова *управлять, направление, правило, правильность*, эта идея — одна из центральных).

Производящая основа «обиходить». Семантическим аналогом *обряду, порядне, справе* как обозначениям работы по хозяйству является и диал. *обиход* ‘умение хорошо вести домашнее хозяйство, содержание дома в чистоте и порядке’ [СРНГ, т. 22, с. 68], поэтому ожидаемо и появление у него значения ‘обычай’: кубан., арх. *обиход* ‘традиция, обряд, церемония, обычай’ (*свадебный обиход; праздничный обиход; Я все их обиходы знаю*) [СРНГ, т. 22, с. 68]. Во внутренней форме слова обнаруживается «об-ход» (сложение именной формы префикса *оби-* и имени **ходь*) [ЭССЯ, т. 27, с. 94], а в смысловом отношении мотивировочный признак актуализирует сему ухода за кем-, чем-либо, ухаживания, обслуживания, исполнения принятого порядка.

Производящие основы «положить», «постановить», «установить». Среди дериватов слов, которые этимологически выражают семантику положения в пространстве, есть диалектные обозначения обычая. Это, во-первых, дериваты слова *положить*: смол., твер. *положэние* и *положэнье* ‘заведенный порядок, обычай’ (*У нас завсегда тако положэнье: уж ты, любезный, не рушь его*) [СРНГ, т. 29, с. 99], карел. *положэние* ‘обычай, порядок’ (*А теперь нет такого положэния, невесте косу-то не расплетают*) [СРГК, т. 5, с. 57], свердл. *полóженость* (ср. р.) ‘обычай’ (*Тако положеность было, что в баню поведёшь, дак виник надеват. И на вино-то ленты наварчивали красны, на стол поставят*) [ЭИС, вып. 3, с. 131]. Во-вторых, в качестве привлеченных производящих основ выступили слова *постановить, установить*: юж.-урал. *постанóвка* ‘обычай, заведение’ (*В празднишны дни постановка такая была: девка сидит на беседке, сиденки*

такеи) [Малеча, т. 3, с. 343], юж.-урал. *постановка* ‘обычай, общепринятый порядок’ [СРНГ, т. 30, с. 213], урал. *установка* ‘традиция, обычай, распоряжение’ (*Третьего декабря любого прошлого года до революции установка войскового порядка была такова — выезжали на багренье*) [Малеча, т. 4, с. 338].

Между первоначальной для соответствующих словообразовательных гнезд семантикой положения в пространстве и интересующим нас значением ‘обычай’ есть промежуточные ступени. Ближайшим семантическим источником для приведенных существительных со значением ‘обычай’ служат глаголы ЛСГ принятия решений, ср. разг. *положить* ‘назначить, установить, определить’ и ‘решить, постановить’ [ССРЛЯ, т. 10, с. 1049–1050], *постановлять* ‘принимать решение относительно чего-либо, устанавливать’ (*Оскорбление тяжелое, и общество офицеров постановляет поединок*) [ССРЛЯ, т. 10, с. 1535], *устанавливать* ‘осуществлять, налаживать, организовывать’ и ‘назначать, определять, утверждать’ [ССРЛЯ, т. 16, с. 961], волог., сарат., урал., том., астрах., смол., вят. *положить* ‘постановить, определить, распорядиться’ (*На чем старшие положили, на том и младшие порешили; Изгорода не разгораживается, пока мир того не положит*) [СРНГ, т. 29, с. 101], твер., камч. *постановлять* ‘назначать, определять, устанавливать’ (*Какое жалованье тебе постановлено?; Отдам за ту цену, которую вы постановили*) [СРНГ, т. 30, с. 214]. Действиям, обозначаемым этими глаголами, может быть свойственна бессубъектность или неопределенная субъектность, которая может передаваться синтаксическими средствами — безличными конструкциями *положено, постановлено*. Этот лексический материал позволяет заключить, что в обозначениях обычая реализовались нормативно-регулятивные мотивы (‘размещать в пространстве, определять место чего-либо’ → ‘управлять, решать, организовывать, определяя порядок чего-либо’ → ‘обычай’).

В русских обозначениях обычая реализуется также мотив ориентира, эталона.

Производящая основа «мода». Ранее мы уже отмечали, что слово *обычай* имеет среди прочих значение ‘мода, современная тенденция’, но и слово *мода* в русских народных говорах используется в качестве обозначений обычая как обряда либо бытового установления. В доступных нам словарях русских народных говоров у слова *мода*

только дважды значение 'обычай' выделено в самостоятельное: помор. *мода* 'обычай, современный порядок' (*Теперь уж мода не тая, что прежде была, кругом с песнями по улицам посада вечеру не ходят*) [Дуров, 2011, с. 226], свердл. *мода* 'обычай' (*Такая мода была заверована; На второй день мы к им [сватам] едем — хозяйство смотреть. Это уж обязательно, така мода была*) [ЭИС, вып. 3, с. 131]. Однако это значение, оставшись неназванным, может быть выявлено в контекстах, служащих иллюстрациями в словарных статьях, посвященных другим лексическим фактам: перм. *Была мода такая: у невесты есть какое приданое, свадебжане надевают и по деревне казать богатство* [СРГЮП, вып. 3, с. 76], перм. *Я выскочила, ей коблуком раз — хлысь, хлысь по башке её. Такая мода уж была — подругу невеста колотит* [СРГЮП, вып. 3, с. 311], перм. *В избе везде народ, угланы на полатах лежат, все смотрят на жениха с невестой, молодяжник-то — голов десять-двенадцать, мода была заведена такая, полные палаты, на печи, везде смотрели на жениха с невестой* [СРГЮП, вып. 1, с. 188], новг. *Прежде мода така была: парни садятся на колени к девкам и целуют каждую по кругу; это головешки собирать на посадке* [НОС, с. 173] и др.

Более подробно обо всем спектре значений слова *мода* в русском языке см. раздел третий. Прокомментируем лишь мотив, который обусловил появление значения 'обычай'.

Мы имеем дело с заимствованием, которое было усвоено народной речью. Хорошим подспорьем для появления значений 'популярная тенденция' и 'обычай' явилось представление о моде (в разных ее ипостасях) как эталоне, мериле, нашедшее выражение в значениях 'пример', 'мера' и 'образец выполнения чего-либо, модель': перм. *сверх моды на вершок* 'о чем-либо в большом количестве, в избытке' (*В те годы-то не было экого в магазинах. А в эти-то годы уж все появилось сверх моды на вершок*) [СРГЮП, вып. 2, с. 93], том. *снять моду с кого, с чего* 'взять пример с кого-либо, следовать какому-либо образцу' [СРНГ, т. 18, с. 195], арх. *на другую моду* 'иначе, по-другому' (*Дома-то двужирные, двуконечные строили, а нынъ всё на другую моду*) [СРГК, т. 3, с. 244] и мн. др. Носители народной культуры осознают, что обычай довлеет над человеком в условиях традиционного быта, подчиняет себе взаимодействия в общине, определяет организацию хозяйственных работ и обряда. Этим объясняется выбор мотива: сходство

между модой и обычаем состоит в том, что они выступают «образцами», на которые ориентируются люди.

Производящая основа «дорога». Среди пространственных образов символическими значениями наделен образ дороги, который проявился и в обозначении обычая: волог. *дорóга* ‘закон, правило, обычай’ (*Как дорога гласит, так и поступай*) [Дилакторский, с. 109]. В поиске семантического источника для появления этого диалектного лексического факта, помимо концептуализации дороги как судьбы человека (например, *дорога* ‘о жизненном пути; об образе действий, о поведении’ (*Лучшую дорогу избрал, кто правду всегда говорить принялся*) [СРЯ XVIII в., вып. 6, с. 218], урал. *дорога* ‘судьба’ (*У меня така дорога: смеются надо мной — урод я*) [СРНГ, т. 8, с. 132]), можно указать также на понимание дороги, пути как вектора, генерального направления, служащего ориентиром при организации жизни и деятельности людей в какой-либо области действительности — в политике, творчестве и т.д.: *дорога* ‘направление, путь следования’ (*Мы живем в такой век, когда все дороги ведут к коммунизму; Лихой был вояка [Кочубей], благородный человек, неграмотный был, а понимал, что его дорога с Лениным; С половины второго десятилетия XIX века совершенно кончилась эта однообразность в направлении творческой деятельности: литература разбежалась по разным дорогам*) [ССРЛЯ, т. 3, с. 1004]. Обычай, как и дорога, — это «то, что ведет, направляет, указывает, выступает ориентиром».

Производящая основа «стопа». Возможно, к образу дороги апеллирует и юж.-урал. *стопá* ‘обычай’ (*У нас вить у казаков все по-особенному, так и час придержививамся етих стопов*) [Малеча, т. 4, с. 186]. Ср. наличие в тех же говорах соответствующего обозначения летней дороги: юж.-урал. *стопá* ‘дорога, по которой ездят летом’ [СРНГ, т. 41, с. 231].

Однако мотив ориентира здесь может актуализироваться на базе соотнесения с другим значением слова — южн., юж.-урал. *стопá* ‘след, отпечаток ноги’ [СРНГ, т. 41, с. 231]. Показательна для слова *стопа* в значении ‘обычай’ сочетаемость с глаголом — *придерживаться стопов*. В других говорах находим употребления слова *стопа* с глаголами передвижения в пространстве в описаниях следования образцу и подчинения: ряз. *идти, ходить по чьей-либо стопé, стопám* ‘повиноваться, подчиняться кому-либо’ (*Он по нашей стопе-то не*

идет, дождик-то) и 'следовать чьему-либо примеру, поступать согласно какому-либо образцу' (*Молодые люди по нашей стопе не идут, они идут по своей стопе*) [СРНГ, т. 41, с. 231].

Производящая основа «постен». В плане актуализации в лексике обычая мотива отпечатка, следа интересный случай представляет собой сев.-двин. *постѣн* 'обычай, привычка' [СРНГ, т. 30, с. 225], в отношении которого мы можем лишь выдвигать предположения, поскольку источник не содержит иллюстративного контекста.

В русских народных говорах это слово и его варианты обозначают, помимо нечистой силы (домового, черта и проч.), также какой-либо отпечаток — тень от чего-либо или след на снегу: новг., пск., петерб. *постѣн*, яросл., новг., пск., твер., моск. *постѣнь*, пск. *пастѣн*, пск., новг., твер. *пáстень* и *пастѣнь* 'тень, падающая от кого-, чего-либо' (*Скоро и вечер, смотри постен какой; Ты идешь и постен иде; А у нас этта Васька увидел свою постень на стене, да как заревет — Ой боюсь!*) [СРНГ, т. 30, с. 225; СРНГ, т. 25, с. 262], твер., калин., калуж. 'отпечаток кого-, чего-либо на снегу' (*На постен нельзя глядить — на человека влияет*) [СРНГ, т. 30, с. 225]; ср. *постень* 'место под стеной' (*Азь бо есмь... аки трава блещена, растяще на постени, на нюже ни солнце сияет, ни дождь идет*) [СРЯ XI–XVII вв., вып. 17, с. 239].

Чрезвычайно важно, на наш взгляд, что среди иллюстративных контекстов много таких, в которых речь идет о наблюдениях над тенью или следом, служащих, как видно из объяснений говорящих, знаками, носителями информации.

Во-первых, по тени определяют время: ленингр. *Время раньше по постену глядели* [СРГК, т. 5, с. 97]; пск. *Хошь узнать время, гляди на свою пастень; По пáстени теперь будя коло полдня; В обед пастен маленький; Скоро солнце за лес: пастень большой* [СРНГ, т. 25, с. 263]; пск. *постен супротив* 'о времени, близком к полудню' (*— Как-то рано, братке? — Да уж постен супротив*) [СРНГ, т. 30, с. 225].

Во-вторых, в гаданиях по отпечатку тела человека на снегу или по его тени, появляющейся на стене от горения свечи, предсказывается судьба человека: ленингр. *На Рождество гадали, угарку жгли, перед стеной держали и на пóстень глядели*; волог. *Показывается отражение на пóстене, так смотрим, что получается* [СРГК, т. 5, с. 97]; твер. *В рождественский сочельник вечером девицы делают постен, т.е. ложатся спиной на снег, чтобы получился отпечаток фигуры на*

снегу. Наутро примечают, если постен ровный — муж будет добрый [СРНГ, т. 30, с. 225].

Тень и след выполняют функцию основания оценки, средства узнавания времени или судьбы человека. Думается, символический потенциал этих образов проливает свет на мотивы использования слова *постен* в качестве обозначения обычая, также служащего мерилom, ориентиром для представителя традиционной культуры.

Производящая основа «привилегия». Вероятно, в результате переосмысления книжного слова, попавшего в новую речевую среду, появились арх. *привилѣгия* ‘обычай, укоренившийся в быту порядок’ (*В других местах, наверно, иначе делали, иные были привилегии, по-иному водилось*) [СРГК, т. 5, с. 149], свердл. *привилѣгия* ‘обычай’ (*Ещё привилегий-то много было*) [ЭИС, вып. 3, с. 131]. Сема ‘главный, приоритетный’ дает к этому достаточные основания. Идея доминирования, приоритетности была преобразована в мотив ориентира, нормы, с которой сверяются способы организации быта и поведение людей.

Производящая основа «ум». Концептуализация ума как нормы (подробнее см. [Леонтьева, 2008, с. 241]), то есть мерила, ограничителя, служащего основой и инструментом оценки и коррекции поведения человека (ср. *наставить на ум, делать по уму*), позволяет отнести к числу регулятивных мотивов свердл. *ум* ‘обычай’ (*Ума-то в деревне много нарушили; Дурной ум принятой был... Обливали молодых* [в Чистый понедельник Великого поста]) [ЭИС, вып. 3, с. 131].

Производящая основа «люди». Поскольку субъектом социальной регуляции выступает собственно сообщество людей, обозначение обычая может быть производно от слова *люди*: пск., твер. *полюдье* ‘обычай, заведенный порядок’ (*Уж у них такое полюдье*) [СРНГ, т. 29, с. 186]. Ср.: ленингр. *людскі* ‘так, как следует; правильно’ (*Ни по-русски умеешь людски, ни по-венпски*) [СРГК, т. 3, с. 169].

Производящая основа «дед». Среди дериватов существительного *дѣдь* О. Н. Трубачев называет др-русск. *дѣдина, дѣдѣна* ‘дедовское владение, наследие; дедовский обычай, закон’ [Трубачев, 2008, т. 3, с. 98]. Название старшего родственника мотивирует обозначение обычая в силу того, что способно указать на обобщенный субъект закрепления обычая и посредством этого — на давность существования обычая. Этот факт находится в полном соответствии с другими лексическими и фразеологическими единицами, описывающими обычай и объекты

действительности, связанные с ним. Ср. использование мотивировочного признака «старый»: омск. *состáры* ‘издавна, исстари’ (*Эти обычаи состары взялись*) [СРНГ, т. 40, с. 60], новосиб. *старíнку поддёрживать* ‘сохранять обычаи, традиции старины’ [СРНГ, т. 41, с. 73], диал. (Удм. ССР) *старобытный* ‘придерживающийся старых обычаев (о человеке)’ [СРНГ, т. 41, с. 78], диал. [без указ. места] *староду́м* ‘любитель обычаев старины’ [СРНГ, т. 41, с. 80]. Носитель языка обращается также к мотивировочному признаку «до сих (пор)»: карел. *издоси́льного* ‘издавна’ (*Этот обычай у нас издосильного идет*) [СРНГ, т. 12, с. 131], сиб. *по досё́лке* ‘по старинному обычаю’ [ФСРС, с. 63] и др.

Таким образом, среди нормативно-регулятивных мотивов можно выделить три основные группы:

- мотивы расположения, порядка, организации, актуализировавшиеся через посредство производящих основ «ряд», «чин», «череда», «править, заправлять, оправлять», «процедура», «обиход», «положить», «постановить», «установить»;
- эталонно-ориентационные мотивы, реализовавшиеся при обращении носителя русского языка к производящим основам «мода», «дорога», «стопа», «постен», «ум», «привилегия» и др.;
- социально-регулятивные мотивы, обнаруживающиеся при использовании производящих основ «люди», «дед».

Этот комплекс мотивов, как нам кажется, является выразительной иллюстрацией к результатам социально-философских исследований, доказывающих регулируемую функцию обычая, его определяющее влияние на поведение человека как части социума, ср.: «Обычай вводит поведение молодого поколения в русло, проложенное старшими поколениями, через детальную регламентацию действий в конкретных ситуациях» [Суханов, 1976, с. 9].

Весьма показательно и запечатленное средствами языка представление о средствах социорегуляции. При отсутствии внешних или даже сформированных «внутри» общества, но обособленных органов управления средством регуляции поведения человека выступает собственно окружающий порядок, строй жизни («ряд», «порядок», «чин», «череда», «обиход»). Порядок приобретает инструментальную трактовку: он выполняет в жизненной практике функцию инструмента управляющего воздействия — социального эталона.

II.2.2. Ментально-психологические мотивы

В данном разделе представлены такие обозначения обычая, которые позволили реконструировать ментально-психологические мотивы «приучаться», «привыкать», «(по)вадиться», «верить». В частности, мотив данной группы реализован во внутренней форме ключевого слова анализируемого нами лексического ряда — существительного *обычай*.

Производящие основы «обвыкнуть», «привыкнуть», «свыкнуться». Слово *обычай* возводится к праслав. **obvyčajь*, трактуемому как суффиксальное образование от основы глагола **obvykt'i*, а он, в свою очередь, от слабо засвидетельствованного в свободном виде глагола **vykt'i*, соотносительного с глаголом **vyknŕti* [Фасмер, т. 3, с. 112; ЭССЯ, т. 31, с. 112–113, 117], ср. устар. и простореч. *обыкáть* 'привыкать' [ССРЛЯ, т. 8, с. 576], *обыкнутися* 'приучить себя к чему-либо, приобрести привычку, обыкновение (делать что-либо)'; 'освоиться, свыкнуться с чем-, кем-либо' [СРЯ XI–XVII вв., вып. 12, с. 212], *вы́кнуть* 'приобретать навыки, умение что-либо делать' [СРЯ XI–XVII вв., вып. 3, с. 212], *вы́кнуть* 'получать к чему-либо привычку' [СЦСРЯ, т. 1, с. 206] и др.

Если в русском литературном языке закрепились лишь такие слова этого ряда, как *обычай*, *привычка*, *обыкновение*, *свычай* (ср. также диал. свердл. *прывы́чка* 'обычай' (*Она снимат [=записывает] стару привычку; Ведь это с ума сойдёшь, Катя, вот какая была зараза, привычка какая* [о свадебных обычаях]) [ЭИС, вып. 3, с. 131]), то русские народные говоры дают значительно более разнообразную картину.

Ближе всего факты литературного языка, однако морфологически отличны от них такие лексемы, как астрах., арх., сиб. *обы́чая* 'обычай' (*Така обы́чая была — в пятницу да в субботу свадьба*) [СРНГ, т. 22, с. 289], дон. *обы́чая* 'обычай' (*Эта как вот раньше абы́чая была*) [БТСДК, с. 332]. Отметим также структурную близость иван. *обы́чка* 'принятый порядок, обычай' [СРНГ, т. 22, с. 290] русскому литературному *привычка*.

Приведем также не имеющие аналогов в литературной разновидности русского языка дериваты от *обычай*: диал. [без указ. места] *обы́чливый* 'со своим обычаем' [СРНГ, т. 22, с. 290], южн. *необы́чайный*

‘такой, который не в обычае, не принят, не водится где-либо, неприличный’ [СРНГ, т. 21, с. 100], урал. *заобычить* ‘войти в обычай’ (*Ни в законе нашем не узаконено, ни в обычае нашем не заобычено, чтобы женщина властвовала над мужчиной*) [Малеча, т. 2, с. 57], забайкал. *побычать* ‘поступать, как положено по обычаю’ (*Побычать будем али по-новому? Ежли побычать, то старики придут сами, по-новому, то их звать придется*) [СРНГ, т. 27, с. 213].

Очевидно, что современный носитель языка слабо осознает связь слова *обычай* со словами *привычка*, *привыкнуть*, но этимологически, как можно видеть, первичной была именно «психологическая» семантика индивидуального внутреннего изменения, действия: *обычай* — объект, явление, к которому человек привык, «приучился», а не обучился выполнению какого-либо действия.

Для современного сознания более актуальна, конечно, связь *обычая* и *обыкновения* с категориями, обозначаемыми в языке при помощи адъективных единиц *обыкновенный*, *обычный* ‘всегда свойственный кому-, чему-либо’, ‘заурядный, ничем не выделяющийся’ [ССРЛЯ, т. 8, с. 577–578]. Семы ‘всегда’ и ‘все’ (последняя имплицитно лежит в основе второго значения: «не выделяющийся среди всех, такой, как все») входят в семантическое ядро слова *обычай* и его синонимов, то есть соответствующее понятие включает признаки долговременности существования и / или всеохватности. Однако, время существования и распространенность явления — относительные категории, иначе говоря, *обычай* все-таки существовал не совсем всегда, и, безусловно, далеко не все его придерживаются, есть «нарушители», однако дело не в «проценте реального охвата» времени и людей каким-либо *обычаем*, а в представлении об этом носителей языка, в признании ими того, что социум характеризуется негласным единством (пусть не абсолютным) общего порядка дел, в уверенности людей в том, что какое-либо действие исполняется многими одинаково и долго («мне кажется, что все всегда так делают, и я привык к этому *обычаю*»). Именно поэтому в анализируемых названиях социального установления (*обычая*) подчеркиваются не объективные признаки долговременности его существования или всеобщности, а субъективный компонент значения — психологическая приверженность человека, его склонность к тому, чтобы воспроизводить те действия, события, которых придерживаются все, то есть *привычка*.

Литературному *обыкновение* соответствуют фиксируемые в диалектной речи варианты волог., курск, арх., калуж., урал., моск., ворон., тул., перм., свердл., иркут., перм. *обнаконовѣние, обнаковѣние* 'обыкновение, обычай' [СРНГ, т. 22, с. 141], дон. *обнокновѣние* 'обычай' (*Абнакнавения такая пад новый гот калотки халастым вязатъ*) [БТСДК, с. 329].

К праслав. **obvukъ / *obvuка* (производным от **obvukati, *obvukŋti* или *obvukt'i*) [ЭССЯ, т. 31, с. 117] восходят диал. [б/указ. м.] *обык* и *обы́к* 'привычка; навык, умение; обычай, обряд, обыкновенье, мода; нрав, норы, характер' (*На обыкъ есть перевыкъ*) [Даль, т. II, с. 658], диал. *обык* и *обы́к* 'обычай' (арханг., ряз., тул., влад., яросл.), 'навык, привычка' (арханг., пск., ряз., перм.) [СРНГ, т. 22, с. 287]. Ср. также ряз., влад. *обна́к* 'обыкновение, обычай, привычка' (*Всякая земля своим обнаком крепка; По обнаку*) [СРНГ, т. 22, с. 141].

Среди других приставочных образований с тем же корнем в варианте *-выч-(-вык-)* обнаруживаются лексемы с префиксами *с-* (с учетом особенностей произношения и, следовательно, графической фиксации — *з-* и *из-*) и *по-*: южн., зап.-брян., смол., влад., сарат. *свы́чай* 'обычай' (*Каков свычай, таков и обычай; Свычаи да обычаи промеж своих людей, а ум людской про весь мир*) [СРНГ, т. 36, с. 331], том. *свы́чы* и *обы́чы* 'принятые порядки, привычки' (*А тунгузы... те так и оставили свое наречье, свычы и обычы*) [СРНГ, т. 22, с. 289], южн., зап., брян., сев.-двин., пск., помор. *звы́чай* и *звыча́й* 'обычай, обыкновение; привычка' (*Супротив нашего звычая не пойдешь. От стариков у нас этот звычай пошел*) [СРНГ, т. 11, с. 224], юж.-урал. *извы́чай* 'обычай' (*Побывал царь Пётр Первый в иных землях, полюбились ему тамошние все манеры, извычаи и всякие заведения*) [Малеча, т. 2, с. 116], север. *пóвык, повы́ка* и *повы́чка* 'навык; обычай' [СРНГ, т. 27, с. 270, 282], север. *пóвыком* 'по обычаю' [СРНГ, т. 27, с. 270].

Производящие основы «(за)учить». В словарной статье, посвященной глаголу *вы́кнуть*, М. Фасмер указывает, что с этим гнездом этимологически соотносятся слова *обычай, учить, наука* [Фасмер, т. 1, с. 368]. В составленном нами ряду русских диалектных обозначений *обычая* присутствует дериват с приставкой *за-* и корнем *-уч-*: перм. *зау́чка* 'обычай, привычка' (*У меня и нынче зау́чка — капустны пироги стряпать*) [СПГ, т. 1, с. 315]. Производящая основа *заучить* здесь означает не освоение способа готовки пирогов, а частоту и привычность

приготовления этого блюда. Приведенный контекст включает обозначение индивидуальной привычки, а не социального установления, однако это не мешает предполагать возможность его употребления в качестве обозначения общей для нескольких или многих людей особенности быта. К тому же лексема в любом случае подтверждает связь между морфемами *-ук/уч-* и *-вык-*. Кроме того, обратим внимание на способность глагола, однокоренного слову *обычай*, выражать значение ‘приучать’: урал. *обы́чивать* ‘приучать, обучать чему-нибудь’ (*Обы́чивать надо его к порядку; Обы́чивай сына робить; Она обы́чивала собаку; Мы с отцом неграмотны, некому их обы́чивать*) [СРГСУ, т. 3, с. 34].

Производящие основы «(по/на/из)вадить(ся)». Показательно, что слова *повадиться*, *навадиться* предлагаются в словаре В. И. Даля в качестве синонимов слова *обы́кнуть*, включены в его дефиницию: *обы́кать, обы́кнуть* ‘при(на)выкать, взять привычку; на(по)вадиться, из(при)норовиться, приучиться к чему-либо’) [Даль, т. II, с. 658].

Существительные с корнем *-вад-* входят в ряд обозначений обычая: моск. *пова́да* ‘обычай, обыкновение’ (*Это безумная пова́да: како купанье в рубашке*) [СРНГ, т. 27, с. 213], уфим. *изва́дка* ‘обычай’ (*Изва́дка така у нас*) [СРНГ, т. 12, с. 99]. Думается, семантическим источником для значения ‘обычай, привычка’ здесь является значение ‘приучать / приучаться к чему-либо, приобретать привычку’, ср. диал. [б/указ. места] *ва́дить* ‘манить, привлекать, прикармливать, приваживать’ [Даль, т. I, с. 162], волог. *ва́диться* ‘готовиться к чему-либо, собираться, приучаться, навывать’ [Там же], курск., влад., волог. *ва́диться* ‘привыкать постоянно, часто делать что-либо, приучаться к чему-либо’ [СРНГ, т. 4, с. 12], диал. [б/указ. места] *вы́вадить, отва́дить (кого)* ‘отучить’ [Даль, т. I, с. 162] и др.

Производящие основы «верить». Словом *вера* в русских народных говорах может обозначаться не только отношение человека к Богу или признание возможным какого-либо положения вещей, но и «бытовые обычаи», то есть правила, установления, организующие повседневную жизнь человека: арх. *ве́ра* ‘обычай, привычка’ (*У нас эта ве́ра нету, штобу дома запира́ть*) [Зотов, 2010, с. 87], сиб., иркут., якут., тобол., свердл., перм., казан., костром., волог., беломор., смол. *ве́ра* ‘обычный, традиционный порядок’ (*У них такая ве́ра, чтоб непременно потчевать; — Отчего ты кланяешься, подавая воду? — У нас*

такая вера) [СРНГ, т. 4, с. 120], свердл. *вѣра* ‘обычай’ (*Кавалеры, бросьте веру / Летом шапочки носить, / Кавалеры, бросьте веру / По две милочки любить — частушка*) [ЭИС, вып. 3, с. 130], волог. *вѣра* ‘обычай’ (*Кабы вера такая была*) [Дилакторский, с. 77], яросл. *вѣра* ‘обычай’ [ЯОС, вып. 2, с. 54], мурман., волог. *вѣра* ‘обычай, традиция’ (*Во всяком городе своя вера, говорят разное, обычаи разные; Ране веры не было в избах оклеивать*) [СРГК, т. 1, с. 172].

Правила, связанные с организацией повседневного существования человека, усваиваются добровольно и некритично из жизненной практики, составляют его личный опыт, детерминированный «своим» социумом (человек привыкает к определенному распорядку жизни, повторяющимся событиям, принимает на веру их нужность и не имеет повода усомниться в том, что возможно иное). Семантическое ответвление ‘обычай’ вполне объяснимо среди других значений слова *вера*, то есть согласуется с семантическим ядром этого полисеманта.

Его дериваты с приставками *по-* и *за-* также служат обозначениями правила, установления, соблюдаемого в быту.

Префиксальное образование с формантом *по-* известно литературной разновидности языка: литер. *повѣрье* ‘предание, основанное на суеверии, убеждении в существовании мистических связей между явлениями’ (*Существующее в народе поверье, будто замеченный человеком гриб не вырастет, а завянет, по моим наблюдениям, совершенно несправедливо — С. Акс. Замеч. и наблюд. охотника; Поверье, что если раз не повезет, так не будет счастья до самого конца, оправдалось на мне самым блестящим образом — Мам.-Сиб. Горой*) [ССРЛЯ, т. 10, с. 86]. Однако иллюстративные контексты, подтверждая точность дефиниции, наглядно показывают, что объект веры здесь имеет мистический характер. Диалектные же лексемы не содержат в своей семантике отсылку к сверхъестественным явлениям и связям, и в этом их принципиальное отличие от лексемы литературного языка: казан., нижегор., калуж., тул., смол., урал., вост.-казах., омск., новосиб., том., краснояр. *повѣрье* ‘обычай, заведенный порядок в чем-либо, привычка’ [СРНГ, т. 27, с. 230], забайкал. *пáвер* и *повѣр* ‘уклад (жизни), обычай’ (*Кто по поверу живет, а кто по рассудку*) [СРНГ, т. 27, с. 226].

Другие префиксальные производные — с приставкой *за-* — фиксируются только в русских народных говорах: свердл. *завѣрье* ‘обыкновение, обычай’ (*Сейчас — где помолотили, там и ток. А раньше нет,*

этого заверья не было) [СРНГ, т. 9, с. 306], свердл. *заверье* ‘обычай’ (*У нас много заверьев разных; Вот ведь како дурно заверье было; Бабка заверья все знала*) [ЭИС, вып. 3, с. 130], ворон. *заповэрие* ‘обычай; что-либо обычное, принятое’ (*В старину было заповэрие: ходить в гости всей семьей*) [СРНГ, т. 10, с. 334].

В отношении появления значения ‘обычай’ у перечисленных слов показателен контекст *Кто по веру живет, а кто по рассудку* (см. выше) [СРНГ, т. 27, с. 226], в котором вера противопоставляется рассудку. Здесь особенно явственно различие между нерассудочным следованием принятым нормам жизни, которые усвоены опытным путем, в повседневной практике, и свободным, выстраиваемым «по своему разуму» поведением.

Анализ иллюстративных контекстов указывает на то, что речь не идет об обычае как составляющей исключительно религиозных норм (хотя отдельные контексты не исключают того, что в них подразумевается поведение человека в соответствии с религиозным, например, старообрядческим, канонем).

Слова с корнем *-вер-* не обозначают ни обряд, ни индивидуальную привычку человека, в отличие, например, от слова *обычай*: *У меня есть обычай пить чай поздним вечером* или *Обычай сватовства*. В нашем распоряжении нет подобных контекстов со словом *вера*. Однако приведем здесь контекст, в котором слово *вера* можно было бы толковать как обозначение привычки: яросл. *véра* ‘желание, охота, намерение’ (*У него веры нет, чтобы жене подсобить*) [ЯОС, вып. 2, с. 54] (*У него привычки / обычая нет помогать жене*). Между тем, в словаре, как мы видим, дается другое толкование, которое также приемлемо на фоне других фиксаций: арх., олон., север., сев.-двин., волог., костром. *véра* ‘желание, охота, намерение’ (*Ему не вера пойти, не вера встать с постели; У него есть вера к ученью; Мне вера есть жениться; У меня и веры не было по гостям ходить*) [СРНГ, т. 4, с. 119] и др. (В последнем контексте за отсутствием сведений о коммуникативной ситуации, в которой была произнесена фраза, тоже спорно толкование слова *вера*: есть вероятность, что информант подразумевал: «У меня и привычки не было по гостям ходить».)

Итак, в записях диалектной речи субъект веры обычно множественный, сводимый к собирательному образу — поколение, община, жители одной деревни или местности. Лексема *вера* соотносится

именно с «бытовым обычаем», то есть распорядком жизни, особенностями организации быта (традициями гощения, незапиранием домов, подготовкой места обмолота зерна, оклеиванием стен в избе) и т.д.

Во внутренней форме диал. *vera* 'обычай' и его дериватов с тем же значением запечатлен взгляд носителя языка на обычай как явление, детерминированное отношением к нему человека — доверием к привычному распорядку жизни, повседневному опыту вне его критического восприятия.

Подведем итоги сказанному.

Привлечение слов *привыкнуть* (*обыкнуть*), *приучиться*, *поводиться*, *верить* в качестве мотивирующих основ для обозначений обычая или для слов, которые затем дали импульс к соответствующей семантической деривации, говорит о том, что обычай трактуется средствами языка как феномен действительности, ставший привычным, принятый на веру, усвоенный («выученный») в силу практического опыта.

Называя эти мотивы *ментально-психологическими*, мы принимаем во внимание запечатленные во внутренней форме анализируемых слов представления об изменениях ментальности человека под воздействием психологических факторов. Формулирование мотивов данной группы при помощи глаголов кажется наиболее верным: человек *привык*, «*приучился*», *поводился*, *верит*. Именно такие внутренние изменения в человеке имеют решающее значение для освоения им общего для членов данного социума общественного порядка. Интериоризация «внешних» правил основывается на конструировании в сознании человека картины своего социума с его обычаями.

Обычай предстает прежде всего психологическим конструктом. Под обычаем чаще всего понимается какое-либо действие человека — гощение, использование или неиспользование какого-либо предмета быта, выполнение хозяйственных работ, исполнение календарных и иных обрядов и т.д., но сами по себе факты действительности вне психологии их восприятия, обусловившей повторяемость, некритичное воспроизведение действий, не становятся обычаями.

Именно через снижение уровня рефлексии, критического отношения к происходящему в психологии определяется привыкание, а языковые данные, в свою очередь, фиксируют осмысление социальных

установлений через привыкание и веру (*обычай, свичай, повада, заве- рье* и проч.). Вера традиционно толкуется как некритическое воспри- ятие действительности. Привычка определяется в Словаре психологи- ческих терминов как «автоматизированное действие, выполнение которого в определенных условиях стало потребностью» [БПС, с. 367] и трактуется как отменяющая интеллектуальные усилия человека, поиск им мотива к выполнению действий: «П. формируется в про- цессе неоднократного выполнения действия на той стадии его освое- ния, когда при его исполнении уже не возникает к.-л. трудностей воле- вого или познавательного характера» [Там же].

Таким образом, обычай, как показывает мотивационный анализ его обозначений в русском языке, осознается в первую очередь как «то, к чему привык человек, чему он верит». На первом месте здесь психологическая, поведенческая характеристика восприятия события человеком. Обозначения с внутренней формой «привыкнуть», «пова- диться», «верить» и под. содержат импликацию позиции субъекта- носителя традиции — того, кто наблюдает за обычаем и / или испол- няет его.

Ментально-психологические мотивы в лексике обычая обнажают механизм усвоения социальных норм и в этом смысле тесно связаны с мотивами предыдущей группы — нормативно-регулятивными.

II.2.3. Онтологические мотивы

Значительная часть вербальных репрезентаций обычая содержит отсылки к бытийным смыслам: «быть», «вестись / водиться», «заве- стись», «повестись», «начаться», «появиться», «передать» и др. Заметим, что синтаксические конструкции, включающие слово *обы- чай* или его синонимы, часто выражают значение наличия или отсут- ствия, а также утраты какого-либо обычая: *У них был такой обычай; Эта как вот раньше абычая была; Этот обычай бытует и в наше время; Этого уже обычая нет.* Далее мы представим обозначения *обычая*, производные от основ, которые можно определить как пере- дающие онтологические значения.

Производящие основы «быть», «быт». Обычай как «то, что бывает (существует)» и «часть быта» репрезентирован во внутренней форме ряда слов: арх. *быва* ‘обычай, обыкновение, обряд’ (*Така уж у*

нас от дедов быва) [СРНГ, т. 3, с. 335], диал. [без указ. места] в *быванье* ‘в обычае, в привычке’ (*Это у нас не в быванье*) [СРНГ, т. 3, с. 337], арх. *быт* ‘бытьё, житьё, род жизни, обычай и обыкновения’ [Даль, т. 1, с. 214], вост. *побыт* ‘род жизни, обычаи, нравы’ [Даль, т. III, с. 140], кубан. *обыток* ‘обычай’ [СРНГ, т. 22, с. 289], южн.-урал. *побытья* ‘обычай, традиция’ (*Там еще старая побытья*) [СРНГ, т. 27, с. 213].

В. И. Даль соотносит с *быва* ‘обычай’ слова других частей речи — диал. [б/указ. места] *быводной* ‘к быве относящийся’ [Даль, т. 1, с. 214], арх. *быводить* ‘держаться обычаев, обыка, обрядов’ [Там же]. В этих случаях можно предполагать связь с *водить* / *вести* (*обычай*).

Не вполне ясный, но, по-видимому, также связанный с глаголом *быть* словообразовательный гибрид представляет собой помор. *покабытьё* ‘традиция’ (*Какó у вас покабытьё-то? Нать, быват, своим покабытьём жить*) [Мосеев, 2005, с. 97].

Как уже было сказано, лексеме *быт* и другим языковым средствам объективации концепта БЫТ посвящено исследование А. В. Рудаковой. Проанализировав материалы словарей русского литературного языка, исторических, этимологических, диалектных словарей русского языка, а также имеющиеся публикации, в которых уделяется внимание этому слову, она делает ряд значимых выводов относительно истории развития его значений. Она выясняет, что «слово “быт” вошло в русский литературный язык из живой народной речи», однако по происхождению является книжным: «Особенность употребления лексемы “быт” — книжность по форме при устном просторечном использовании» [Рудакова, 2003, с. 48]. Так, по заключению Ф. И. Буслаева, «существительное *быть* есть не что иное, как причастие прошедшего времени страдательного залога от глагола *быть*»; первоначальным же А. В. Рудакова называет значение ‘имущество, средства к жизни, окружающая обстановка, обиход, хозяйство’ [Рудакова, 2003, с. 46].

Для нас особенно важны следующие детали истории развития значений этого существительного:

- 1) согласно сведениям, представленным в словаре XI–XVII вв., «в древнерусском языке лексема “быт” была представлена двумя лексическими единицами: “быть” и “быто”», из которых первая, помимо значения ‘имущество, пожитки’ (*А что мой живот дворной въ клѣтѣх и хлѣб в житницах и что хлѣб в земли сѣян, и лошади, и коровы, и всякоу домашной быт... Пречистой в домъ*

в *Кирилов монастырь. 1551 г.*), имеет также значение ‘обычай, обыкновение’ (*Велѣно меня иноземца дать на поруки до судного вершенья, и тотъ Елизарей... велѣль по мнѣ иноземцѣ ручаться, и я иноземець руского быты (вм. быта) не навиченъ и велѣль я иноземець по себѣ ручаться. 1656 г.*) [СРЯ XI–XVII вв., вып. 1, с. 366];

- 2) уже в словаре XVIII века у слова *быт* значение ‘пожитки, имущество’ фиксируется как редко употребляемое и появляется значение ‘повседневная жизнь, образ и условия жизни, ее общий уклад’ (и его оттенок ‘обыкновение, принятое где-либо’) наряду со значениями ‘домашнее хозяйство, дела’ и ‘бытие, существование’ [СРЯ XVIII в., вып. 2, с. 183];
- 3) после ряда семантических трансформаций в конце XIX в. — начале XX в. в ядре семантики лексемы *быт* «оказывается значение, которое является ядерным до сих пор: “образ жизни; уклад жизни, свойственный той или иной среде, той или иной социальной группе”; “нравы и обычаи повседневной жизни, характерные для того или иного класса, сословия, профессии”», в то время как другие значения слова исчезают либо перестают отмечаться словарями [Рудакова, 2003, с. 50];
- 4) «окончательная “терминологизация” слова приходится на 20–30-е годы XIX в. Именно в это время слово “быт” начинает употребляться преимущественно в смысле, близком слову “жизнь”, но с особым оттенком: “образ жизни, общий ее уклад”, и применяться для обозначения всей совокупности обычаев и нравов, присущих какой-либо социальной или национальной среде» [Рудакова, 2003, с. 49].

Таким образом, налицо закономерное движение от конкретной семантики (‘имущество’) к отвлеченной (‘уклад жизни’). Первоначальной при этом была, по-видимому, идея бытийности, наличия, существования (от глагола *быть*).

Для полноты картины приведем здесь свердл. *первобытныи* ‘соблюдающий старые обычаи’ (*В Мостовой люди все первобытныи; Свекровушка-то была строгая, первобытная; Вам это у первобытных людей надо спросить*) [ЭИС, вып. 3, с. 132], внутренняя форма которого также апеллирует к идее бытийности, к семантике давнего существования.

В ряде обозначений обычая воплощается мотив начала, давности установления. В его выражении участвуют производящие основы, которые представляют две тематические области — «Время» («завестись», «повестись», «начаться», «кон», «появиться») и «Пространство» («установить», «положить»).

Производящие основы «вестись, водиться», «завестись», «повестись». В русском литературном языке имеется выражение *водится что-либо* (отенок значения) ‘принято, является обычаем’ (*Знаешь, как-то напрашиваться в дом неловко, хотя здесь это и водится* — Лерм. Кн. Мери [ССРЛЯ, т. 2, с. 504]. Наряду с бесприставочным глаголом употребляется разг. *повестись* (в 3-м значении) ‘войти в обычай, стать привычным’ [ССРЛЯ, т. 10, с. 95], которое представляет собой начинательный глагол с префиксом *по-*. В диалектном материале находим аналогичные фиксации (арх., карел. *повестись* ‘быть принятым, иметь обычаи’ (*Так поведено было, просватаешься да помолиться, да плакать примешься; Как поведено жить, так и жили*) [СРГК, т. 4, с. 587]), а также многочисленные субстантивные дериваты с тем же формантом (с учетом вариативности корневой морфемы *-вед/-вод-*): твер. *поведёнка* ‘уклад, обычаи, распорядок (дня, жизни и т.п.)’ (*Это у них такая поведенка была: без самовара обедать не станут*) [СРНГ, т. 27, с. 224], карел. *поведёння* ‘обычай, традиция’ (*У вас-то такой поведённости нет*) [СРГК, т. 4, с. 581], арх., карел., волог. *поведёнье* ‘обычай, традиция’ (*Девятый день собирают, так тако поведёнье из города привезено*) [СРГК, т. 4, с. 581], перм. *поведёнье* ‘уклад, обычаи’ (*А у нас уж такое поведёнье повелось*) [СПГ, т. 2, с. 111], перм. *поведёнье* ‘уклад, обычаи’ и ‘соответствие нравственным нормам’ (*Коли девушка без поведения, то посуду не били, гулять не надо было*) [СПГ, т. 2, с. 111], арх. *поведёнье* ‘обычай, традиция’ (*У нас клюкву не собирают, поведёнья нет; Покойники были похоронены, так и крестов не было, такое поведёнье было*) [СРГК, т. 4, с. 581], рус. (мордов.) *поведёнье* ‘обычай’ (*Па нашъму п̄виденью так ни дельют; А у вас-ть в горьди таких п̄видений уш ни водиць*) [СРГМ, ч. 2, с. 832], смол. *повод* ‘заведенный порядок; обычай’ (*Ведется такей повод*) [СРНГ, т. 27, с. 248].

В русском литературном языке находим глагол того же корня с приставкой *за-*, соотносимый с обычаем: *заводить* ‘делать обычным, устанавливать’ (*Папа несколько раз пытался завести, чтобы мы сами убирали свои постели и вообще свои комнаты* — Верес. В юные годы),

заводить, завести порядок, обычай (ср. контекст с причастием: *По заведенному обычаю, приехали прямо с погоста поминать покойника* — Григор. Рыбаки) [ССРЛЯ, т. 4, с. 311], *заводиться* ‘делаться обычным, устанавливаться’ (*Нет, матушка, так, видно, завелось ноне на свете: дожил до старости, нет тебе ни в чем уваженья*) [ССРЛЯ, т. 4, с. 313]. К просторечию словарь относит языковые факты *заведение* и *завод* ‘обычай, обыкновение’ [ССРЛЯ, т. 4, с. 279, 309]. И вновь в русских народных говорах имеется продолжение в виде ряда субстантивных производных: карел. *заведение* ‘правило, обычай’ (*А тогда не красили пол, не было такого заведения*) [СРГК, т. 2, с. 93], свердл. *заведенье* ‘обычай’ (*А платочек в руки [покойнику] дают. Заведенье такое*) [ЭИС, вып. 3, с. 130], помор. *заведенье* ‘порядок, обычай; привычка’ (*У нас в Сумы прежде было тако заведенье, что все молодые и старые ходили в каждой вечер «кругом» с песнями*) [Дуров, 2011, с. 122], смол., урал. *заведёнка* ‘обычай, порядок’ (*Была такая заведёнка — венчались*) [СРНГ, т. 9, с. 301], калуж. *в заведю нет, не было*, пск. *в заведи не бывало* ‘не было, нет в обычае, заводе, в заведении’ (*В старину носили башмаки козловые с переплетом; ботинков и в заведю не было*) [СРНГ, т. 9, с. 301], твер., пск. *заведёнция* ‘обычай, порядок’ [Там же].

Единично в нашем материале образование с формантом *до-*: карел. *доведенье* ‘обычай, порядок’ (*Тако у нас доведенье*) [СРНГ, т. 8, с. 83].

В отношении семантики приведенных слов отметим сочетание смыслов бытийности и протяженности во времени. С одной стороны, через привлечение мотива «вестись» обычай трактуется как то, что существует, поскольку именно сема наличия является основной в первичных значениях глагола: литер. *водиться* ‘находиться, встречаться, плодиться, размножаться (о животных)’ (*Щука водится только в водах чистых...*) и ‘бывать, встречаться (о людях)’ (*Печорины водятся исключительно между молодыми людьми*), а в безличном обороте с отрицанием *не водится чего-либо* означает ‘отсутствует что-либо, нет чего-либо’ [ССРЛЯ, т. 2, с. 503–505]. С другой стороны, обычай осознается как явление, имеющее начало и длящееся во времени (*повелось и ведется, водится*).

Вероятно, сюда же следует отнести свердл. *завиданье* ‘обычай’ (*Старинно енто завиданье; В завиданьях не было, вино-то чтобы подносит*) [ЭИС, вып. 3, с. 130], волог. *завидки* и *завиданья* ‘обычаи (то, что заведено)’ (*А теперь в завиданьях нет, а раньше жили все дружно, вме-*

сте; В завидках-то не было, в завиданьях не было — нигде не увидишь) [КСГРС]. Предлагаемая информантом отсылка к слову *увидеть* может быть ложной, особенно если учесть несоответствие приставок (*увидеть* — *завиданье*) и невозможность производящей основы **завидеть*.

Производящая основа «начать(ся)». Для перм. *нача* ‘привычка, обычай’ (*Така у их в семье нача была — книжки читать. Кака-то была нача! Как Петрово говенье, так рыбачить тацит*) [СРНГ, т. 20, с. 277] этимологически первична семантика начала, истока. Слово *начать* восходит к **četi* [ЭССЯ, т. 21, с. 227], толкуемому как крайне редкая (зафиксированная в ст.-чеш.) простая форма глагола, лежащая в основе распространенных приставочных сложений **načeti*, **početi*, **vzčeti*, **začeti* с основным значением ‘начать, затеять’ [ЭССЯ, т. 4, с. 109]. Среди продолжений корня есть обозначения изначального установления, закона. Ср. литер. *начало* ‘основная причина, первоисточник чего-нибудь’, (устар.) ‘научный закон, правило’ (*Первое начало Ньютона*), (обычно множ.) ‘основные положения, принципы’ [ССРЛЯ, т. 7, с. 648–649].

Фонетическим сходством объясняется дальнейшее сближение слова *нача* со словом *нация*, поскольку говорящий, вероятно, осознает этническую специфику обычаев: арх. *начия* ‘обык, обычай, обряд, обыкновенье, заведенье’ [СРНГ, т. 20, с. 290], перм., арх., печор., ульян. *начия* ‘обычай’ (*Это преже была така нация: ежели зубы выходят, надо пояс округ себя носить; У них такая нация — невесту на сторону выдавать*) [СРНГ, т. 20, с. 276], свердл. *начия* ‘обычай’ (*А хороших-то девок по ночам не пушшали, вот така была нация; Ноне всё нации-то разные; Это такая нация была сряжаться; Это у тебя такая нация*) [ЭИС, вып. 3, с. 131], волог. *начия* ‘привычки, обычай’ (*Кто-то ходит на могилу, кто-то не ходит, у кого какая нация*) [КСГРС].

Производящие основы «покон», «закон». Для обозначений обычая с корнем *-кон-* также этимологически первично значение начала, края: простонар., обл., а также диал. моск., том., амур. *покон* и север. *пóкон* ‘обычай, обыкновение’ [СРНГ, т. 28, с. 393], моск. *покон* не тот пошел ‘изменились нравы людей’ [СРНГ, т. 28, с. 393], арх. *закон* ‘замечание, рекомендация, указание на ошибку’ (*Пайгошата соусем, а закону не слушают*) [СГРС, т. 4, с. 91], свердл. *закон* ‘обычай’ (*Все в ноги падали. Ну такой закон был дак; Ране-то скотины-то помногу; Закон был; Моёго-то отца дедушка. За столованье [=еда: обед, ужин]*

хлеб принесли — кроме его никто хлеб не нарежет. Вот какой был закон. Он встаёт, Богушку помолится, берёт за ножик, корвижки [=ржаной хлеб] ели, дак он ломоточкам режет, а потом пшеничного хлеба отрежет [каждому]. Кроме его никто за хлеб не возьмётся [ЭИС, вып. 3, с. 131]. Ср. ленингр. *закон перейти* ‘нарушить установленные правила’ (*Вот в одной семье что случилось: брат с сестрой закон перешли*) [СРГК, т. 4, с. 447].

Согласно Этимологическому словарю русского языка **konь* — именное производное с корневым гласным *-o-* от глагола **četi* [ЭССЯ, т. 10, с. 196] — в древнерусском языке означало ‘конец, предел’. В словарях русских народных говоров у слова *кон* и его производных фиксируется значение ‘начало’: куйбыш., киров., сарат., петерб. *кон* ‘начало’ [СРНГ, т. 14, с. 242], арх., волог., костром., влад., нижегор., вят., перм., свердл., ряз., калуж., ворон., сарат. *конец* ‘начало’ [СРНГ, т. 14, с. 252], прилуз. (коми) *конча* ‘начало, край’ (*Песню-ту никак с конча* [то есть с начала, с первых строчек] *вспомнить не могу; Вилегодская-та этто парочкима, в средину две девки схватятся или два парня и с конча* [то есть с края круга] *начинают в средину*) [Бунчук, 2014, с. 21–22].

Ср. мнение А. С. Львова. Вслед за В. Махеком и Э. Бернекером он утверждает, что слово *закон* происходит «от вышедшего из употребления глагола *zakonati* в смысле ‘устроить’, ‘установить’» (по Махеку), а приставка со значением начала действия позволяет трактовать его значение как ‘первоначальное, исходное решение’ (по Бернекеру), и приводит в пользу этой позиции факт наличия укр. *законити, законяти* ‘зародить’, ‘зарождасть’: «Таким образом, *законь* такого же типа образование как: *завѣтъ, закровъ, закладъ, залогъ* и т.п. В Пов. вр. л. *законь* в основном употребляется в значении ‘обычай’, ‘правило общезнания’ <...> По всей видимости, *законь* в значении ‘правопорядок’, встречающийся в основном в договорах, — церковнославянизм, передающий, как и в памятниках ст.-слав. письменности, греч. *νόμος, τό νομίχόν*» [Львов, 1975, с. 189].

Обычай, таким образом, толкуется как «то, что существовало давно, с самого начала, искони».

Производящая основа «появиться». Производность одного языкового факта — орл. *поява* ‘обычай’ [СРНГ, т. 31, с. 44] — от *появиться*, относящегося к глаголам начальной фазы бытия, существования [ТСРГ, 1999, с. 367] (ср. диал. (р. Урал), орл., сев.-двин. *появы, в появе нет / не*

было 'не появляется, нет кого-, чего-либо' [Там же]), также позволяет эксплицировать одну из разновидностей бытийных смыслов, сопряженную с временным контекстом.

Производящая основа «передать». Русским аналогом заимствования *традиция* является енис., забайкал. *преданье* 'обычай' (*У нас преданье такое, первый раз к невесте без подарка не идти*) [СРНГ, т. 31, с. 75]. Обычай представлен объектом, перемещаемым в пространстве, — так образно воплощается идея длительности существования обычая.

Производящая основа «ветер». Обычай характеризуется не только давностью существования, но и широтой распространения. Это его бытийные признаки, собственно основные параметры, по которым какое-либо явление действительности признается обычаем. Символика образа ветра как «разносчика» чего-либо (молвы, болезни и т.д.) обусловила использование его обозначения в качестве мотивирующей основы для смол. *повётрие* 'манера поведения, обычай' (*Это сейчас такое поветрие женщинам штаны носить*) [СРНГ, т. 27, с. 235]. Сема распространения, охвата «социального пространства» здесь опорная. Ср. функционирование в разговорной речи слова *поветрие* 'кратковременное поверхностное увлечение чем-либо, охватившее широкий круг людей' [ССРЛЯ, т. 10, с. 98].

Таким образом, обычай концептуализируется как «то, что существует (существовало)», «то, что давно появилось», «то, что имеет широкое распространение». Первый мотив подчеркивает эмпирическую основу обычая (обычай дается человеку в непосредственном восприятии, образует «среду обитания»), другие два мотива служат подтверждением авторитетности обычая (собственно феномен определяется изначальностью, давностью существования и широким распространением — в том субъективном смысле, который говорящий вкладывает в утверждение вроде *Все у нас так делают*).

II.2.4. Субъективно-оценочные мотивы

Восприятие обычая как причуды, странности, может показаться, противоречит сути обычая, поскольку рисует «необычный обычай». Это становится возможным в ситуации забвения основ крестьянского быта, дистанцирования от традиционного общества и перехода к

новому быту. В этих условиях особенности организации быта в прошлом, а тем более обрядовые действия начинают критически оцениваться с позиций изменившейся действительности, становятся непонятными, кажутся результатом странной выдумки, блажью, чудачеством, сумасбродством. При этом обычаи вне зависимости от полюса их оценки (уважительного или ироничного отношения к ним) осознаются как определяющие уникальность, своеобразие отдаленного прошлого какого-либо сообщества людей. Этим объясняется обращение носителя русского языка к производящим основам «нрав», «прихотовать», «привередничать», «притворяться», «загудать», «чудо».

Производящая основа «нрав». Поскольку слова *нрав*, *норов* связываются преимущественно с индивидуальными характеристиками человека или животного, можно предполагать, что употребление этих лексем применительно к социальным общностям объясняется восприятием таких сообществ как имеющих отличительные черты, «характеры». Идентифицирующий потенциал обычая, идея его уникальности выходит здесь на первый план: пск., твер. *пónоров* и *понорóв* 'обычай, нрав' [СРНГ, т. 29, с. 267], свердл. *понóров* 'обычай' (*Поноров-то прежде лучше был*) [ЭИС, вып. 3, с. 131], смол. *нóрот* 'обычай, привычка' (*Что город — то норот*) [СРНГ, т. 21, с. 284], свердл. *нóрок* 'обычай' (*Где какой город, там такой и норок* [поговорка]) [ЭИС, вып. 3, с. 131]. Ср. костром. *обонравый* 'относящийся к разным традиционно установленным правилам, привычкам, порядкам' (*Мудрено да мудренеконько Жить во чужих людях... Надо мне, младехоньке, Два ума, два и разума, Два обычая обонравые*) [СРНГ, т. 22, с. 170].

Обратим внимание, что в качестве обозначения *обычая* выступает обычно полногласная форма. На это указывает и А. С. Львов, который приводит свои наблюдения над различиями в использовании слов *нрав* и *норов* в тексте летописи и особенностями его представления в словаре И. Срезневского: «В значении 'обычай' употреблено всего один раз *норовы* <...> Это слово обычно употреблено в неполногласной форме в разных значениях: 1) 'привычка' <...>, 2) 'характер' <...>, 3) 'образ действия' <...>. И. Срезневский привел довольно много примеров в словарных статьях *норовъ* в основном на значение 'обычай', а *нравъ* в различных значениях. По-видимому, восточнославянское *норовъ* было в основном однозначным, а ст.-сл. *нравъ* полисемантическим» [Львов, 1975, с. 40–41].

Производящая основа «прихотеть / прихотовать». Среди диалектных слов, являющихся продолжениями глагола *хотеть*, присутствует обозначение обычая: волог., карел. *прихоть* ‘обычай, правило’ (*К жениху придет [невеста], так разны приговоры были, матица толстуха, говорит, чтоб меня в доме любили. Разных прихотей было, но не было так, что женился и разженился*) [СРГК, т. 5, с. 224].

Прихоть в первичном значении — желание, которое есть проявление нрава человека: *прихоть* ‘неразумное желание, прихоть’ (*Да онъ же, архимарить... велить про свою прихоть пиво варит безпрестани*) [СРЯ XI–XVII вв., вып. 20, с. 71], *прихоть* ‘капризное, вздорное желание, надуманная потребность, причуда’ (*Его болтовне, капризам и прихотям нет конца*) [ССРЛЯ, т. 11, с. 859]. В говорах оно может приобретать и другие смыслы, чаще всего из лексико-семантической области «Пища»: *прихоть* ‘аппетит’ (мурман., волог.), ‘лакомство’ (карел.), ‘дополнительные продукты’ (арх.) [СРГК, т. 5, с. 224] и др.

Глаголы этого этимолого-словообразовательного гнезда, имеющие приставку *при-*, вышли из употребления и отсутствуют в словарях современного русского языка, сохранившись только в русских народных говорах. Глаголы называют не только внезапно возникшее у человека желание съесть что-либо вкусное, но и любую причуду, задумку, намерение предпринять что-либо неожиданное: *прихотеть* ‘придумать’ (*Прихотит, чёго б ему поесь*) [НОС, с. 959], ленингр. *прихотовать* ‘хотеть любимой еды’ [СРГК, т. 5, с. 224], *прихотничать, прихотовать* ‘быть прихотником, понаравливать себе во всем, выдумывать, выгадывать всячину по нраву и причудам своим; затейничать, причудничать, привередничать или вздорно желать, разбирать и требовать лишнего, в угоду себе’ (*Больная стала оправляться, уж прихотует, заприхотовала медку; Дай боли волю, станет прихотничать*) [Даль, т. III, с. 471] и др. Ср. другое однокоренное суффиксальное отглагольное образование: *прихотование* ‘желание’ (*Инака прихотования створиша богоугодна*) [СРЯ XI–XVII вв., вып. 20, с. 71]. В приведенном контексте подразумевается «непищевое» намерение. Таким образом, возникновение у слова *прихоть* значения ‘обычай’ можно объяснить актуализацией мотива «затевать, придумывать».

Производящая основа «привередничать». Смыслы «затея, выдумка» лежат и в основе орл. *приверёдня* ‘обычай, традиция’ [СРНГ, т. 31, с. 132]. Неслучайно в приведенной ранее дефиниции слов *при-*

хотничать, прихотováть, составленной В. И. Далем, в качестве синонима предлагается глагол *привередничать*. В свою очередь одноколенные последнему глаголу лексемы толкуются через слово *прихоть*: разг. *привередливый* ‘слишком разборчивый, с прихотями, придирками, капризами’ и *привередничать* ‘проявлять привередливость, прихоти; капризничать’ [ССРЛЯ, т. 11, с. 362], арх. *прівередь* ‘прихоть, привередливость’ [СРНГ, т. 31, с. 132].

Лексические факты с корнем *-веред-* могут обозначать неординарное, своенравное поведение человека: южн., курск. *приверéдовать*, тул. *приверётничать* ‘привередничать’ [СРНГ, т. 31, с. 132–133], южн. *приверéди* ‘капризы’ [Пискунов, с. 210], симб., моск., влад. *приверéды* ‘причуды, капризы, привередливость’ (*Уж привереды ваши слушать не хочется*) [СРНГ, т. 31, с. 133] и др.

Производящая основа «притворять». Через призму мотивировочного признака «придумывать, затевать» следует трактовать также арх. *притвóрка* ‘примета; обычай’ (*У нас ведь много этой притворки есть*) [СРГК, т. 5, с. 212] (ср. также онеж. *притворённый* ‘связанный со старинными обычаями’ (*Куда уедешь-то, скажи девушкам слово како притворено*) [Там же]).

Лексические факты с корнем *-твор-* служат обозначениями вымысла, придумывания: *притворíти* ‘выдумать, измыслить’ (*Вину себе притворивь какову убо [любо], исхождаше ись церкви и шедь спаше; ...Яко есть нечто небытное и от нашего ума притворено*) [СРЯ XI–XVII вв., вып. 20, с. 51], сиб. *притворять* ‘делать что-либо необычное, из ряда вон выходящее’ (*Сусед всегда в шутках, чо-нибудь да притворит*), ‘придумывать; вымышлять’ (*Раньше-то, бывало, в кинах рассказывали про войну — да я-то так расплакалась. Теперь я поняла: ай, это притворяют они всё*) [СРГС, т. 4, с. 16], юж.-урал. *притворíть* ‘вытворить, натворить’ (*Всё-всё притворит, такой он у меня кизышний*) [Малеча, т. 3, с. 406], калуж., дон., юж.-урал., ново-сиб. *притворять* ‘придумывать, сочинять, делать что-либо, стараясь рассмешить, вытворять’ (*Все пела да плясала, людей притворяла, смешно*) [СРНГ, т. 32, с. 12], онеж. *притворять* ‘смешить, развлекать’ (*Все пела да плясала, людей притворяла, смешно*) [СРГК, т. 5, с. 212], дон. *притворíть* ‘насмешить’ [БТСДК, с. 426], мурман. *притвóрь* ‘несерьезное, шутовское поведение’ [СРГК, т. 5, с. 212], ворон., сарат. *притвóр* ‘притворство, уловка, каприз’ [СРНГ, т. 32, с. 11] и т.д.

И вновь обратим внимание на дефиниции. Так, в толкования диалектных слов с корнем *-твор-* включено слово *привередливый*: новг. *притворный* ‘привередливый’ (*Инкубаторские куры — оны притворные, нужно тепло, свет, а русские — они выносливые*) [СРГК, т. 5, с. 212], новг. *притворный* ‘привередливый’ (*Поросенок притворный, не всё ест*) [НОС, с. 956]. Очевидно, что перед нами гнезда слов, между которыми можно наблюдать семантические параллели.

Производящая основа «загудать». Общая для нескольких последних анализируемых слов идея выдумки, затеи находит воплощение и в свердл. *загуды* ‘обычай’ (*Все загуды делали эти вот; Так пословица говорится: все загуды изделали*) [ЭИС, вып. 3, с. 130]. В отличие от ранее рассмотренных случаев, смысл ‘шутка, затея’ появился у этого слова, вероятнее всего, на базе лексики, описывающей обрядовое поведение: моск. *загудка* ‘забавная выходка, проделка, шутка’ (*На Рождество приходили ряженые, входили в дом с какими-нибудь загудками, смешили; Она бабка веселая, загудок много знает*) [СРНГ, т. 10, с. 34], олон. *загудывать* ‘быть в веселом расположении духа, плясать и петь’ (*Эх, загудили сегодня робята! Загудывайте, молодцы*) [Там же, с. 35], костром. *загудать* ‘затевать, придумывать’ (*Что ты еще тамо-ка загудаешь?*) [Там же, с. 34] и др.

Итак, внутренняя форма диалектных слов *прихоть*, *привередня*, *притворка* и *загуды*, реализующая мотив «затея, причуда», представляет обычай явлением незаурядным, оригинальным, своеобразным — отчасти в силу непонятности и забвения в современных условиях.

Производящая основа «чудо». Неодобрительная оценка *обычая* выражается посредством привлечения производящей основы «чудо»: новосиб. *чудородие* ‘плохой, старый обычай’ [СРГС, т. 5, с. 305]. К описанию хозяйственного обычая отсылает и контекст к том. *чудовина* ‘чудо’ (*Это же чудовина — на конях молотили*) [Там же], несмотря на то, что дефиниция не содержит упоминания *обычая*. В некотором смысле дискриминирует обычай и именование части свадебного обычая шуткой: новосиб. *чудо* ‘шутка’ (*Жених выкупает, жених деньги платит, ну всё это, конечно, было чудо*) [СРГС, т. 5, с. 305].

Семантический спектр слова *чудо* и его дериватов в русских говорах примечателен тем, что в нем представлены смыслы ‘уходящий’ и ‘вызывающий удивление’: *чудо* ‘удивление’, *чуду быти* ‘быть предметом удивления’ [Срезн., т. 3, с. 1548], краснояр. *чудачный* ‘не такой, как

сейчас' (*Раньше одежда чудашина была*), алт. *чудесный* 'странный, чудной' (*А она чудесная у нас*), кемер. *чудь* 'нечто вызывающее удивление' [СРГС, т. 5, с. 304–305] и др.

Относительно структуры слова *чудородие*, представляющего собой композит, можно предложить интерпретацию «уродившийся чудным», которая подтверждается словом *чудород* 'чудодей, чудаки' [Даль, т. IV, с. 631].

Производящие основы «нрав», «прихотовать», «привередничать», «притворяться», «загудать», «чудо», реализующие субъективно-оценочные мотивы, свидетельствуют об осознании носителем языка своеобразия обычаев, их странности, которая становится заметной при сравнении с обычаями других времен или социальных сообществ.

Слова, представляющие анализируемую мотивационную модель 'причуда, чудо' → 'обычай', принадлежат преимущественно русским народным говорам. Модель реализуется за пределами литературного языка. Лексемы (*прихоть, чудородие* и под.) наделены оценочными коннотациями, однако иронический подтекст иногда вовсе отсутствует.

Таким образом, слова, служащие обозначениями понятия «обычай», имеют такие мотивировочные признаки, которые выбраны номинатором в соответствии со следующими направлениями осмысления обычая:

- восприятие обычая человеком: человек привык, приучился к нему, «повыдился», верит в него;
- объективные конститутивные свойства обычая: он существует; характеризуется исконностью и длительностью существования; имеет широкое распространение;
- функциональные свойства обычая: способность к поддержанию порядка, осуществление социальной регуляции; выполнение функции регулятора (эталона, ориентира);
- своеобразии, причудливости, идентифицирующий потенциал обычая.

Ономазиологический анализ анализируемого лексического фонда — обозначений обычая — показывает, что перекликаются не только мотивы в пределах одной группы (об этом свидетельствует наличие сквозных мотивов в каждом из представленных параграфов, поскольку

разные производящие основы способны актуализировать один и тот же мотив, ср. «люди» и «деды», или «прихотовать» и «привередничать», или «привыкнуть», «приучиться», «повадиться» и т.д.), но и мотивы разных групп. Так, например, выражающие нормативно-регулятивную семантику производящие основы «установить» и «положить» имплицитно содержат в себе отсылки к идее начала, воплощенной в производящих основах «завестись», «повестись», «появиться», «начаться», указывающих на такую характеристику обычая, как изначальность, длительность существования. Представления об исконности обычая обусловили также привлечение основы «дед», способной при отсылке к субъекту установления социальных норм одновременно подчеркивать исконность и древность обычая. Для народной культуры чрезвычайно важно подкрепление социальных норм авторитетом предков — эта особенность не свойственна современной городской культуре.

III. ЗНАЧЕНИЕ ‘ОБЫЧАЙ’ В СМЫСЛОВОЙ ПАРАДИГМЕ СЛОВ *МОДА* И *ВЕРА*

Каждое слово, выступающее в роли обозначения обычая, заслуживает отдельного внимания и обстоятельного описания. При этом научный комментарий многозначного слова, как правило, затрагивает вопросы функционирования анализируемого слова в разных семантических областях. Такие описания были бы чрезвычайно любопытны как самостоятельные лексикографические портреты, содержащие комплексное обоснование семантических трансформаций слова.

В данном разделе вниманию читателя предлагаются два этюда, каждый из которых обладает относительной самостоятельностью и обособленностью на фоне всего предшествующего содержания книги. Для анализа были выбраны слова *мода* и *вера*, поскольку оба языковых факта имеют в русских народных говорах значение ‘обычай’, не свойственное им в русском литературном языке. Кроме того, эти слова составляют оппозицию по реализации в их семантико-мотивационных структурах такого смысла, как «интериоризованность»: в случае с модой подразумевается внешний фактор, в то время как вера — феномен «внутренний», обусловленный менталитетом.

Анализ употребления слова в одном из его значений (или смысловых оттенков) малоинформативен, и если рассматривать его изолированно от значений, развившихся у него в разных языковых идиомах, то приходится ограничиться констатацией факта наличия у слова определенного значения, в то время как понимание его места в ряду прочих значений и логики его появления позволяет составить более полную картину и служит прочным фундаментом для составления корректных его лексикографических описаний.

III.1. Семантическое своеобразие слова *мода*

Тему моды не обходят вниманием ученые разных научных направлений, ср. об этом: «Следует подчеркнуть междисциплинарный характер моды и отметить необходимость привлечения самых разных

наук — от этнографии и истории культуры до экономической науки и психологии» [Марьясова, 2011, с. 27]. Содержание этого высказывания не позволяет с уверенностью говорить о том, какое именно значение слова *мода* подразумевал автор. Цитата применима как к феномену предпочтений в одежде, так и к разнообразным иным тенденциям, временно имеющим место в каком-либо обществе.

В научной литературе нередко ведется речь о «широком» и «узком» понимании» моды, о соотношении видовых и родовых понятий, обозначающих соответствующим словом.

Например, Н. В. Марьясова, комментируя данные из Большой советской энциклопедии, называет одно из представленных там значений «узким», считая другое, по-видимому, «широким»: «В БСЭ “мода” толкуется как “непродолжительное господство определённого вкуса в какой-либо сфере жизни или культуры”, а в более узком смысле — как смена “форм и образцов одежды, которая происходит в течение сравнительно коротких промежутков времени”» [Марьясова, 2011, с. 29].

Т. В. Вдовина, определяя предмет своего исследования, говорит о «моде в самом широком смысле этого слова», трактуя ее как «совокупность определенных тенденций, норм и объектов, актуальных в определенном периоде времени в данном обществе» [Вдовина, 2011, с. 92]. Она подчеркивает: «Мода в таком понимании распространяется не только на предметы одежды и другие элементы внешнего вида человека, т.е. на то, что можно обозначить английским словом “look”. В рамках такого подхода мода касается любых продуктов социокультурной среды: язык, определенные социальные типы, предметы потребления, направления в искусстве и т.д.» [Там же]. Нельзя не согласиться, что в качестве частных «разновидностей» моды можно рассматривать разнообразные предпочтения людей, составляющих большой или малый социум.

Мода «в широком понимании», как правило, вызывает большой интерес у представителей таких научных направлений, как социология, философия, психология. Иногда и авторы лингвистических работ не устанавливают значение слова *мода*, если они ставят перед собой задачу выявить основные черты концепта МОДА на основе анализа сочетаемости слова, ср.: [Шацкая, 2014]. Сочетаемость слова и словарные данные служат описанию представлений о «моде в целом»,

экспликации понятийных признаков [Чурсина, 2008]. Однако чаще объектом внимания филологов становится мода в каком-либо из «узких» смыслов, то есть анализируются либо лексические репрезентанты индустрии моды [Бочарникова, 2012; Попова, 2007; Хунагова, 2013а и мн. др.], либо слова *мода* в значении ‘привычка’ в составе оборота *взять моду* [Белица и др., 2009, с. 65], либо употребление слова *мода* в значении ‘обычай’ в диалектном дискурсе [Грицкевич и др., 2011], либо явление речевой, или языковой, моды, в связи с которым проводится выявление и комментирование современных «модных слов» — лексики гламура, заимствований, слов-символов, функционирующих в политическом дискурсе, и подобных явлений [Велим, 2013; Девкин, 2001; Журавлева, 2012; Костомаров, 1999; Мустайоки и др., 2006; Николаев, 2011; Новиков, 2011; Огневая, 2008; Сатарова, 2010 и др.].

Отметим преимущественное внимание ученых к описанию характеристик явления моды, в то время как собственно семантика слова *мода* в разных дискурсах остается неопианной. Исследователи опираются на наблюдения за действительностью, а не за функционированием слова в речи. Думается, важно принимать во внимание то и другое. В данном разделе будет представлен анализ семантики слова *мода* в русском языке.

Значения слова *мода* в словарях и корпусах русского языка

Чтобы составить представление о семантике слова *мода* в русском языке, обратимся к словарному материалу, а также к текстовым образцам употребления этого слова, зафиксированным в архивных записях диалектной речи и в лексическом Национальном корпусе русского языка.

Согласно таким источникам, как словари М. Фасмера [Фасмер, т. II, с. 636], П. Я. Черных [Черных, т. 1, с. 537], А. Преображенского [Преображенский, т. 1, с. 544], слово усвоено из фр. *mode* либо нем. *Mode*, далее восходит к лат. *modus* ‘мера (предмета); правило, предписание; образ, способ’; фиксируется с XVII века, в словарях отмечается с 1731 года; имеет соответствия в других славянских языках — украинском, белорусском, болгарском, сербохорватском, польском, чешском и др.

Проследим эволюцию значений этого слова по данным толковых словарей русского языка. При осмыслении таких материалов нужно учитывать возможные погрешности в формулировке значений или в

выборе примеров словоупотреблений, поэтому следует опираться прежде всего на имеющиеся иллюстративные контексты. Кроме того, словари предлагают разные варианты порядка представления значений, поэтому для систематизации данных целесообразно опираться на функциональные характеристики слова в его разных значениях в современном русском языке. Далее вначале будут указаны устаревшие значения слова, причем одно из них вовсе не включается в словари современного русского языка, другое — присутствует с пометой «устар.», затем приводятся значения, актуальные для литературной разновидности современного русского языка, в последнюю очередь будут представлены просторечные и диалектные фиксации со значениями, не свойственными этому слову в литературном языке.

К числу устаревших на сегодняшний день можно отнести такие значения слова *мода*, как ‘образец изготовления чего-либо, способ устройства, модель’ и ‘предмет одежды, наряд’. При этом они сохранились в русских народных говорах.

Значение **‘образец выполнения, изготовления чего-либо, способ устройства, модель’** в словарях современного русского литературного языка отсутствует; зафиксировано только в текстах XVII–XVIII вв.: *мода* ‘способ устройства, тип, модель’ (*А что стволы на колесах, и то самая старая мода и нигде не употребляется болиши* (1699 г.); *Гранаты метать из устроенных к тому новой моды ручных мартиров* (1704 г.); *Тут же есть ... плоская медная старинная, особой моды, пушка* (1712 г.)) [СРЯ XI–XVII вв., вып. 9, с. 232], ‘образец, манер’ (*Все крепости на одну моду*) [Преображенский, т. 1, с. 544], ‘форма, образец, манера’ (*А те барки покрыты полотнами и сделаны особою модою; Полагает он болверки по вышереченной моде; Заложен корабль французской моды*) [СРЯ XVIII в., вып. 12, с. 240]. Сюда же диал. яросл. *Окна нонешной моды, нынче деланы* [ЯОС, вып. 6, с. 151], арх. *на другую моду ‘иначе, по-другому’ (Дома-то двужирные, двуконечные строили, а нын всё на другую моду)* [СРГК, т. 3, с. 244].

Любопытно в плане «чистоты» проявления идеи образцовости, эталонности значение ‘пример’: амур. *проявить моду* ‘показать пример’ (*Это уж какой-то проявил моду по-другому икры засолку делать*) [ФСРГС, с. 157], том. *снять моду с кого, с чего* ‘взять пример с кого-либо, следовать какому-либо образцу’ [СРНГ, т. 18, с. 195]. Понимание литературной речи как образцовой (и тем самым противополо-

ставленной «неправильной» диалектной речи) запечатлено в выражениях *говорить по моде / не по моде*: ленингр. *с моды говорить* ‘говорить правильным литературным языком’ [СРГК, т. 3, с. 244], волог., карел. *Я, ведь, не вычетыреваю слова, не по моде говорю, а как есть, не думаю долго* [СРГК, т. 3, с. 179] и др.

Значение **‘предмет туалета, нарядная одежда, наряд’**, которое было свойственно слову *мода* в XVIII веке, маркируется в словарях современного языка как устаревшее: *моды* (множ.) ‘|| предметы туалета модного покроя; модные фасоны’ (*Моды мужского и женского платья ... при гулянье ... увидятся; Господин и Госпожа Промоталовы навезли сюда много мод; Я заеду на час к моей торговке модами*) [СРЯ XVIII в., вып. 12, с. 240]; (множ., устар.) ‘сама модная одежда, наряды’ (*Дворянское [приданое] известно какое: одни только моды, а денег много не спрашивайте; А брату вашему на что деньги? Жене на моды?*) [ССРЛЯ, т. 6, с. 1129–1130]. Заметим, что здесь во многих словоупотреблениях отсутствует акцент на «модности», подразумевается нарядная одежда, безотносительно к какому-либо стилю, модным тенденциям. Примечательно, что в большинстве случаев в контекстах говорится о покупных нарядах. В русских народных говорах *модой* называются головные уборы, сарафаны, платья, при этом слово получает сочетаемость, свойственную обозначениям предметов одежды — *надевать моду, повязывать моду, ходить в моде* и др.: олон. *мода* ‘кокошник; женский головной убор’ (*Посмой, барин, у праздника, какую моду девки на голову наденут*), ‘головной девичий платок, повязанный по-городскому (вокруг головы концами спереди)’ (*Повязать моду*); нижегор. (ирон.) *Мода Павловна* ‘женский головной убор: косынка на картоне’; арх. *мода* ‘сарафан’ (*Раньше все в таких модах ходили, в долгих сарафанах*), рус. (бурят.) *мода* ‘модное платье’ (*Мод мы никаких не носили*) [СРНГ, т. 18, с. 195]; яросл. *мода* ‘женский головной убор’ (*Мода фаевая, черна, на кардонке [на картоне], в складку, вроде шляпы, из-под моды — пукли [букли]*) [ЯОС, т. 6, с. 49], прионеж. *мода* ‘шелковая или атласная косынка, повязываемая молодой женщиной поверх повойника’ (*Потом свекровь моду молодой завяже*) [СРГК, т. 3, с. 244].

Далее перейдем к значениям, актуальным в современном русском литературном языке. Как бы то ни было, наиболее частотно сегодня (более 70% контекстов, представленных в Национальном корпусе русского языка) употребление слова *мода* по отношению к сфере индус-

стрии моды — моделей одежды, обуви, причесок, аксессуаров, то есть всего, что составляет внешний вид человека, а также к эстетике оформления интерьера помещений, архитектурных сооружений и т.д. В этой семантической зоне находится еще два значения, помимо названного выше.

Значение **‘модный фасон одежды, демонстрационный образец модного платья’**, в отличие от значения ‘предмет одежды’, имеет в качестве базовой сему образца: *моды* (множ.) ‘образцы предметов одежды, отвечающие последней моде’ (*Ателье мод; На окнах расставлены картинки парижских мод; Она переворошила все журналы мод*) [ССРЛЯ, т. 6, с. 1129–1130]; (обычно множ.) ‘образцы предметов одежды, отвечающие таким вкусам [господствующим в определенной социальной среде в определенное время]’ (*показ мод; дом моды; законодатель мод*) [Крысин, 1998, с. 447]; диал. дон. *Вот визала щулки, кохты, юпки и выгадывала моды из галавы* [БТСДК, с. 93], юж.-урал. *Не осталось у меня картинок, показала б я тебе моду на платье* [Малеча, ч. 2, с. 171] и др.

Значение **‘оформительский стиль, временные предпочтения в крое и ношении одежды, оформлении причесок, изготовлении аксессуаров или в убранстве помещений’** актуализируется в подавляющем большинстве словоупотреблений: *мода* ‘мода, определенный стиль в отношении одежды, убранства помещений и т.п.’ (*А внутри тех палат сделано вельми хорошо, все штукатурно и письмами итальянской моды* (1706 г.); *А четвертой ему подавал одежду краснотемную, которая по тогдашней моде ометана была червленицею* (1710 г.)) [СРЯ XI–XVII вв., вып. 9, с. 232]; *мода* ‘постоянно изменяющаяся манера одеваться, вести себя, выбирать занятия и т.п.’ (*Мода слово французское, значит обычай в ношении платья, в употреблении всяких уборов и в самых наших поступках; Я и сама, как ты ведаешь, во всем первая моде следую; Вообще род шитья, как и все прочия украшения зависят от моды; Это платье, говорю вам, худо сделано, ... не по моде оно*) [СРЯ XVIII в., вып. 12, с. 240]; ‘непродолжительное господство тех или иных вкусов общества в отношении одежды, предметов быта и пр.’ (*Жена требовала, чтоб мы непременно шли в уровень с модою; Дочки их не отставали от моды и были подвиты и напудрены через меру; Вот, мой Онегин на свободе, Острижен по последней моде*) [ССРЛЯ, т. 6, с. 1128–1129]; (множ. нет) ‘совокупность

привычек и вкусов, господствующих в определенной социальной среде в определенное время' (*мода отпустить бороду*) [Крысин, 1998, с. 447]; *Помимо знаний, нужен ещё и талант, чтобы тактично и красиво сочетать народный стиль с современной модой* (журнал «Народное творчество», 2004) [НКРЯ] и др.

Без сомнения, слово в этом значении входит в фонд общенародной лексики, используется, например, и носителем диалекта, ср. диал. ленингр. *Сейчас переименовалась мода: девки стригутся, а парни волосы отращивают*) [СРГК, т. 4, с. 446], курск. *А тогда была мода — белая кофта и черная была юбка под резинку* (из записей С. П. Праведникова в с. Мазеповка Курской области, 2000) [НКРЯ]; дон. *Виски валнавитыя* [волнистые] *мода была кучьяривить* [БТСДК, с. 84], смол. *Раньшы брынды в моды были* [ССГ, вып. 1, с. 268] и мн. др.

Обозначение тенденций в создании и ношении туалетов и аксессуаров по сути является частной реализацией более широкого значения слова *мода*, которое мы представим далее.

Значение **‘временная тенденция в организации жизни, поведении людей, идеологии, речи, использовании предметов быта’** включено в большинство словарей, и почти всегда с акцентом на признаке ‘кратковременный, преходящий’: *мода* ‘постоянно изменяющаяся манера одеваться, вести себя, выбирать занятия и т.п.’ (*Калачи поджаренные ... из моды выжили; По моде он <щеголь> вести всегда себя старался По моде убирался*) [СРЯ XVIII в., вып. 12, с. 240]; ‘временный, преходящий обычай, общее употребление’ (*Теперь это в моде*) [СЦСРЯ, т. 2, с. 316]; ‘условный, временный и скоро проходящий обычай; господство в данное время каких-нибудь вкусов, направлений и т.п., отражающийся в любой отрасли народной жизни’ [Смирнов, 1908, с. 481]; ‘ходящий обычай; временная, изменчивая прихоть в житейском быту, в обществе, в покрое одежды и в нарядах; обык’ [Даль, т. II, с. 344]; ‘непродолжительное господство тех или иных вкусов общества в отношении одежды, предметов быта и пр.’ (*Эта игра только что вошла в моду; Какой танец ныне в моде?*) [ССРЛЯ, т. 6, с. 1128–1129] и др.

Словари, фиксируя данное значение слова, как правило, снабжают его минимумом примеров, часть которых к тому же касается исключительно сферы эстетики, особенно искусства одеваться, однако Национальный корпус русского языка восполняет этот лексикографи-

ческий пробел, предлагая множество контекстов иного рода: *На Западе в моде консультации психотерапевта* (журнал «100% Здоровья», 2003), *Мода на героин прошла* («Еженедельный журнал», 2003), *В начале девяностых спортивный образ жизни вошёл в моду* («Бизнес-журнал», 2003), *Создание новых компаний практически стало модой* («Еженедельный журнал», 2003), *Среди руководителей больших компаний одно время в моде было объявить о грандиозных планах в области электронного бизнеса — такой проект символизировал их открытость и современность* (журнал «Эксперт-Интернет», 2001), *Просто патриотизм нынче в моде* (журнал «Коммерсантъ-Власть», 2000), *Сегодня театрализованное действие снова вошло в моду в цирковых программах* (И. Э. Кио «Иллюзии без иллюзий», 1999); *Все эти книжонки, монастыри, путешествия по «святым местам» на собственных «Волгах» сделали модой и оттого пошлостью* (Ю. Трифонов «Предварительные итоги», 1970); *В простой, тихой, жизни, которую в моде называть пошлой и бесцветной жизнью, вижу я не одну пошлость и не одну бесцветность* (А. В. Дружинин «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов», 1855); *Отсюда мода на такие уменьшительные словечки, как «няшечка», «печалька», «улыбашка»* («Мимими. Исследуем живую речь», 2011); *С лёгкой руки Эдисона всевозможные тесты вошли в моду* (Ю. Фролов «Эдисон как изобретатель ЕГЭ» // Наука и жизнь, 2009) и др. [НКРЯ].

Очевидно, что в настоящее время это значение слова обладает большой актуальностью. В свете того, что объекты референции весьма разнообразны, отметим, что речь идет обычно о временных явлениях, практически всегда говорящий обращает внимание на этап зарождения новых вкусов или на этап исчезновения популярности какого-либо феномена действительности, потери им статуса «модности».

В русских народных говорах данное значение слова *мода* тоже представлено немалым числом контекстов, в которых на первом плане оказались наблюдения информантов над использованием в быту каких-либо предметов, технических устройств, приспособлений для хозяйственных работ, материалов для строительства, готовки блюд и под.: юж.-урал. *Одно время мода на свиней была, много держали* [Малеча, ч. 4, с. 387], *А нынче ишь ведь холодильник, а раньше где их не было, этой моды-то не было, вот* (из записей А. К. Петровой в Архангельской области, 1996) [НКРЯ], волгогр. *А патом стала мода*

доски снизу патшывать [СДГВО, вып. 3, с. 258], онеж. *не в моду* ‘не принято’ (*В два этажа теперь не в моду строить*) [СРГК, т. 3, с. 244].

Диалектный материал описывает, как правило, не следование образцам, а употребление предмета в быту, его наличие или отсутствие: кемер. *моды не было* ‘совсем не было, не водилось чего-либо’ (*Сахару моды не было, меду брали; Этих печек-то моды не было*) [ФСРГС, с. 19], кемер. *отойти от моды* ‘устареть, выйти из употребления’ (*Да плуг это. Валяется тут, отошел от моды; Лисaped теперь отошел от моды: все на мотоциклах ездют*) [ФСРГС, с. 129], перм. *выйти с моды* ‘выйти из употребления’ (*Таких сетей здесь нет, потому что это с моды вышло*) [СРГСПК, вып. 1, с. 317], кемер., орел., новосиб. *быть в моде* ‘употребляться, иметь применение’ (*Сейчас булочки не едим, а тогда тошнотики были в моде; Тогда в войну-то все ели, это счас не едят, а тогда в моде была и олифа, и крапива*) [ФСРГС, с. 20], перм. *быть в моде* ‘быть принятым, обычным’ (*А раньше корзинки были, старики-те плели. А щас это не в моде*) [СРГСПК, вып. 1, с. 177], арх. *Быват, где мода, и оловянные стаканы дёржат, и братьяны дёржат* [АОС, вып. 11, с. 76], дон. *Аржаную муку варам абдають и яблак туда ишто. Эт кулага* [блюдо: суп или каша из муки с фруктами]. *Ана в моди была; Щас далблёнки [лодка] из моди вышли, ретка у каво есть* [СДГВО, вып. 3, с. 215], карел. *Приправы-то раньше деревянные были, а железны-то и моды не было* [СРГК, т. 5, с. 192], пск. *А ранышы маркофку не была моды сеить, не была абычая; Ранышы била ни такая мода. Кажный сваю ниву абрабатывал, а тяперь каво ш — калхос; Тяперь моды нет рукам касить; Ни палбли, не была моды* [Грицкевич и др., 2011, с. 78] и др.

Модой называется и особенность быта, уклад жизни, порядок: пск. *Ф Пецорах вместе ходят в баню и бабы и мужыки, мода такая; Из дярэвни в горат ходить и моды не было; Так на камени рубили, не принята мода сразу фундамен ставить; Таперича моды нет дома сидеть, фси в клуп идуть* [Грицкевич и др., 2011, с. 78] и др.

Иногда вскрывается социальный механизм подчинения общим тенденциям: перм. *из моды не выходить* ‘поступать как все, как заведено, принято’ (*Уж раз такая мода пошла, мы из моды не выйдём*) [ФСРГС, с. 73].

Значение ‘популярность, признание человека или произведения искусства’ можно считать оттенком значения ‘временная тенденция’,

как предлагается в Большом академическом словаре [ССРЛЯ, т. 6, с. 1128–1129]. Оно соотносится по преимуществу с образом человека, какой-либо персоны, иногда — с произведением музыкального, литературного, изобразительного искусства: *мода* ‘о всеобщем признании, внимании, известности в данное время’ (*Есть, что и стихотворцы часто были в моде; Умной карла вошел в превеликую моду*) [СРЯ XVIII в., вып. 12, с. 240]; ‘всеобщее признание, внимание, известность в данное время’ (*Моя «Пиковая дама» в большой моде; Я был в «моде», меня одолевала «слава», основательно мешая мне жить; Недавно Хемницер как-то попал в моду; его стали издавать в Москве и в Петербурге*) [ССРЛЯ, т. 6, с. 1128–1129]. Ср. также: *Ты хочешь меня уверить, что царских любимцев в обоз отсылают; нет, старик, коль ты отдан на мои руки, так, видно, мода с тебя спала* (Д. И. Фонвизин «Каллисфен», 1788) [НКРЯ]. Внешний характер моды, то есть тиражирование, копирование чужих оценок (предпочтений) без настоящего признания чего-либо ценным, подчеркнут в таком контексте: *Законное признание художника знатоками живописи преобразилось в петербургском высшем свете в пустую и трескучую моду* (К. Г. Паустовский «Орест Кипренский», 1936) [НКРЯ]. О диалектном оттенке этого значения см. далее.

К числу просторечных относится слово *мода* в значении ‘**индивидуальная привычка, обыкновение**’ (в Словаре русского языка XVIII века не выделено в самостоятельное значение, однако контексты в этом источнике и более поздние лексикографические опыты описания семантики слова свидетельствуют о его наличии): *мода* ‘обычай, нрав, обыкновение’ (*Скажи, что тебе нравно, что по твоей моде?; В Французском ветреном народе Такой он выучился моде Украдкой бегать из гостей*) [СРЯ XVIII в., вып. 12, с. 241]; (простореч.) ‘привычка, манера поведения (обычно с оттенком неодобрения)’ (*У меня нет моды деньгами платить; Сколько раз я тебе повторяла, чтобы ты никогда не смел стучать в дверь ногами. Что это еще за мода?; Ещѣ, пожалуй, заведет моду — гулять*) [ССРЛЯ, т. 6, с. 1130]; ‘манера поведения, обычай’ (*взяли моду на людей кричать*) [Крысин, 1998, с. 447].

Остальные значения слова *мода* обнаруживаются в ходе сбора и осмысления материала русских народных говоров.

Значение ‘**уважение, авторитет**’, которое мы считаем возможным выделить на основании анализа записей диалектной речи, в каком-то

смысле соотносимо с семемой 'популярность', однако в данном случае утрачивают важность и признак широты аудитории как субъекта признания, и идея подражания популярному образцу, на первый план выходит интегрированность в социум, место в нем, «социальный вес»: *Ну, только сейчас мы не в моде, старики* (из записей С. П. Праведникова в с. Сугрово Курской области, 2000) [НКРЯ]. Можно наблюдать смещение акцента с популярности на «встроенность» в коллектив, авторитетность, «социальную привлекательность», включенность в коммуникацию: диал. перм. *(быть) на моде* '(быть) в моде, в центре внимания' (*Нет ребят-то никого, дак и мы на моде*), урал. *не на моде* 'необщительный, неловкий, мешковатый' (*Она его незалюбела: он не на моде, а наши девки плясуньи. А он що — пестерь пестерем*) [СРНГ, т. 18, с. 195], перм. *быть на моде* 'быть уважаемым; быть востребованным' (*Играли, я в номерах смешалась. Парень ко мне подошел, а он не на моде был — я ногою топнула. Он ушёл, из комнаты вышел. Ну, я думаю, мне попадет, домой пойду дак. Топнула, как конфузила парня; Которы гармонисты на моде были, а которые в стороне стояли*) [СРГЮП, вып. 1, с. 90].

Значение '**обычай как часть обряда, ритуала, традиция организации жизни социума**', актуализированное в диалектном дискурсе, отчасти близко значению 'временная тенденция в организации жизни', однако мы видим его отличие в том, что называемый *модой* социальный феномен в этом случае обладает в глазах говорящего признаками давности существования, стабильности, традиционности. Часто подразумевается элемент обряда: диал. свердл. *мода* 'обычай' (*Такая мода была заверована; На второй день мы к им [сватам] едем — хозяйство смотреть. Это уж обязательно, така мода была*) [ЭИС, вып. 3, с. 131]; арх. *Ходили гуляли, вечёра, днём гуляли, а вечёром, вечёра, ну соберутся по деревне ходили гуляли, раньше така была мода, нарядаются в наряды хорошие и пойдут по деревне, вот и ходят, гуляют* (из записей А. Л. Мороза, 1999) [НКРЯ]; перм. *Была мода такая: у невесты есть какое приданое, свадебжане надевают и по деревне казать богачество* [СРГЮП, вып. 3, с. 76], перм. *Я выскочила, ей коблуком раз — хлысь, хлысь по башке её. Такая мода уж была — подругу невеста колотит* [СРГЮП, вып. 3, с. 311], перм. *В избе везде народ, угланы на полатах лежат, все смотрят на жениха с невестой, молодяжник-то — голов десять-двенадцать, мода была заведена*

такая, полные палаты, на печи, везде смотрели на жениха с невестой [СРГЮП, вып. 1, с. 188], помор. *мода* ‘обычай, современный порядок’ (Теперь уж мода не тая, что преже была, кругом с песнями по улицам посада вечеру не ходят) [Дуров, 2011, с. 226], волог., ленингр. *Моду эту решают* [уничтожают] — *о масленке кататься* [СРГК, т. 5, с. 520], новг. *Прежде мода така была: парни садятся на колени к девкам и целуют каждую по кругу; это головешки собирать на посидке* [НОС, с. 173], пск. *Мода была́ ф каляду́ блины́ пячи́; До трёх днёй кресті́ли, а ни кресті́ца нильзя́, ни в мо́ди; У нас мо́да яйцы сабира́ть у па́сху, на сасе́дям хаді́ть; Мо́да фсе́ старі́нная, э́та на хря́щёние хрясткі́ ста́вили на бажні́цу* [Грицкевич и др., 2011, с. 78] и др.

Слово *мода* в значении ‘**закон, официальное установление**’ также зафиксировано только в записях диалектной речи: пск. *мода* ‘порядок, закон’ (*Ф калхози у нас моди нет, если обратишся, то толку не дабьешся; Моды такой не́ была, штоп пеньсию дава́ли*) [ПОС, т. 18, с. 280].

Значение ‘**закономерность**’ подается в словаре как оттенок предыдущего значения: пск. *мода* ‘закономерность жизни, развития’ (*Была п такая мода: пажыл, да апать маладым [стал]*) [ПОС, т. 18, с. 280].

Наконец, значение ‘**мера**’ выявляется в перм. *сверх моды на вершок* ‘о чем-либо в большом количестве, в избытке’ (*В те годы-то не было экого в магазинах. А в эти-то годы уж все появилось сверх моды на вершок*) [СРГЮП, вып. 2, с. 93]. Это значение совпадает со значением лат. *modus* ‘мера (предмета); правило, предписание; образ, способ’.

Приведенный перечень значений слова не отражает хронологию его семантического развития.

За три столетия функционирования в русском языке, сравнительно небольшой по меркам истории развития языка период, слово *мода* прочно вошло в систему слов русского языка, о чем свидетельствует разнообразие свойственных ему значений. В русском литературном языке оно приобрело чрезвычайно широкую референцию и наиболее часто стало употребляться по отношению к разнообразным тенденциям, характеризующим разные временные отрезки. Кроме того, слово иноязычного происхождения было усвоено русскими народными говорами, где получило семантическую разработку, отличную от системы значений литературной разновидности языка. Наиболее ярко во всех его значениях представлена идея образца, эта-

лона, по которому «меряется» и воспроизводится, тиражируется что-либо (изготавливаются предметы одежды, формируются вкусы и предпочтения человеческих коллективов, строится поведение человека, организуется обряд или повседневная жизнь сообщества людей).

Семантическое своеобразие слова *мода* в диалектном и литературном дискурсах

Своеобразие семантики диалектного слова *мода* становится заметным на фоне других его значений в русском языке, и в данном случае важно опереться на достигнутое разными науками согласие в трактовке понятия моды как социального явления.

Конститутивными признаками понятия «мода» можно назвать (во многом по следам имеющихся исследований моды и ее лексических репрезентантов) социальность, коллективность, конвенциональный характер, идентифицирующий потенциал, эталонность (способность служить образцом) и ценностный характер, социально-регулятивную функцию:

- 1) социальность: «Мода может пониматься как самый поверхностный и самый глубинный из социальных механизмов» [Бодрийяр, 2000, с. 169];
- 2) коллективность, массовость, из которой следует также конвенциональный характер моды и ее идентифицирующий потенциал: «Мода носит глобальный характер, участники моды ощущают свою принадлежность к обширному, неопределенному целому» [Журавлева, 2010, с. 86]; «Мода не появляется сама по себе, она является продуктом конвенции, признания со стороны многих акторов политического пространства» [Николаев, 2011, с. 7];
- 3) эталонность, способность служить образцом и ценностный характер, поскольку ключевой составляющей моды является признанный ценностью предмет, на который направлено внимание сообщества, — идея, правило, стиль одежды, манера выражаться, способ действий, особенность организации жизни и др.: «Мода есть социальный феномен подражания авторитетам, эталонам прекрасного, который является зеркалом ситуации, сложившейся в обществе» [Николаев, 2011, с. 6]; «“Модным” и “престижным” слово становится только тогда, когда оно обозна-

чает предмет, имеющий в глазах носителей языка значительную ценность» [Журавлева, 2010, с. 86];

- 4) социально-регулятивная функция: «Мода в современном мире понимается как одна из форм, один из механизмов социальной регуляции и саморегуляции человеческого поведения, индивидуального, группового и массового» [Марьясова, 2011, с. 29]; «Феномен моды в языке коррелирует с другими проявлениями моды, занимающей важное место в современном обществе в качестве одного из механизмов регуляции и саморегуляции человеческого поведения» [Журавлева, 2010, с. 86]; «Исторически мода выросла из обычая. Эти два явления объединяет их регулятивная функция, они выступают как механизмы социальной регуляции поведения» [Мустайоки и др., 2006, с. 46].

Можно считать, что речь идет о моде «в широком понимании». В сущности при этом подразумевается семантическое ядро многозначного слова, общее для большинства его значений, в том числе диалектных.

Однако при наличии общего смыслового ядра между значениями слова *мода* есть и существенно *разнящиеся смысловые компоненты*. Далее мы прокомментируем только сходства и различия между близкими понятиями «тенденция» и «обычай», соотносимыми с анализируемым словом. Итак, *общие, универсальные признаки*, составляющие понятие «мода», — это социальность, коллективность, эталонность, ценностность, регулятивность. *Различия* же таковы, что мода-обычай обладает признаками давности, устойчивости, общепринятости, выработанности в жизненной практике, в то время как модатенденция предполагает такие качества, как новизна, изменчивость, преходящий характер и часто искусственность, если принять во внимание целенаправленность разработки и распространения, рекламы нововведений. В лингвистической литературе уже подчеркивалось различие между актуальной для городского жителя трактовкой моды как чего-либо меняющегося, текучего, современного (то есть отступления от нормы) и релевантного для народной, деревенской культуры толкования моды как чего-либо устоявшегося, обычая, традиции, то есть собственно нормы [Грицкевич и др., 2011, с. 78, 79].

Критическая степень противопоставления моды в традиционном русском крестьянском социуме и моды в современной светской куль-

туре обнаруживается, таким образом, в сравнении этих понятий по шкалам «давнее — новое», «устойчивое — изменчивое», «общепринятое — вызов общепринятому», «естественно сложившееся — искусственно сконструированное», «чужое — свое». Подтверждение этому можно найти в работах, посвященных осмыслению феномена моды: «У русских существует представление о моде как об обычае, принятом за образец. Рядом с образцом сразу появляется тема социального подражания, воспроизведения, тенденция к социальному выравниванию, выводящего отдельного человека на общую колею» [Вепрева, 2003, с. 421]; «Мода понимается как коллективное подражание регулярно появляющимся новинкам» [Журавлева, 2010, с. 86]; «Между обычаем и модой различий все-таки больше, чем сходства. И самое главное из них — это отношение к инновациям. Если в моде происходит постоянная смена культурных образцов и время в моде носит дискретный характер, то в обычае время непрерывно и культурный образец, выступающий в качестве канона, постоянно воспроизводится в неизменном виде» [Мустайоки и др., 2006, с. 46]. Пьер Ларусс, автор Большого универсального словаря XIX века, отмечает, что мода отличается от обычая, как вид от рода [Grand dictionnaire..., 1874, с. 358]. Т. И. Белица, О. М. Исаченко, комментируя оборот *взять моду что-либо делать*, указывают, что основанием его негативной оценки «может служить выражаемая лексемой *мода* имплицитная потенциальная сема ‘чужое, заимствованное, не свое’» [Белица и др., 2009, с. 63]. Е. И. Огневая объясняет причины неодобрительного отношения к языковой моде: «Понятия “мода” и “языковая мода” объединяют такие черты как массовость, недолговечность, динамизм, вызов общепринятому и игровой характер. Но в то же время языковая мода, в отличие от остальных разновидностей моды, получает преимущественно отрицательную оценку. Это связано с тем, что в языке силен и очень значим фактор традиции. Язык не приемлет слишком быстрых изменений, так как они ставят под угрозу его функционирование. А сущность моды именно в отказе от общепринятого, в нарушении традиций» [Огневая, 2008, с. 260].

Итак, устойчивую долговременную часть быта нельзя приравнять к временной популярной тенденции. Иногда лексические единицы *мода* и *обычай* даже трактуют как антонимы: «В дальнейшем, когда мода выделилась в самостоятельное социальное явление, значения слов “мода” и “обычай” оторвались друг от друга и их всё чаще стали толко-

вать в качестве антонимов, то есть слов, противоположных друг другу по значению и смыслу. В современных толковых словарях моды, как правило, уже не увязывают с обычаем, что отражает изменение в употреблении этого слова в повседневном языке» [Марьясова 2011, с. 29].

Действительно, значительная часть диалектных контекстов показывает, что носитель диалекта называет *модой* нарождающиеся установления, охватывающие, по его наблюдениям, все большее число представителей своего социума. Иначе говоря, *модой* называется феномен, обладающий качествами новизны и чужести (ср. взаимную проекцию оппозиции «старого / нового» и «веры / моды»: *По старой вере, да по новой моде* [Даль, т. II, с. 344]), в отличие от *обычая*, под которым чаще подразумевается сравнительно давнее социальное установление, имеющее в глазах носителя языка свойства постоянства и даже древности. «Новое и пока чужое, но многими осваиваемое» (*мода*) противопоставляется «старому своему» (*обычаю*), хотя то и другое — социально усваиваемые образцы, и это сходство обуславливает возможность взаимозамены слов *мода* и *обычай*, то есть функционирование их в роли синонимов, когда речь идет об обряде или об особенности организации быта (оба слова имеют эти значения).

Коннотации слова *мода* в русском литературном языке и говорах

В имеющихся на сегодняшний день исследованиях феномена моды в ее современном понимании, объема и структуры соответствующего концепта справедливо отмечены некоторые неявные коннотации, занимающие периферию понятия «мода», однако способные служить индикаторами отличий современных представлений о моде от взглядов, характерных для традиционного общества.

Во-первых, часто заостряется внимание на том, что слово *мода* и его дериваты могут иметь как положительные, так и негативные коннотации. С одной стороны, мода осознается как обязательный атрибут культуры, ценное социальное явление, а именно как значимое мощное средство управления социальными процессами посредством влияния на психологию личности. С другой стороны, замечено, что сочетания *модное словцо*, *повальное модное увлечение*, *взять моду что-либо делать*,

как правило, имеют негативную окраску: мода — «крайнее проявление вкуса, более индивидуальное, быстро проходящее, бросающееся в глаза и обычно вызывающее раздражение у старшей и консервативной части общества» [Костомаров, 1999, с. 34]; оборот *взять моду* «является средством выражения негативной интерпретации чужих действий, эмоциональной реакции говорящего» [Белица и др., 2009, с. 65] и т.д.

Во-вторых, причиной следования моде является сегодня привлекательность объекта моды: «Мода распространяет в обществе определенные образы, притягательные для человека» [Вдовина, 2011, с. 94]. Повсеместно распространены технологии привлечения имиджевыми посулами, материальной ценностью объекта моды, обещаниями здоровья или даже интеллектуального превосходства и т.д. С точки зрения психологии, понятны причины того, почему входят в моду привлекательные в разных отношениях объекты и явления действительности, такие как компьютерная техника, гаджеты, автомобили высокого класса, созданные по мотивам популярных мультфильмов детские игрушки, вегетарианство, поддерживающие здоровье лекарственные препараты, лечение пиявками, занятия йогой, посещения тренажерных залов, активность в социальных сетях, размещение в сети Интернет фото и видео, освоение английского языка, использование слов и выражений *креативный, печалька, вызовы современности, глобализация* и др., употребление в речи английских слов, чтение произведений «культурных писателей» и т.д.

Появилось даже сочетание *модный человек*: «Очевидно, что самоидентификация “Я модный человек” влечёт за собой и определённую манеру поведения: постоянный “мониторинг” модных процессов (например, чтение модных журналов и книг, просмотр разрекламированных кинофильмов и телепередач), адаптацию модных новинок применительно к собственным интеллектуальным, культурным и финансовым возможностям. Содержанием модного поля является престижная современность» [Черняк, 2011, с. 2].

Совсем о другой моде говорит, используя соответствующее слово, носитель народной культуры. В традиционном обществе привлекательность определялась ориентацией на коллективность, на то, чтобы не выделяться в коллективе, в то время как основу следования моде в современном значении этого слова составляет стремление выделиться среди прочих.

Внутренняя привлекательность объекта моды, обуславливающая стремление наравне со всеми принадлежать своей социальной группе, сменилась внешней привлекательностью, связанной, во-первых, с материальной ценностью объектов моды, во-вторых, со стремлением выделиться из своей социальной группы за счет соответствия гласным или негласным стандартам, принятым среди представителей более высокого социального класса.

Таким образом, от современного понимания моды как временной привычки к предмету действительности, имеющему потребительскую ценность, намеренно формируемой на основе запросов общества посредством конструирования привлекательного образа, существенно отличается народное толкование моды как привычного в силу длительности существования и повторяемости (воспроизводимости) факта повседневной действительности, соотносимого с традиционной организацией быта, сельскохозяйственных работ, исполнением обрядов. В народной речи это слово удивительным образом освоило ту же нишу, что и слово *обычай*, то есть слова совпали сразу во многих своих значениях.

III.2. *Вера* как *обычай*

Лингвисты давно проявляют интерес к функционированию слова *вера* в речи. Имеющиеся на сегодняшний день публикации посвящены изучению этимологии слов *вера*, *верить* и их семантики [Апресян, 1995, с. 48–49; Степанов, 2004, с. 402–417; Швецова, 2006 и др.], выявлению языковых средств (лексем, фразеологизмов), репрезентирующих соответствующий концепт [Балашова, 2010; Васильев, 2001; Талапова, 2009; Тимошевская, 2012 и др.], а также описанию стоящего за словом понятия, актуализированного в определенном дискурсе (религиозном, философском, литературно-художественном и т.д.) [Казнина, 2004; Сулиман, 2013 и др.]. В подавляющем числе работ объект исследования определен как «концепт веры» (или концепт ВЕРА) [Васильев, 2001; Ивашенко, 2000; Казнина, 2004; Митрофанова, 2003; Степанов, 2004; Талапова, 2009; Тимошевская, 2012; Убийко, 1998 и др.].

Оставив в стороне разностороннее освещение вопроса о различных трактовках понятия «вера», мы сосредоточимся на том, что составляет «ядро» семантики общенар. *вера*, одинаковое для разных его значений,

в том числе для зафиксированного в русских народных говорах значения 'обычай': арх. *véra* 'обычай, привычка' (*У нас эта вэра нету, штобу дома запираць*) [Зотов, 2010, с. 87], сиб., иркут., якут., тобол., свердл., перм., казан., костром., волог., беломор., смол. *véra* 'обычный, традиционный порядок' (*У них такая вера, чтоб непременно потчевать; — Отчего ты кланяешься, подавая воду? — У нас такая вера*) [СРНГ, т. 4, с. 120], волог. *véra* 'обычай' [Дилакторский, с. 77], яросл. *véra* 'обычай' [ЯОС, вып. 2, с. 54], мурман., волог. *véra* 'обычай, традиция' (*Во всяком городе своя вера, говорят разное, обычаи разные; Ране веры не было в избах оклеивать*) [СРГК, т. 1, с. 172] и др.

В русском литературном языке слово *вера* имеет несколько значений: *véra* 'уверенность, убежденность в чем-либо, в наступлении чего-либо (основанная на знании, на опыте)', 'твердое убеждение в чьей-либо честности, твердости, добрых намерениях и т.п.; доверие', 'убеждение в истинности чего-либо, усвоенное традиционно на основании доверия к мнениям других людей, принимаемое без доказательств и научной критики', 'религия, вероисповедание' [ССРЛЯ, т. 2, с. 163–166].

Все приведенные значения отображают идеальную (нематериальную) действительность — результат «внутренней», духовной жизни человека, выработанное им *отношение* к чему-, кому-либо, состоящее в признании какой-либо возможности: арх. *véra* 'убеждение, уверенность', 'надежда, ожидание чего-либо, расчеты на что-либо', 'религия, поверье' [Грандилевский, 1907, с. 121], ср. дериват — брян. *вэрка* 'убежденность в чьей-либо добросовестности, искренности; доверие' (*Яны кьсамолки, им верка ёсьть*) [СБГ, вып. 2, с. 46] и др. Отношение к чему-либо иначе называется мнением, ср. указание Ю. Д. Апресяна на «путативный (не фактивный) характер» глагола *верить*, «вершиной толкования [которого] является смысл 'считать'» [Апресян, 1995, с. 49].

В Словаре русского языка XI–XVII веков слово представлено как имевшее следующие значения: *véra* 'истина, правда; то, чему можно верить', 'верование; поклонение истинам, догматам; идолам, божествам', 'вера, вероисповедание, религия', 'доверие к кому-, чему-либо', 'присяга, клятва' [СРЯ XI–XVII вв., вып. 2, с. 79]. Как можно видеть, они частично совпадают с приведенными выше значениями из Словаря современного русского языка.

Во всех случаях подразумеваются определенные *убеждения либо убежденность*: значение 'признание возможности' (*вера в победу, в*

исполнение надежд, в свои силы) подразумевает убежденность в возможности чего-либо; 'сознание высшего закона; религия' (*вера в Бога*) можно трактовать как убежденность в наличии и могуществе высших сил; 'доверие' (*вера кому-либо*) основано на убежденности в возможности открыться и доверить себя другому человеку; 'истина' (*лжжа, а не вера преможе на земли*) — убеждения, отличающиеся истинностью; 'присяга' (*приводить к вере кого-либо*) связана с принятием убеждений.

Для сравнения изложим выводы Т. А. Талаповой, которая, проведя сравнительный анализ дефиниций слова *вера* по данным 14-ти словарей русского языка с целью выявления общих (инвариантных) семантических признаков, пришла к заключению, что «признак *убежденность, уверенность в ком-то, чем-то* является центральным ядерным признаком», а в качестве инвариантного для русского глагола *верить* ею определено, соответственно, значение «*иметь твердую уверенность, не требующую никаких доказательств, быть убежденным в чем-либо, вполне доверять*» [Талапова, 2009, с. 11].

Обратим внимание: первые три значения слова из числа проинтерпретированных нами свидетельствуют, что слово *вера* называет именно отношение, внутреннюю позицию человека, его состояние, а другие два значения, в которых слово *вера* неупотребительно на сегодняшний день, показывают, что данное существительное могло выступать обозначением объектов, внеположенных человеку (правды и клятвы), однако связанных с категорией убеждений.

Прояснение вопроса об основаниях веры, то есть истоках возникновения убеждений или убежденности, лежит за пределами лингвистических изысканий. Речевой и в особенности религиозный дискурс лишь подсказывает нам противопоставление *веры* и *сомнений*, из которого следует, что критическая работа ума (сомнения) противопоставит убежденности, разрушает ее. Вера же подразумевает **некритичное отношение** к чему-либо, в сущности — подчинение, что подтверждается, например, вят. *вѣровать* 'слушаться кого-либо, бояться кого-либо' [СРНГ, т. 4, с. 147].

Если вера представляет собой убеждение, не являющееся итогом мыслительной работы, приложения интеллектуальных усилий или намеренного внушения со стороны другого субъекта, то она формируется, по-видимому, иначе, возможно, ***зависит от опыта, жизненной практики***.

Мы видим основания к выделению таких семантических элементов, из которых складывается базовая часть понятия веры:

- личная позиция человека по отношению к какому-либо объекту;
- убежденность / уверенность как ментальное состояние субъекта;
- некритичность / безусловность восприятия объекта веры;
- производность от среды, окружения, обстоятельств, опыта.

Таким образом, *вера* толкуется прежде всего как личная позиция человека по отношению к кому-, чему-либо, выражающаяся в состоянии уверенности, убежденности в чем-либо и сложившаяся в жизненной практике путем накопления опыта без вмешательства умозрительной критической оценки. При таком ее понимании становится понятной логика семантического движения к приобретению словом значения 'обычай, привычка' в диалектном дискурсе.

Для диал. *вера* 'обычай' и его дериватов с тем же значением неактуальна предложенная Ю. С. Степановым трактовка концепта веры как модели, включающей двух актантов (участников) и связь между ними («круговорот общения») [Степанов, 2004, с. 405], так же, как и выдвинутая Бенвенистом в отношении понятия веры-религии идея договора между неравными сторонами, из которых одна требует повиновения от другой, обаяуясь взамен исполнить обещаемое [Цит. по: Степанов, 2004, с. 403]. Смысловая модель *веры как внутренней убежденности, которая сформировалась под влиянием привычных обстоятельств*, существенно отличается от сходных в интерпретации веры (как взаимодействия актантов) моделей, разработанных Э. Бенвенистом, Ю. С. Степановым, тем, что ***включает единственный актант: здесь субъект веры — тот, кто на основе повседневного опыта, жизненной практики признает действительность «обычной нормой».*** Ю. Д. Апресян на основании анализа словоупотреблений лексемы *вера* делает сходный вывод: «Вера не предполагает никакого внешнего источника истинной информации. Это ментальное состояние человека, мотивированное не столько фактами, сколько имеющейся в его сознании цельной картиной мира, в которой предмет его веры просто не может не существовать» [Апресян, 1995, с. 48]. Обратим внимание, что вера квалифицируется как «ментальное состояние», базой для которого является «картина мира», то есть представление о мире, сложившееся естественным образом, без намеренного воздействия извне.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лексическая объективация представлений об обычае в русском языке проанализирована в данной книге на материале фонда слов, служащих обозначениями понятия «обычай». Рассмотренные лексические факты относятся к разным формам существования русского национального языка: народным говорам и общенародному языку; в редких случаях внимание уделялось лексическим единицам, принадлежащим книжной лексике. В заключение остановимся на результатах исследования, которое проводилось в семасиологическом и ономазиологическом ключе.

1. Словарный, а также контекстный анализ слова *обычай* позволил уточнить и сформулировать ряд значений этого многозначного слова, а также выявить динамику в семантике, изменения в его функционировании на современном этапе развития русского языка.

Представим значения слова *обычай* согласно источникам, из которых были извлечены сведения о нем (табл. 8). Таблица содержит сводные данные об определениях слова *обычай*, уточненных путем сравнения разных источников. Дефиниции, которые предлагались в источниках, не включены в таблицу. Их можно найти в основном тексте книги в соответствующих разделах. В таблицу помещены разработанные нами толкования анализируемого слова и сведения о том, в каких типах источников из числа проанализированных были зафиксированы значения слова либо иллюстративные контексты, в которых обнаруживаются такие смыслы, даже если они не были представлены составителями словарей в виде самостоятельных дефиниций слова.

Семантическая система слова *обычай* в русском языке включает в себя 20 значений. Представим их далее с иллюстративными контекстами в порядке, отражающем активность использования слова в том или другом его значении современным носителем современного русского литературного языка и наличие ограничений в употреблении:

- общенар. ‘обряд, часть обряда, ритуала, порядок организации обряда — календарного, свадебного и др.’: *Обычай дорогой выпить по другой* — пословица; *Обычай праздновать Масленицу очень древний*; *Нести тело ему не разрешили, сославшись на*

Система значений слова *обычай* в русском языке и их представление в источниках

Значения слова <i>обычай</i>	Источники	Исторические словари русского языка	Тексты фольклора (былины, сказки, народные песни, пословицы)	Словари и корпусы текстов современного русского языка	Словари русских народных говоров
‘обряд, часть обряда, ритуала, порядок организации обряда — календарного, свадебного и др.’		+	+ (в сказке, народной песне)	+	+ юж.-урал., орл., пск.
‘деталь быта, установившийся в быту или введенный порядок исполнения повседневных дел, обращения с предметами’		+	+	+	+ пск., вят., тобол., якут., том.
‘неписаное правило необрядовой коммуникации, форма организации отношений между людьми’		+	+ (в сказке)	+	+ пск.
‘обыкновение, индивидуальная привычка человека, привычный образ действий, манера’		+	+	+	+ рус. (мордов.)
‘натура, характерная черта, сущность, естество, социозрастной стандарт поведения, стереотипное поведение людей определенной возрастной категории и / или социального слоя (незамужней девушки, неженатого юноши, вдовы, князя и т.д.)’		+	+	+	—
‘мода, популярная в данное время тенденция’		—	—	+	—
‘выработанные в долговременной практике взаимодействия принцип или система принципов, негласное правило деловой среды, условленный порядок, церемониал’		—	—	+	—

Источники Значения слова <i>обычай</i>	Исторические словари русского языка	Тексты фольклора (былины, сказки, народные песни, пословицы)	Словари и корпусы текстов современ- ного русского языка	Словари русских народных говоров
'принятая в сообществе людей ментальная установка'	—	—	+ (редк.)	—
'дело, занятие, то, что выполняется человеком по роду деятельности'	+	+ (в сказке)	+ (редк. устар.)	—
'характер, нрав человека, его индивидуальные качества, влияющие на этику поведения (кротость, приветливость, немногословность и др.)'	+	+ (в сказке, народной песне, поговорке)	+ (устар.)	+ новг., олон., яросл., волог., костр., тамб., арх., юж.-урал.
'способ, прием выполнения деятельности, образ действий'	+	—	+ (устар.)	+ пск., сиб.
'быт, обиход, образ жизни членов одной общественной группы либо семьи, ее нравы, порядок'	+	—	+ (редк.)	+ пск.
'обусловленный привычным образом жизни комплекс знаний, умений, склонностей, вкусов, нравственных качеств, понимания социально-ролевого стандарта поведения, определяющий симпатии в коммуникации, расположение, благожелательное отношение к кому-либо'	—	+ (в русских народных песнях)	—	+ ряз., волог., орл., терек., иркут., север., пенз., рус. (мордов.)
'физическая сила, мощь (о богатых)'	—	+ (в былинах)	—	—

Окончание таблицы 8

Источники	Исторические словари русского языка	Тексты фольклора (былины, сказки, народные песни, пословицы)	Словари и корпусы текстов современного русского языка	Словари русских народных говоров
Значения слова <i>обычай</i>	—	+ (в былине)	—	—
'усредненный параметр (о физической характеристике человека)	—	+ (в былине)	—	+
'вкус, пищевые предпочтения, обусловленные привычкой'	+	—	—	+ краснояр., юж.-урал., дон.
'поведение, повадки животных'	—	—	—	+ карел.
'хозяйственная утварь, орудия труда'	—	—	—	+ юж.-урал.
'присшествие, факт действительности, событие'	—	—	—	—
'закон как распоряжение, положение, установленное светскими или духовными властями: царский указ, положение веры'	+	—	—	—

- неведомый и нелепый обычай; Фольклористы отмечают, что еще в начале XX века на Русском Севере существовал обычай по праздникам приходить в дом с «величальным виноградием»; Повсеместно существовал обычай «кумиться», то есть дружить, родниться с деревьями; В их деревне был обычай справлять праздник Андрея Первозванного — из рус. нар. сказки «Упырь»); диал. Обычаев никаких не было при постройке дома; Абычья такая была: жыниха с нивестъй у гости звать; И пёсни паю́т, и чучелам передёльваются — и да сих пор такой обы́чай;*
- общенар. ‘деталь быта, установившийся в быту или введенный порядок исполнения повседневных дел, обращения с предметами’: *У нас, по стародавнему обычаю, ужин сытный, как обед — М. Горький. Жизнь Кл. Самгина; Во многих домах ещё сохранён обычай наливать в лампы керосин и чистить ваксой обувь; Таков уж обычай — ни одна уважающая себя бакирская или татарская бабушка не сядет пить чай без молока; По тогдашнему обычаю портной жил в избе заказчика, пока не кончит работу; Без вина — оно ещё не было в обычае, да и дорого; «Мы выхватим ложку каши, — говорила старуха, — и побежим в погреб прихлебнуть молока. У нас во всей деревне такой обычай» (из «Сказки о старушке и ее сыне»); диал. За обычай ле пивча испить?;*
 - общенар. ‘неписаное правило необрядовой коммуникации, форма организации отношений между людьми’: *У черкесов есть очень милый обычай дарить гостю все, что он похвалит, — сказал я любезно — Купр. Олеся; Это было не в обычае в нашем селе: женатые <...> с призывными парнями не якишались — Гладк. Лихая година; Такой обычай, исстари существовавший в русских деревнях, назывался «помощью» («толокой»); Нас встречали по старому русскому обычаю хлебом-солью; Обычай предписывает мужчине, войдя в жилое помещение, снимать головной убор; диал. Раньшы у нас был абы́чай: ёсли па́рень вы́пифшы — де́фка с табо́й гуля́ть ня бу́де;*
 - общенар. ‘обыкновение, индивидуальная привычка человека, привычный образ действий, манера’: *В тот же день, часа в четыре, я, по обычаю, побежал в парк; И в обычае у нее было делать глубокие замечания под видом легкой шутки; Поэтому я*

- имел обычай в Великую Субботу посещать храмы Москвы; Сегодня она была не по обычаю молчалива; Верный своим обычаям, он сразу заводил на берегу знакомство с женщинами; У него было, у князя, такие обычай-эт Ко крыльцо-то подъезжать ко кнеженесскому, Роскладывать полатки разных шелков — из былины; Я пойду молода въ торгъ торговать, По обычаю товары закупать — из рус. нар. песни; У Никиты-то у Ефимыча Дорогой обычай: Где ни пьеть, где есть, Где ни кушает сударь, Ночевать домой ходитъ — из рус. нар. песни; диал. Ей в бычий в горьт ездитъ;*
- общенар. ‘натура, характерная черта, сущность, естество, социо-возрастной стандарт поведения, стереотипное поведение людей определенной возрастной категории и / или социального слоя (незамужней девушки, неженатого юноши, вдовы, князя и т.д.)’: *Он заснул на лугу, забыв положить ладошку под голову по детскому обычаю — из романа А. М. Терехова «Каменный мост», 2009; Но по привычке и обычаю людей немолодых сестра хозяина всё равно проснулась довольно рано — из повести Б. П. Екимова «Пиночет», 1999; Теперь, по обычаю всех трусов, вы замаете следы — из публицистики 1917 года (А. Арутюнов «Досье Ленина без ретуши. Документы. Факты. Свидетельства», 1999); Женский обычай — слезами беде помочь — пословица; Бабий [женский] обычай — не мытьем, так катаньем [а свое возьмет] — пословица; Привыкай, душа Агавьюшка, Ко мому ли къ уму-разуму, Ко мому ли къ молодецкому Къ обычаю княженецкому! — из рус. нар. песни; Девичий обычай по векъ не забуду; Девичью ухватку по смерть не покину! — из рус. нар. песни; Что тяжель-то, тяжель у вдовушки нравъ-обычай: Что постелюшку она стелетъ, да слезно плачетъ, Она плакавши, моего милаго проклинаетъ, А своего-то мужа прежняго выхваляетъ — из рус. нар. песни; А супруг ее, князь-княжевич Иван-королевич, по обычаю царскому, дворянскому, занимался охотой — из рус. нар. сказки «Звериное молоко»; «А обычай у помещиков знамо какой — приказывать» — из рус. нар. сказки «Марко Богатый и Василий Бессчастный»;*
 - нов. ‘мода, популярная в данное время тенденция’: *Мне претит обычай фотографировать невесту на белой лошади; На*

обложке, по модному обычаю, лицо Битова вписано в знаменитый портрет Мусоргского работы Репина; Обычай поносить Дж. Буша-мл. ужасными словами, сравнивая его с самыми мрачными фигурами прошлого, прежде свойственный лишь политической маргиналии, теперь стал присущ и политической элите многих великих держав;

- термин (в деловой речи) ‘выработанные в долговременной практике взаимодействий принцип или система принципов, негласное правило деловой среды, условленный порядок, церемониал’: *Президент Буш с самого начала боевых действий заявил, что его противник не соблюдает законы и обычаи войны и правила морали; При этом решения основывались на обычаях и практике ведения бизнеса (коммерческом обычном праве); В посольском обычае XV–XVII веков огромное значение придавали последовательности отправления своих посольств и приёма чужих;*
- редк. ‘принятая в сообществе людей ментальная установка’ *Понятное дело, не в обычае здешних богатырей числить себя слабаками;*
- устар. ‘дело, занятие, то, что выполняется человеком по роду деятельности’: *Ты еще молод, ратное дело тебе не за обычай!»* — из рус. нар. сказки «Еруслан Лазаревич»; *Летом землю общим крестьянским обычаем работают, а зимой разбредутся кто куда и шерстобитничают* — Салт. Праздн. разг.;
- устар. и обл. (новг., олон., яросл., волог., костр., тамб., арх., юж.-урал.) ‘характер, нрав человека, его индивидуальные качества, влияющие на этику поведения (кротость, приветливость, немногословность и др.)’: *Не гляди на лицо, а гляди на обычай* — пословица; *Глаз черный, взгляд добрый, обычай волков* — пословица; *Наглого обычая не переменишь* — пословица; *Обычай бычий, а ум телячий* — пословица; *Обычаем крут, а задом худ* — пословица; *У худой рожи худой и обычай* — пословица; *Хитрец ты окаянный! Как на тя погляжу, из тебя прок будет. Люблю за обычай и за твою догадливость! Ухитрился, молодец!»* — из рус. нар. сказки «Попов работник»; *Ахъ, обычай, пострель бешеный! Слезы катятся, играть хочется* — из рус. нар. песни); диал. *Жена привыкла к мужу, хорошо знала его характер или, по словам казаков, обычай; У него обычай плохой, да и у нее не лучше;*

- устар. и обл. (пск., сиб.) ‘способ, прием выполнения деятельности, образ действий’ *Все порешили таким обычаем: ежели Ахрем не напоит допьяна всю слободу, и толковать много не след: в ратники!* — Н. Усп.; диал. *Тою дорогою никаких людей никоторыми обычаяи отнюдь не пропускать; А каким обычаем он то жалован[ь]е передал;*
- устар. и обл. (пск.) ‘быт, обиход, образ жизни членов одной общественной группы либо семьи, ее нравы, порядок’: *Сидит он второй срок, сын ГУЛАГа, лагерный обычай знает напрожег;* диал. *Нада штóбы дэвушка знáла весь обыча́й родитильский;*
- фольк. (в русских народных песнях) и обл. (ряз., волог., орл., терск., иркут., север., пенз., рус. (мордов.)) ‘обусловленный привычным образом жизни комплекс знаний, умений, склонностей, вкусов, нравственных качеств, понимания социально-ролевого стандарта поведения, определяющий симпатии в коммуникации, расположение, благожелательное отношение к кому-либо’: *Не ходи, девка, молода замужь, Не собравшись съ умомъ да съ разумомъ, Съ дорогимъ, девка, обычаемъ; Не наполнила лица белаго, Не отростила русой косы!* — из рус. нар. песни; *Мудрено да мудренеконько Жить во чужих людях... Надо мне, младехоньке, Два ума, два и разума, Два обычая обонравые* — из рус. нар. песни; *А или тебе женитва не по думы, Младая княгиня не в обыча́й?* — из рус. нар. песни; диал. *Он мне сразу в обычай пришелся; Сноха-то им не в обычай; Выбирай себе девицю по обыцью;*
- фольк. (в былине) ‘физическая сила, мощь (о богатыре)’: *Ему ётая лошадь не по разуму, Не по тому как обычью молодецкому;*
- фольк. (в былине) ‘усредненный параметр (о физической характеристике человека)’: *...Два богатыря, да удалы, государь, не по обычаю!;*
- фольк. и обл. (ряз., рус. (мордов.)) ‘вкус, пищевые предпочтения, обусловленные привычкой’: *Али ествушки мои не по нраву, Напиточки мои не по обычаю?* — из былины); *Иль ни в абычий картошкь?; Йа сырўйу с’ил’отку н’а йём, анá мн’е н’и в абыч’ай — жалудак н’и пр’ин’имáит; Халóднъяа вадá мн’е в абыч’ай... ҫар’áч’ива н’а хóч’у;*
- обл. (краснояр., юж.-урал., дон.) ‘поведение, повадки животных’: *Какой обычай у твоей лошади? Обычай лисицы, что соболя;*

- обл. (карел.) ‘хозяйственная утварь, орудия труда’: *Внизу в музее весь наш деревенский обычай: и бороны, и рогатки для муки;*
- обл. (юж.-урал.) ‘происшествие, факт действительности, событие’: *У нас сколько таких обычаев было, што убежали самовольно домой (в период революции, о белых).*

Вышло из употребления слово *обычай* в значении ‘закон как распоряжение, положение, узаконенное светскими или духовными властями’, которое, напомним, существовало в XVI–XVII вв. и было зафиксировано в Словаре русского языка XI–XVII вв.: ‘закон’ (1510 г.) и || (мн.) ‘основные положения; догматы’ (1666 г.): *Государя не живутъ подь обычаемъ, а даютъ инымъ обычай; Пишетъ Мелетий патриархъ... повелѣваемъ собору быти епископску не о дохматѣхъ, сирѣчь церковныхъ обычаяхъ.* Под церковными обычаями сейчас понимается, скорее, обрядовая часть церковнослужений, чем догматы, положения веры. Неактуальна и трактовка обычая как закона, который устанавливается светской властью, однако ее логическим продолжением стало появление терминологического значения ‘выработанные в долговременной практике взаимодействий принцип или система принципов, негласное правило деловой среды, условленный порядок, церемониал’ (*обычай делового оборота, делопроизводства, обычаи войны, посольский обычай*).

Кроме того, на современном этапе развития русского языка не имеет продолжений употребление слова *обычай* в качестве обозначения естественного свойства физического тела, ср. контекст из Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.): ‘свойство, характерная черта’ (*Тело стѣго... неврежено пребысть... ни беаше почърнело, яко же обычаи имоуть телеса мъртвыхъ*).

В современной речевой практике слово *обычай* используется то в качестве слова естественного языка, то в качестве термина. Надеемся, что предложенная «сетка» значений слова может быть полезна как содержащая справочную информацию о всем семантическом спектре этого существительного.

2. В книге было уделено внимание выявлению синонимов слова *обычай* в русском литературном языке и в русских народных говорах. Нас интересовали обозначения обычая как одной характерной особенности уклада общественной жизни (обрядовой или бытовой детали,

неписаного правила необрядовой коммуникации) или собственно уклада жизни в собирательном значении. Выяснено, что для обозначения соответствующих понятий имеется 24 лексемы в литературной разновидности русского языка, а в русских народных говорах функционирует еще более 90 слов: карел. *покón* ‘обычай, традиция’ (*Все знают, какой был покон, как раньше жили*), ворон., перм. *запра́ва* ‘обычай, привычка’ (*Уж здесь в этом селе издавна такая заправка: бабы ходят с кичками и в поневах; У нас не было такой заправки, чтобы вечером девок пускать — гулять*), пск. *на́ция* ‘обычай, обыкновение’ (*У нас такая на́ция: девушка должна кровать купить, шкаф*), волог. *порéдня* ‘домашнее хозяйство, распоряжение и обычаи’ и т.д.

Приведем систему лексических фактов, внесенных в словари литературного языка, с сохранением сведений об их функциональных характеристиках, зафиксированных в словарных пометах, поскольку эта информация может быть полезна для решения вопросов уточнения научной и деловой терминологии: *обычай* (в 1-м значении) — *традиция* (в 1-м и 2-м значениях) — *узу́с* (единственное значение) — *зако́н* (во 2-м значении) — *у́клад* (в 1-ом значении) — *о́бряд* (в 1-м значении) — *ста́рина* (во 2-м значении) — *ри́туал* (во 2-м значении) — *прави́ло* (во 2-м значении) — *но́рма* (в 3-м значении) — *усто́и* (в 3-м значении) — *по́рядок* (оттенок значения) — *обыкнове́ние* (оттенок значения) — *пра́во* (оттенок значения) — *привы́чка* (оттенок значения) — *вкус* (оттенок значения) — *завет* (оттенок значения) — *ста́ринка* (разг.) — *но́ров* (разг.) — *свы́чаи и обы́чаи* (устар.) — *ру́тина* (устар.) — *заведе́ние* (простореч.) — *нравы* (простореч.) — *за́вод* (простореч.) — *уста́в* (простореч.). Из них 17 языковых фактов не имеют стилистической маркировки (однако заметим, что лексемы *узу́с* и *тради́ция* имеют явно книжный характер), 2 — охарактеризованы как имеющие ограничение, а именно принадлежат разговорному стилю, 2 — представлены устаревшими, 3 — отнесены к просторечным.

3. Результатом ономаσιологического анализа русских обозначений обычая является система моделей номинации, которая вскрывает способы интерпретации соответствующего феномена действительности носителем русского языка.

Мотивационный анализ обозначений обычая показал, что в основу номинации кладется либо собственное свойство соответствующего

объекта действительности, либо его характеристики с точки зрения человека — того, кто наблюдает за обычаем и / или исполняет его.

К числу производящих основ с импликацией позиции субъекта — представителя традиционной культуры принадлежат такие, которые передают «внутреннее» восприятие обычая человеком (человек привык, приучился к нему, верит в него) либо внешнюю оценку обычая как обладающего своеобразием, причудливостью, идентифицирующим потенциалом (обычай представлен своеобразной затеей, причудой, которая служит отличительным признаком определенного сообщества людей в определенный период). Перечислим слова, выступившие производящими основами, в соответствии с этими двумя группами мотивов. Ментально-психологические мотивы реализуются в производящих основах «обвыкнуть», «привыкнуть», «свыкнуться», «(за)учить», «(по/на/из)вадиться», «верить». Субъективно-оценочными названы мотивы, получившие воплощение посредством обращения к производящим основам «нрав», «прихотовать», «привередничать», «притворяться», «загудать», «чудо».

К числу производящих основ, подчеркивающих объективные характеристики объекта номинации, следует отнести такие, которые апеллируют к конститутивным свойствам обычая (он существует; характеризуется исконностью и длительностью существования; имеет широкое распространение) и его функциям (способности к поддержанию порядка, осуществлению социальной регуляции; выполнению функции регулятора — эталона, ориентира). Так, онтологические мотивы воплощены посредством обращения к производящим основам «быть», «вестись / водиться», «завестись», «повестись», «начаться», «появиться», «передать» и «ветер (поветрие)». Нормативно-регулятивные мотивы передаются наиболее разнообразными средствами. Среди них можно выделить организационные мотивы («ряд», «чин», «череда», «править, заправлять, оправлять», «процедура», «обиходить», «положить», «постановить», «установить»), эталонно-ориентационные мотивы («мода», «дорога», «стопа», «постен», «ум», «привилегия»), социально-регулятивные мотивы («люди», «дед»).

Любопытны логические связи между группами мотивов. Так, регулятивно-нормативные мотивы, реализовавшиеся при образовании лексики обычая, доказывают объективность трактовки обычая как средства управления членами микросоциума. В свою очередь, онто-

логические мотивы фиксируют конститутивные свойства понятия «обычай» (он признан и исполняется членами сообщества, поэтому в совокупности с прочими обычаями становится «средой обитания» человека; обычай «бытует», снабжая человека жизненным опытом, эмпирическим материалом), а ментально-психологические мотивы вскрывают механизм действия обычаев (образ жизни, элементы порядка усваиваются человеком, интериоризируются; «внешнее» преобразовывается во «внутреннее»).

Таким образом, объектом нашего исследования явилось, с одной стороны, слово *обычай*, с другой стороны, понятие «обычай» и средства его вербализации в русском языке. Материалы данной книги со всей очевидностью доказывают, во-первых, сохранение многозначности слова *обычай*, которую следует принимать во внимание при использовании слова в качестве научного термина, во-вторых, недостаточную изученность большого фонда лексем, представленных в лексикографических источниках синонимами слова *обычай*, в то время как их системный анализ позволяет извлечь информацию, ценную для понимания традиционной народной культуры.

Взгляд на обозначения понятия «обычай» через призму этнолингвистики позволяет говорить о том, что феномен, выступающий объектом номинации, толкуется в первую очередь как схематичный образ действий и в этом качестве осмысливается как практическая инструкция. Обычай — имеющая утилитарное назначение схема действий, сложившаяся, как правило, в жизненной практике, осознаваемая как привычная, поддерживаемая авторитетом предков и поэтому не отвергаемая и не критикуемая, усваиваемая человеком постепенно в силу наблюдаемости, повторяемости и наличия представлений о длительности существования и общераспространенности, «интериоризируемая» в виде привычного образа действий, принимаемого человеком за основу при выборе моделей поведения, при организации быта, исполнении обряда и т.д.

Концептуализация обычая в виде нормы «естественного происхождения» и, как следствие, внутреннего механизма социальной регуляции, «руководства к действию» подтверждается анализом спектра значений слова *обычай*, свойственных ему в современном русском литературном языке, в русских диалектах и на предшествующих этапах развития языка. Среди них представлены семемы ‘порядок орга-

низации быта или ритуала, обряда', 'закон', 'способ действия'. Эти значения указывают на то, что обычай понимается как мера, мерило правильности организации жизни человека и общества и ориентация на заданные модели действия является основой социальной регуляции. Семантика измерения безотносительно к социуму свойственна слову обычай в былинах, где оно служит обозначением физического параметра — силы человека. Ономазиологический подход к исследованию обозначений обычая также подтверждает актуальность нормативно-регулятивных мотивов, ср. обращение номинатора к производящим основам «ряд», «чин», «череда», «процедура», «постановить», «установить», «дорога», «стопа» и др.

При этом норма подразумевает не идеальное, а обычное положение дел и может иметь любое качество — быть одобряемой или странной, вызывающей недоумение. Возможность оценки обычая как сумасбродства, странности реализуется в мотивации диалектных обозначений обычая (*прихоть*, *чудородие* и др.).

Идея интериоризации внешних социальных моделей (обычай трактуется как порядок действий или часть такого порядка), их преобразования в ментальную категорию «норма организации жизни» находит выражение в выборе номинатором мотивировочных признаков «привыкать», «верить», «вадиться» и т.д., а также в приобретении словом значений 'вкус, склонности, обусловленные привычкой', 'ментальная установка'.

Поведенческая трактовка обычая как комплекса привычек, нравственных качеств, проявлений характера человека воплощается в значениях 'натура, суть', 'характер человека', 'повадки животных'. Они косвенно свидетельствуют о безыскусственности появления обычаев — моделей поведения и организации жизни, установления распорядка действий.

Обычай, как показывает мотивационный анализ его обозначений, имеет бытийные характеристики: он появляется и «ведется», обладает свойствами исконности, длительности существования, широкого распространения.

Таким образом, обозначения обычая принадлежат к лексическим маркерам социальной регуляции в языке традиционной культуры и фиксируют трактовку соответствующего феномена действительности как основанной на естественных механизмах развития обществ технологии передачи последующим поколениям образцов организации жизни человека и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря: весенне-летний цикл / отв. ред. С. М. Толстая. — Москва: Индрик, 2002. — 814 с.
2. Адоньева С. Б. Причитание: ритуальный текст и посвятельная процедура // Русский фольклор: материалы и исследования. — Санкт-Петербург: Наука, 2004 — Т. XXXII. — С. 130–145.
3. Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России XVIII — начало XIX в. / ред. В. К. Гарданов ; Ин-т этнографии АН СССР. — Москва: Наука, 1984. — 254 с.
4. Алексеевский М. Д. Застолье в обрядах и обрядовом фольклоре Русского Севера XIX–XX вв. (на материале похоронно-поминальных обрядов и причитаний): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Москва, 2005. — 28 с.
5. Алексеевский М. Д. Мотив оживления покойника в севернорусских поминальных причитаниях: текст и обрядовый контекст // Антропологический форум. — 2007. — № 6. — С. 227–262.
6. Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. — Москва: Гнозис, 2005. — 325 с.
7. Алимова Б. М. Брак и свадебные обычаи в прошлом и настоящем. — Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1989. — 119 с.
8. Анисимов А. П. О правовых обычаях // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2009. — № 11. — С. 105–110.
9. Антонякова Д. Фразеологические единицы русского языка, связанные с обычаями и обрядами: дис. ... канд. филол. наук / Рост. гос. ун-т. — Ростов-на-Дону, 1995. — 144 с.
10. Апресян Ю. Д. Проблема фактивности: знать и его синонимы // Вопросы языкознания. — 1995. — № 4. — С. 43–63.
11. Апухтина Н. Г., Сафонова Н. А. Традиционная обрядовая культура в контексте культурологических исследований: обзор подходов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. — 2012. — Т. 31. — № 3. — С. 57–63.
12. Артеменко Е. Б. Язык русского фольклора и традиционная народная культура // Славянская традиционная культура и современный мир. — Москва: ГРЦРФ, 2003. — Вып. 5. — С. 7–21.

13. Артемьева А. А. К вопросу о ритуале: этимология и понятие термина // Вестник Московского университета МВД России. — 2010. — № 7. — С. 74–77.
14. Арутюнов С. А. Обычай, ритуал, традиция // Советская этнография. — 1981. — № 2. — С. 97–99.
15. Асанбеков М. К. Традиции и обычаи в динамике образа жизни сельского населения Киргизии: автореф. дис. ... канд. социол. наук. — Москва, 1993. — 23 с.
16. Асташова А. Н. Свадебная обрядность крестьянства Воронежской губернии в пореформенный период (социально-психологический аспект) // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 35. — С. 16–23.
17. Атрошенко О. В. Русская народная хрономимия: системно-функциональный и лексикографический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2013. — 713 с.
18. Афанасьева-Медведева Г. В. Характер репрезентации традиционной вербальной культуры в «Словаре говоров русских старожилов Байкальской Сибири» // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — № 10. — С. 293–299.
19. Бабаев К. Ф. Идеи добрососедства и гостеприимства в народных изречениях дагестанских азербайджанцев // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. — 2009. — № 2009-4. — С. 32–34.
20. Бабич И. Л. Судебная реформа и обычное право в адыгейской общине // Этнографическое обозрение. — 1999. — № 2. — С. 17–30.
21. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. — 2-е изд., испр. — Москва: ЯСК, 2005. — 218 с.
22. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. — Санкт-Петербург: Наука, 1993. — 240 с.
23. Байрамова Л. К., Юнусова Р. Д. Человек гостеприимный: ценности и модели поведения (на материале русских и татарских паремий) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. — 2008. — Т. 150. — № 2. — С. 90–96.
24. Баласанян А. Р. Обычай делового оборота в обязательствах железнодорожного транспорта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Санкт-

- Петербургский университет МВД Российской Федерации. — Санкт-Петербург, 2007. — 22 с.
25. Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области) / ред.-сост. А. М. Мехнецов, худ. В. Валериус [и др.]. — Москва: Современник, 1985. — 390 с.
 26. Балашова Е. Ю. Номинативная плотность лингвокультурного концепта ВЕРА / FAITH в русском и английском языках // Вестник Иркутского государственного университета. — 2010. — № 2. — С. 92–98.
 27. Барсебян А. И. О классификации форм культурной традиции // Советская этнография. — 1981. — № 2. — С. 102–103.
 28. Безгин В. Б. Положение членов крестьянской семьи по правовым обычаям русского села // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 2-2. — С. 12–15.
 29. Белица Т. И., Исаченко О. М. Выражение оценки в высказываниях с оборотом *взять моду что-либо делать* // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. — 2009. — Т. 8. — № 2. — С. 62–67.
 30. Белкин А. А. Обычай и обыкновения в государственном праве // Правоведение. — 1998. — № 1. — С. 35–36.
 31. Беляева Н. Ф. Использование народных средств нравственного воспитания в современной практике подготовки духовно нравственной личности // Интеграция образования. — 2011. — № 4. — С. 60–66.
 32. Белякова С. М. Прошлое и будущее в диалектной картине мира // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2005. — № 2. — С. 79–88.
 33. Березович Е. Л. Деривационная семантика русского в русских народных говорах // Русский язык в научном освещении. — 2011а. — № 2 (22). — С. 5–32.
 34. Березович Е. Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания. — 2004. — № 6. — С. 3–24.
 35. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. — Екатеринбург, 2000. — 532 с.

36. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования. — Москва: Индрик, 2007. — 600 с.
37. Березович Е. Л., Леонтьева Т. В. Языковой образ дурака: Этнолингвистический аспект // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения акад. Н. И. Толстого. — М., 2004. — С. 368–384.
38. Березович Е. Л., Рут М. Э. Ономазиологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания // Известия Уральского гос. ун-та. Гуманитарные науки. — № 17 (2001). — Вып. 3. — С. 33–38.
39. Бесолова Е. Б. Язык и обряд: похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте ее текстуально-вербального выражения. — Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. — 406 с.
40. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко ; СПбГУ ; Межкаф. словарный каб. им. Б. А. Ларина. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. — 926 [2] с.
41. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. — Москва: Наука, 1978. — 311 с.
42. Бобровников В. О. Обычай как юридическая фикция: «традиционный ислам» в религиозном законодательстве постсоветского Дагестана // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. — 2007. — № 1. — С. 101–110.
43. Бобунов А. М. Наименования осадков в текстах английских и русских фольклорных песен: сопоставительный анализ // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2010. — Т. 1. — № 2. — С. 151–158.
44. Бобунова М. А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические основания, практические результаты и перспективы: дис. ... д-ра филол. наук. — Курск, 2004. — 443 с.
45. Богатырев П. Г. Язык фольклора // Вопросы русского языкознания. — 1973. — № 5. — С. 106–116.
46. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкин. — Москва: Добросвет, 2000. — 387 с.
47. Болхоева А. Б. Репрезентация концепта «гостеприимство» в русском и английском языках // Язык и национальное сознание. — Вып. 2. — Воронеж: Истоки, 1999. — С. 55–62.

48. Бондырева С. К. Традиции: стабильность и преемственность в жизни общества: учеб. пособие для вузов. — Москва: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2004. — 280 с.
49. Бочарникова М. М. Англоязычные заимствования в дискурсе российских телевизионных программ о моде (на материале наименований одежды) // Ярославский педагогический вестник. — 2012. — Т. 1. — № 2. — С. 188–191.
50. Бунчук Т. Н. Словарь русского говора села Лойма как источник этнокультурных сведений // Научный диалог. — 2012. — № 3: Филология. — С. 63–90.
51. Бунчук Т. Н. Языковой портрет говора села Лойма Прилузского района Республики Коми // Научный диалог. — 2014. — № 4 (28): Филология. — С. 6–29.
52. Бутакова Н. А. Обычаи и обыкновения в коммерческой деятельности // Научные труды Северо-Западного института управления. — 2011. — Т. 2. — № 1. — С. 140–149.
53. Бутенко А. П. Общественный прогресс и его критерии. — Москва: Знание, 1980. — 64 с.
54. Былины. Исторические песни. Баллады / сост. В. Ковпик, А. Калугина. — Москва: Эксмо, 2008. — 662 с.
55. Вакуленко Л. В. Погребальные обычаи населения Прикарпатья в поздне римский период (по археологическим данным) // Археологические вести. — 2011. — № 17. — С. 136–143.
56. Валеев Д. Ж. Обычное право и начальные этапы его генезиса // Правоведение. — 1974. — № 6. — С. 10–18.
57. Варбот Ж. Ж. Этимологические гнезда и лексико-семантические поля // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Междунар. конгр. исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2007 г.): труды и материалы / сост. М. Л. Ремнева, А. А. Поликарпов. — Москва: МАКС Пресс, 2007. — С. 45–46.
58. Васильев А. А. Учение славянофилов об обычае как источнике права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Право. — 2009. — № 40 (173). — С. 6–10.
59. Васильев А. Д. Вербализация концепта «вера» в текстах средств массовой информации // Личность, творчество и современность: сб. науч. тр. — Красноярск, 2001. — Вып. 4. — С. 220–227.

60. Васильев И. Обозрение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний. — Казань: Типолитография Императ. ун-та, 1906. — 88 с.
61. Васильева Т. А. Проблемы соотношения судебного прецедента как источника права с обычаем // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. Юридические науки. — 2011. — № 2. — С. 19–21.
62. Вдовина Т. В. Мода, образ, дискурс: механизм воздействия моды на человека // Общественные науки. — 2011. — № 6. — С. 92–95.
63. Велим Е. С. Заимствованная лексика как составляющая молодежного сленга в современных молодежных печатных СМИ // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. — 2013. — № 6. — С. 115–119.
64. Вепрева И. Т. О языковой рефлексии на словесное обновление современной эпохи // Русский язык сегодня: активные языковые процессы конца XX века: сборник статей / под ред. Л. П. Крысина. — Москва, 2003. — С. 402–421.
65. Веснина Г. Ю. Эволюция лексических средств выражения понятия «норма» в русском языке // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых: мат-лы Всероссийской молодежной конференции / отв. ред. Т. А. Демешкина. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — С. 87–89.
66. Винантова И. В. Структурно-синтаксические закономерности выражения речевого акта «приглашение (в гости)» в русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2010. — № 3. — С. 41–44.
67. Винтина С. Г. Семейно-праздничная обрядность русского населения мордовского края на рубеже XIX–XX вв. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. — 2010. — Т. 13. — № 1. — С. 202–217.
68. Ворошилова С. В. Наследование женщин по закону и по обычаю в России в XIX веке // Правовая культура. — 2009. — № 2. — С. 35–45.
69. Гаврилов Б. Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний. — Казань: Православ. миссион. о-во, 1880. — 190 с.
70. Галинова Н. В. Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’ в говорах Русского

- Севера: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. — 19 с.
71. Гамзатова А. Ш. О принудительных «гостеваниях» в Дагестане XIX — начала XX вв. // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. — 2012. — № 2. — С. 17–20.
 72. Гарипова Г. Р. Концепт «Гостеприимство» в русском и английском языках (на материале фразеологизмов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2010. — 23 с.
 73. Гимбатова М. Б. Коммуникативные формы поведения ногайцев в обычае взаимопомощи «шаьвшеке» // Изучение культурного наследия народов России — актуальная задача: мат-лы Всероссийской научно-теоретической конференции. — Махачкала: Эпоха, 2007. — С. 146–150.
 74. Гиндин Л. А. Обряд погребения Аттилы (IORD.XLIX, 256–258) и «тризна» Ольги по Игорю // Советское славяноведение. — 1990. — № 1. — С. 65–67.
 75. Глебкин В. В. Ритуал в советской культуре. — Москва: Янус-К, 1998. — 168 с.
 76. Головкин Р. Б. Обычай в механизме обеспечения правомерного поведения личности // Вестник Владимирского юридического института. — 2008. — № 1. — С. 110–114.
 77. Гревцова Т. Е. Названия обрядового хлеба как мотивирующая основа терминов восточнославянской свадьбы (ареальный аспект) // Научный диалог. — 2012. — № 4. — История. Социология. Культурология. Этнография. — С. 110–123.
 78. Григорьева А. Б. Свадьба Среднего Притоболья (поэзия и обряд): дис. ... канд. филол. наук / Челябинский государственный университет. — Челябинск, 2009. — 226 с.
 79. Грицкевич Ю. Н., Новиков В. Г. Концепт «МОДА» в диалектном дискурсе // Вестник Псковского государственного педагогического университета. — Сер. Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. — 2011. — Вып. 15. — С. 77–80.
 80. Грузнова Е. Б. Похоронные обычаи на Руси в конце XV–XVI вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. — 2005. — № 3. — С. 153–170.
 81. Грязнов Д. Г. Соотношение категорий обычного права и правового обычая в юридической науке: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2001. — 21 с.

82. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика / Рос. акад. наук, Ин-т славяноведения. — Москва: Индрик, 2012. — 935 с.
83. Гура А. В. Из севернорусской свадебной терминологии. (Хлеб и пряники — словарь) // Славянское и балканское языкознание. Карпатско-восточнославянские параллели. Структура балканского текста / отв. ред. Т. М. Судник, Т. В. Цивьян. — Москва: Наука, 1977. — С. 131–180.
84. Дабаева Г. А. Традиция как форма нравственной регуляции общества // Вестник Дагестанского государственного университета. — 2010. — № 5. — С. 81–84.
85. Дарчиева М. В. Вербальный код обрядового текста // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. — 2009. — № 111. — С. 177–181.
86. Дашин А. В. Место и роль обычая в системе социального регулирования архаических обществ // Общество и право. — 2012. — № 2. — С. 15–19.
87. Дашин А. В. Обычное право как структурно-функциональный элемент национальной правовой системы (историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. — Санкт-Петербург, 2006. — 431 с.
88. Девкин В. Д. О неродившихся немецких и русских словарях // Вопросы языкознания. — 2001. — № 1. — С. 85–97.
89. Дей Т. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты обычая кровной мести на территории Российской Федерации // Российский криминологический взгляд. — 2011. — № 1. — С. 412–417.
90. Демичев И. В. Обычай, ритуал и проблема устойчивости социальной системы // Вестник Башкирского университета. — 2009. — Т. 14. — № 3. — С. 963–965.
91. Дзюбан В. В. Традиции, культура и промыслы казачества России: методологические и научно-практические аспекты исследования // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2011. — Т. 17. — № 3. — С. 99–104.
92. Добрин К. Ю. Феномен социальной нормы // Вестник Саратовского государственного технического университета. — 2011. — Т. 3. — № 1. — С. 248–254.
93. Добровольская В. Е. Запреты и предписания, связанные с исполнением похоронно-поминальных причитаний, в традиционной культуре Центральной России (материалы Владимирской и Ярославской

- областей) // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 12. Социальные и эстетические нормативы традиционной культуры: сб. науч. ст. / сост. М. Д. Алексеевский, В. Е. Добровольская. — Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2009. — С. 319–333.
94. Добровольская В. Е. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 2005. — 203 с.
 95. Добровольская В. Е. Нормативы, связанные с поведением женщины за столом, в крестьянской культуре Русского Севера и Центральной России // Коды повседневности в славянской культуре: Еда и одежда / отв. ред. Н. В. Злыднева. — Санкт-Петербург: Алетейя, 2011. — С. 106–116.
 96. Добровольская В. Е. Традиционные нормативы, связанные с народным календарем // Традиционная культура. — 2008. — № 3. — С. 65–80.
 97. Доброниченко Е. В. Функционально-семантические границы ритуального пространства: к вопросу об определении понятий // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2013. — № 6 (81). — С. 7–12.
 98. Дробницкий О. Г. Моральная философия: избранные труды. — Москва: Гардарики, 2002. — 523 с.
 99. Дронова Н. П. Обычаи немецкого карнавала в вербальной репрезентации. — Saarbrücken: LAP, 2013. — 153 с.
 100. Дронова Н. П. Фреймовый подход к моделированию обычая // Когнитивные исследования языка. — 2013. — № 14. — С. 315–321.
 101. Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / отв. ред. И. И. Муллонен. — Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 2011. — 453 с.
 102. Дьяконова А. А. К вопросу о соотношении обычаев и обыкновений международной торговли // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. — 2009. — № 10. — С. 100–112.
 103. Евзлин М. Космогония и ритуал / предисл. В. Н. Топорова. — Москва: Радикс, 1993. — 337 с.
 104. Егорова О. В. Крещение детей у чувашей: обычаи, обряды, традиции // Вестник Чувашского университета. — 2009. — № 4. — С. 39–44.

105. Ерофеева Е. В. Норма: социопсихологический и статистический аспекты // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2011. — № 4. — С. 60–65.
106. Ефанова Л. Г. Категория нормы как объект лингвистического исследования // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2010а. — № 6. — С. 21–24.
107. Ефанова Л. Г. Коммуникативная дистанция как норма речевого взаимодействия (на примере использования некоторых русских местоимений) // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2011а. — № 2. — С. 5–11.
108. Ефанова Л. Г. Норма в языковой картине мира русского человека: монография / Томский политехнический университет. — Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2013. — 492 с.
109. Ефанова Л. Г. Норма как функционально-оценочная категория и способы ее представления в языке: Ч. 1. Структура нормативной оценки // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2008. — № 2. — С. 41–44.
110. Ефанова Л. Г. Норма как функционально-оценочная категория и способы ее представления в языке: Ч. 2. Основные функции нормы // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2009а. — № 4. — С. 101–106.
111. Ефанова Л. Г. Норма милосердия в русской языковой картине мира // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2010б. — № 4. — С. 15–23.
112. Ефанова Л. Г. Оценка безопасности с точки зрения нормы в русской языковой картине мира // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2007. — № 2. — С. 5–10.
113. Ефанова Л. Г. Оценка терпения с позиций нормы и идеала // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2006. — № 5. — С. 53–59.
114. Ефанова Л. Г. Семантика меры и нормы в значениях производных единиц // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2009б. — Т. 4. — С. 5–19.
115. Ефанова Л. Г. Семантика нормы в русских глаголах ментальной деятельности // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2011б. — № 3. — С. 5–9.

116. Ефанова Л. Г. Семантическая категория нормы в аспекте структурных составляющих нормативной оценки: монография. — Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2012. — 220 с.
117. Ефанова Л. Г. Функционально-семантическое поле нормы в русском языке: монография. — Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2012. — 220 с.
118. Ефименко П. С., Архипова А. С. Обычаи и верования крестьян архангельской губернии: монография / науч. ред. А. С. Архипова; Российский государственный гуманитарный университет, Центр типологии и семиотики фольклора. — Москва: Объединенное гуманитарное издательство, 2009. — 557 с.
119. Жильцов С. В. Правовой обычай кровной мести как источник смертной казни древнерусского права // Право и образование. — 2012. — № 4. — С. 120–123.
120. Журавлева Н. Г. Модное слово и модный стиль нашего времени: динамика русского языка // Социально-гуманитарные знания. — 2012. — № 11. — С. 135–141.
121. Журавлева Н. Г. Феномен «модного» слова: динамический аспект // Образование. Наука. Инновации: южное измерение. — 2010. — № 11. — С. 83–89.
122. Зализняк А. А. Гости как мероприятие в русском языке и картине мира // Россия. Русистика. Россияведение: Кн. 1: Язык. История. Культура / отв. ред. Е. И. Пивовар. — Москва: РГГУ, 2010. — С. 100–114.
123. Занозина Л. О. Терминологическая микросистема «обрядовые яства» в единой терминосистеме календарной обрядности Курского региона // Исследования по лингвофольклористике. — Курск: Изд-во Курск. пед. ун-та, 1994. — Вып. 1. — С. 47–52.
124. Зеленин Д. К. Избранные труды: статьи по духовной культуре: 1901–1913 / вступ. ст. Н. И. Толстого, с. 9–25; коммент. Т. А. Агапкиной и др. — Москва: Индрик, 1994. — 397 с.
125. Золотых Л. Г. Семиотика культуры и формирование фразеологической семантики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2006. — № 3. — С. 15–20.
126. Зорин Н. В. Русский свадебный ритуал / РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — Москва: Наука, 2001. — 248 с.

127. Зумбулидзе Р. З. Обычное право как источник (форма) гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Волгоградская академия МВД РФ. — Волгоград, 2003. — 25 с.
128. Зыкин И. С. Обычаи и обыкновения в международной торговле: дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 1979. — 193 с.
129. Иванова А. А. «Петровская кила по зорям ходила...» // Живая старина. — 2013. — № 3 (79). — С. 7–10.
130. Иванова Н. П. Свадебная традиция удмуртов бассейна реки Вала: автореф. дис. ... канд. искусствоведения. — Москва, 2004. — 24 с.
131. Иващенко О. В. Концепт «вера» в современном русском языке // Актуальные проблемы языкознания и методики обучения иностранным языкам. — Воронеж, 2000. — С. 186–187.
132. Ивлева Л. М. Ряженье в русской традиционной культуре / Рос. ин-т истории искусств. — Санкт-Петербург, 1994. — 236 с.
133. Игнатович Т. Ю. Доминанты русской языковой картины мира в региональной реализации // Гуманитарный вектор. — 2009. — № 4. — С. 76–80.
134. Извекова Т. Ф. Некоторые особенности речевой характеристики персонажей в произведениях Ф. М. Достоевского // Мир науки, культуры, образования. — 2010. — № 4–2. — С. 54–56.
135. Измаилов Г. М. О традиционном обычае посвящения коня умершему у народов Дагестана // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. — 2011. — № 3. — С. 17–20.
136. Исследования в области балто-славянской духовной культуры: погребальный обряд. — Москва: Наука, 1990. — 254 с.
137. Кабакова Г. И. «Пусть выть уляжется, а лень привяжется» // Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика: у част академика Светлане Толстој. — Београд: САНУ, Одељење језика и књижевности, 2008. — С. 178–186.
138. Казнина Е. Б. Концепт «вера» в диалогическом христианском дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. — Москва, 2004. — 249 с.
139. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы XIX — начала XX в.: Зимние праздники: научное издание. — Москва: Наука, 1971. — 347 с.
140. Калмыкова Е. В. Обряд колядования как текст — структура, семантика, лексика, классификация колядок и овсеней: на тамбовском материале: дис. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 2003. — 206 с.

141. Капица Ф. С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: справ. — 3-е изд. — Москва: Флинта: Наука, 2001. — 215 с.
142. Карасева Т. В. Названия пищи в воронежских говорах: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2004. — 250 с.
143. Карпов Ю. Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа / РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). — Санкт-Петербург: Петербург. Востоковедение, 2001. — 413 с.
144. Карцов А. С. Проблема юридического обычая в контексте консервативного правопонимания // Lex Russica = Русский закон. — 2008. — Т. LXVII. — № 3. — С. 455–465.
145. Киреева Ю. Н. Традиции, обычаи и обряды ставропольских крестьян в начале XX века: истоки, состояние и значение: автореф. дис. ... канд. истор. наук / Пятигорский государственный технологический университет. — Пятигорск, 2007. — 26 с.
146. Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. — Москва: Институт русской цивилизации, 2007. — 448 с.
147. Климас И. С. Фольклорная лексикология: своеобразие объекта, состав единиц, специфика лексикологических категорий: дис. ... д-ра филол. наук / Орлов. гос. ун-т. — Орел, 2005. — 408 с.
148. Ковалевская Л. А. Внутренняя форма идиом как носитель культурной коннотации // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2009. — № 4. — С. 238–245.
149. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов: лингвокультурологический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. — Москва, 2009. — 654 с.
150. Козлова В. Н. Обычай делового оборота и деловое обыкновение: проблемы соотношения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 12-2. — С. 96–98.
151. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси / Ленингр. гос. ун-т. — Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986. — 312 с.
152. Колкова Н. А. Русские обрядовые концепты во фразеологическом представлении: дис. ... канд. филол. наук. — Оренбург, 2011. — 294 с.
153. Конаков М. М. Гостеприимство и куначество в этносоциальной традиции балкарцев и карачаевцев: дис. ... канд. истор. наук. — Нальчик, 2005. — 184 с.

154. Коновалова А. С. Обычное право в российской правовой жизни: дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2005. — 173 с.
155. Корнишина Г. А. Традиционные обычаи и обряды мордвы: исторические корни, структура, форма бытования. — Саранск: МГПИ им. М. Е. Евсевьева, 2000. — 150 с.
156. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. — 3-е изд., испр. и доп. — Санкт-Петербург: Златоуст, 1999. — 320 с.
157. Костромичева М. В. Словарь свадебной лексики Орловщины. — Орел: ОГУ, 1998. — 218 с.
158. Кочетыгова Н. И. Правовой обычай как источник права России (на примере этнического правового обычая): дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2007. — 226 с.
159. Кравченко А. В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сборник в честь Е. С. Кубряковой. — Москва: Языки славянских культур, 2009. — С. 51–66.
160. Краснов С. Ю. Обычно-правовое регулирование имущественных отношений у донских казаков во второй половине XIX века (историко-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. — Волгоград, 2003. — 202 с.
161. Крашенинникова Ю. А. Русские свадебные приговоры в свете народной терминологии // Традиционная культура. — 2011. — № 3. — С. 70–80.
162. Крашенинникова Ю. А. Похороны «по-репному» (о некоторых фактах похоронно-поминальной обрядности северных русских) // Антропологический форум. — 2009. — № 10. — С. 299–310.
163. Крылова О. Н. Наименования верхней женской одежды в севернорусских говорах: Ономаσιологический и семасиологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. — Санкт-Петербург, 2002. — 235 с.
164. Кузьмина Т. В. Сакральное значение лексемы веник в славянской языковой картине мира // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. — 2010. — № 4. — С. 77–82.
165. Лаврентьева Л. С., Смирнов Ю. И. Культура русского народа: обычаи, обряды, занятия, фольклор. — Санкт-Петербург: Паритет, 2004. — 446 с.

166. Лаптева И. Обычай сильнее закона // Азия и Африка сегодня. — 2007. — № 3. — С. 70–74.
167. Лаптева Л. А. Исследование обычного права народов Российской империи в XIX в. // Государство и право. — 1997. — № 8 — С. 101–109.
168. Ларина Е. И., Наумова О. Б. «Кража — это вечный наш обычай»: умыкание невесты у российских казахов // Этнографическое обозрение. — 2010. — № 5. — С. 3–20.
169. Лебедев С. Я. Традиции, обычаи и преступность: теория, методология, опыт криминологического анализа. — Москва: Межрегион. центр коммерч. безопасности, 1995. — 166 с.
170. Ледовская О. В. Роль традиций в современной культуре: дис. ... канд. филос. наук. — Ставрополь, 2006. — 151 с.
171. Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира: монография / под ред. Е. Л. Березович. — Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. — 280 с.
172. Леонтьева Т. Г., Примако Д. Д. Брак и брачное поведение старообрядцев в XIX в. (на примере г. Ржева Тверской губернии) // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. — 2007. — № 4. — С. 21–28.
173. Лескинен М. В. Концепт “национальный характер / нрав народа” в языке российской науки второй половины XIX века // Диалоги со временем. 2012. — № 39. — С. 148–169.
174. Лисина Е. А. Феномен ритуала в жизни общества (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Оренбург, 2008. — 21 с.
175. Лисицын Н. В. Обычай российского права: дис. ... канд. юрид. наук / Российская академия правосудия. — Москва, 2010. — 214 с.
176. Лобанова Т. В. Основные подходы к изучению проблемы традиции // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. — 2008. — № 1 (9). — С. 70–76.
177. Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. — Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. — 424 с.
178. Лопатин Г. И. Песни, обычаи и верования деревни Бартоломеевка // Живая старина. — 2006. — № 3. — С. 45–48.

179. Лугуев С. А. Об обычаях и обрядах народов Дагестана, связанных с традиционными занятиями населения // Вестник Института истории, археологии и этнографии. — 2009. — № 19. — С. 131–145.
180. Львов А. С. Лексика Повести временных лет / АН СССР, Институт русского языка. — Москва: Наука, 1975. — 368 с.
181. Любецкий С. М. Старина Москвы и русского народа в историческом отношении с бытовою жизнью русских: с описанием рус. нар. быта в прошедшем и начале нынешнего столетий, нравов, обычаев, преданий, гульбищ. — Москва: Евролинц–Монолит, 2004. — 400 с.
182. Любимов Н. С. Концепт угощать / потчевать как неотъемлемая составляющая гостевой культуры // Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых: мат-лы Всероссийской молодежной конференции / отв. ред. Т. А. Демешкина. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. — С. 348–350.
183. Мадюкова С. А. Обряды жизненного цикла: о социально-философском содержании концепта // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия. — 2008. — Т. 6. — № 3. — С. 115–120.
184. Макина А. И. Формы помощи и взаимопомощи в традиционном хакасском обществе: автореф. дис. ... канд. истор. наук / Томский государственный университет. — Томск, 2007. — 23 с.
185. Маковский М. М. Удивительный мир слов и значений: иллюзии и парадоксы в лексике и семантике: учеб. пособие. — Москва: Высшая школа, 1989. — 200 с.
186. Малиновский Б. Научная теория культуры / пер. с англ. И. В. Утехина; вступ. ст. А. Байбурина. — Москва: ОГИ, 2000. — 208 с.
187. Малкандуев А. М. Нравственные аспекты и системный характер традиций этнической культуры. — Нальчик: Полиграфсервис, 2004. — 164 с.
188. Малова О. В. Правовой обычай как источник права основных правовых систем современности: монография / рец.: А. В. Чебунин, А. Н. Бабенко; Федер. агентство по образованию, Иркут. гос. ун-т. — Иркутск: Иркут. ун-т, 2006. — 182 с.
189. Мальцев Г. В. Очерки теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. — Ростов-на-Дону: СКАГС, 1999. — С. 7–94.
190. Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. — 1981. — № 2. — С. 78–96.

191. Марьясова Н. В. Изменчивая прихоть в житейском быту: мода как механизм социальной регуляции // Библиотечное дело. — 2011. — № 24. — С. 27–29.
192. Масленникова Р. Выбор пары — сватовство: пословицы и поговорки в орловском свадебном обряде // И про Вашу честь пословица есть / сост. Р. Масленникова. — Орел, 2004. — С. 60–63.
193. Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX — начала XX в. — Москва: Наука, 1984. — 216 с.
194. Материалы по погребальному обряду удмуртов: сборник научных трудов / отв. ред. М. Г. Иванова, Н. И. Шутова; Удм. ин-т истории, яз. и лит. — Ижевск: УИИЯЛ, 1991. — 183 с.
195. Матлин М. Г. Структура и семантика обряда послесвадебного цикла — посещения молодой / молодыми водного источника // Научный диалог. — 2013. — № 6. — С. 88–110.
196. Махрачева Т. В. Лексика и структура погребально-поминального обрядового текста в говорах Тамбовской области: дис. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 1997. — 222 с.
197. Медведев В. Г. Превращение кровной мести из правового обычая в преступление // Вопросы правоведения. — 2013. — № 2. — С. 374–387.
198. Миклашевская Н. И. Правовая природа обычая делового оборота // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2001. — № 2. — С. 343–358.
199. Миннихметова Т. Г. Традиционные обряды закамских удмуртов: Структура. Семантика. Фольклор. — Тарту: Tartu University Press, 2003. — 258 с.
200. Миронова И. Н. Правовой обычай как источник современного российского публичного права: дис. ... канд. юрид. наук / Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. — Москва, 2009. — 198 с.
201. Митрофанова О. И. Понятие концепта и его эволюции на примере концепта вера // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.): труды и мат-лы: в 2 т. / под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. — Т. 1. — С. 163–165.

202. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. и авт. коммент. О. А. Черепанова. — Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. — 212 с.
203. Михайленко С. Б. Социально-философское прочтение обычая «потлача» (на основе работ Ги Дебора) // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Философские науки. — 2013. — № 2. — С. 69–73.
204. Мокиенко В. М. Образы русской речи: ист.-этимол. и этнолингвист. очерки фразеологии / ЛГУ им. А. А. Жданова. — Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1986. — 278 с.
205. Мокшина Ю. Н. Брак и семья в обычном праве мордвы. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. — 256 с.
206. Морозов И. А., Слепцова И. С. Круг игры: праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). — Москва: Индрик, 2004. — 920 с.
207. Мусаева М. К. Хваршины XIX — начало XX в.: историко-этнографическое исследование / отв. ред. д-р истор. наук М. А. Агларов. — Махачкала: Республиканская газетно-журнальная типография Министерства национальной политики, делам религии и внешних связей, 1995. — 234 с.
208. Мустайоки А., Вепрева И. Т. Какое оно, модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды // Русский язык за рубежом. — 2006. № 2. — С. 45–62.
209. Наумкина В. В. Обычное право кочевых народов Восточной Сибири в правовой системе Российского государства XIX — начала XX в.: дис. ... д-ра юрид. наук / Московский университет МВД Российской Федерации. — Москва, 2010. — 347 с.
210. Невмержицкая Е. В. Этнопедагогический потенциал религиозных праздников и обрядов // Этносоциум и межнациональная культура. — 2010. — Т. 30. — № 6. — С. 149–155.
211. Невская Л. Г. Концепт гость в контексте переходных обрядов // Из работ московского семиотического круга. — Москва: Языки русской культуры, 1997. — С. 442–452.
212. Некрасов М. А. Правовой обычай в современном российском праве: дис. ... канд. юрид. наук / Академия управления МВД Российской Федерации. — Рязань, 2010. — 199 с.

213. Нечипуренко В. Н. Ритуал (опыт социально-философского анализа). — Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2002. — 279 с.
214. Никитина С. Е. О многозначности, диффузии значений и синонимии в тезаурусе языка фольклора // Облик слова: сборник статей памяти Д. Н. Шмелева / РАН. Ин-т рус. языка. — Москва: Русские словари, 1997. — С. 360–373.
215. Никитина С. Е. Человек и социум в народных профессиональных текстах (лексикографический аспект): монография. — Москва: Ин-т языкознания РАН, 2009. — 354 с.
216. Никишин В. В. Судебный прецедент и обычай как источники экологического права стран англо-саксонской и романо-германской правовых семей // Российский судья. — 2011. — № 2. — С. 22–24.
217. Николаев И. В. Речевая мода в дискурсе российской власти (на материалах посланий президента Федеральному собранию РФ 2000–2010 гг.) // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. — 2011. — № 2. — С. 5–20.
218. Новиков В. Словарь модных слов: языковая картина современности. — Москва: АСТ-ПРЕСС, 2011. — 256 с. — (Словари для интеллектуальных гурманов).
219. Огневая Е. И. О соотношении понятий «мода» и «языковая мода» // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников IV Международной научной конференции, 25–26 апреля 2008 г., Челябинск: в 3 т. / отв. ред. Л. А. Нефёдова. — Челябинск: РЕКПОЛ, 2008. — Т. 2. — С. 257–261.
220. Осипова Е. П. Наименования одежды в рязанских говорах (этнолингвистический и лингвогеографический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Москва, 1999. — 26 с.
221. Осипян Б. А. Процессы взаимодействия обычая и права // Современное право. — 2006. — № 4. — С. 51–57.
222. Осовецкий И. А. Об изучении языка русского фольклора // Вопросы языкознания. — 1952. — № 3. — С. 93–112.
223. Панкеев И. А. Обычаи и традиции русского народа. — Москва: Олма-пресс, 1999. — 542 с.
224. Панова М. В. Наименование одежды в русских говорах Воронежской области: этнолингвистический и ареальный аспекты: дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2002. — 296 с.

225. Пантелеев И. В. К проблеме лингвокультурологического описания предметной лексики русских народных говоров (на примере диалектных названий бытовых емкостей) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 3: Филология. — 2007. — № 8. — С. 129–141.
226. Пелипенко М. В. Социальная семантика в структуре диалектного слова (на мат-ле тамбовских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 2009. — 27 с.
227. Першиц А. И. Проблемы нормативной этнографии // Исследования по общей этнографии. — Москва: Наука, 1979. — С. 210–240.
228. Петров И. Г. Одежда как символический заместитель человека в чувашских обычаях и обрядах // Вестник Челябинского государственного университета. — 2010. — № 15. — С. 14–23.
229. Печников А. П. К вопросу о сущности правового обычая в российском гражданском праве (история и современность) // Бизнес в законе. — 2011. — № 2. — С. 56–57.
230. Пилипенко М. В. Социальная семантика в структуре диалектного слова (на материале тамбовских говоров): автореф. ... канд. филол. наук. — Тамбов, 2009. — 27 с.
231. Плахов В. Д. Традиции и общество: опыт философско-социологического исследования. — Москва: Мысль, 1982. — 220 с.
232. Плеханов А. А. Обычное право как социокультурный фактор общественного развития: дис. ... канд. филос. наук. — Саранск, 2006. — 170 с.
233. Плоцкая О. А. Проблемы дефиниции и определения правовой сущности обычая // Вопросы правоведения. — 2013. — № 1. — С. 113–127.
234. Повесть временных лет / подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук. — URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4869>
235. Подюков И. А. Русская диалектная лексика в речи лупыньских коми-пермяков // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2012. — № 3 (19). — С. 14–21.
236. Поздеев В. А. Приговоры дружки в структуре севернорусского свадебного обряда // Жанровая специфика фольклора: межвуз. сб. науч. тр. — Москва, 1984. — С. 60–74.
237. Поляков П. А., Ковязин В. В., Соколова И. В. К вопросу об обычае делового оборота как источнике гражданского права России // Вест-

- ник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2006. — № 3. — С. 178–184.
238. Поляков П. А. Роль обычаев делового оборота в совершенствовании правового регулирования имущественных отношений в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации. — Санкт-Петербург, 2007. — 23 с.
239. Попова Е. А. Диалектная терминология свадебной обрядности (на материале воронежских говоров) // *Philologos*. — 2012. — № 14. — С. 85–91.
240. Попова Е. В. Семейные обычаи и обряды бесермян (начало XX — 90-е годы XX века): автореф. дис. ... канд. истор. наук. — Москва, 1998. — 26 с.
241. Попова И. В. Лексико-семантические и стилистические особенности языка индустрии моды (на материале журналов о моде): дис. ... канд. филол. наук. — Москва, 2007. — 156 с.
242. Праведников С. П. Зеленый в русском песенном фольклоре // *Традиционная культура*. — 2010. — Т. 38. — С. 68–76.
243. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / науч. ред., текстолог. коммент. И. В. Пешкова. — Москва: Лабиринт, 2000. — 336 с.
244. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. — Санкт-Петербург: Азбука: Terra, 1995. — 176 с.
245. Прохачев А. В. Обычай в системе форм права: вопросы теории: дис. ... канд. юрид. наук. — Ростов-на-Дону, 2002. — 152 с.
246. Пьянкова К. В. Лексика, обозначающая категориальные признаки пищи, в русской языковой традиции: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2008. — 251 с.
247. Рамазанова З. Б. Обряды и обычаи производственного цикла у народов Дагестана (XIX–XX вв.) // *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. — 2012. — № 4. — С. 71–79.
248. Рейли М. В. Истоки жизни: русские обряды и традиции. — Санкт-Петербург: Невский проспект, 2002. — 253 с.
249. Решетова Е. Н. Семантика и функции колоратива желтый в текстах русских и немецких народных сказок // *Philologos*. — 2012. — № 13 (2). — С. 80–84.
250. Рогачев В. И. Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор: историко-этнографические, региональные, языковые аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. — Казань, 2004. — 396 с.

251. Рогов В. А., Рогов В. В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права: (очерки IX — середины XVII вв.) / Федер. агентство по образованию, Моск. гос. индустр. ун-т. — Москва: МГИУ, 2006. — 268 с.
252. Родина И. В. Родственно-семейные отношения насилия и зависимости в обычаях и нормах России: исторический аспект // Общество и право. — 2006. — № 3. — С. 17–25.
253. Рудакова А. В. Объективация концепта «быт» в лексико-фразеологической системе русского языка: дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2003. — 213 с.
254. Руднев Д. В. Изменения в семантической структуре слова общество в русском языке XVIII века // Acta Linguistica Petropolitana: труды Института лингвистических исследований. 2009. — Т. V. — № 3. — С. 194–204.
255. Русинова И. И. Представления о «киле» в зеркале пермской диалектной лексики и фразеологии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2012. — № 2. — С. 43–51.
256. Русинова И. И. Процессуальная магическая лексика в говорах Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2009. — № 4. — С. 25–32.
257. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / сост. М. Забылин. — Репринт. воспроизв. изд. 1880 г. — Москва: Книга принтшоп, 1990. — 607 с.
258. Рыбакова Е. В. Тризна: этимология и семантика термина // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. — 2005. — № 2. — С. 57–62.
259. Рычкова Т. А. Словосочетания, называющие повседневные ритуальные действия // Дискуссия. — 2011а. — № 8. — С. 155–156.
260. Рычкова Т. А. Текстовое употребление словосочетаний, обозначающих русские традиции и обычаи // Дискуссия. — 2011б. — № 8. — С. 157–159.
261. Рязанова-Даури В. С. Нравы и обычаи в повседневной культуре хантов и манси: дис. ... канд. культурологи / Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств. — Санкт-Петербург, 2011. — 158 с.
262. Саввинов А. И. Традиционная одежда в обрядах и представлениях долган // Известия Российского государственного педаго-

- гического университета им. А. И. Герцена. — 2011. — № 140. — С. 7–20.
263. Садилов Р. Р. Обряды и обычаи, связанные с рождением ребенка у закамских удмуртов (конец XIX — начало XX в.) // Известия Уфимского научного центра РАН. — 2011. — № 2. — С. 69–75.
264. Сарингулян К. С. Культура и регуляция деятельности: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Ереван: Ин-т философии и права Армянской ССР, 1984. — 19 с.
265. Сатарова Е. В. Гламур и мода // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2010. — № 2. — С. 116–122.
266. Сафронова Е. И. Обычай как форма права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. — Санкт-Петербург, 2007. — 21 с.
267. Свалова Е. Н. Устойчивые словесные формулы в свадебной обрядности Прикамья // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2012. — № 4. — С. 29–37.
268. Седакова О. А. Обрядовая терминология и структура обрядового текста (погребальный обряд восточных и южных славян): дис. ... канд. филол. наук. — Москва, 1983. — 189 с.
269. Седакова О. А. Поэтика обряда: погребальная обрядность восточных и южных славян. — Москва: Индрик, 2004. — 320 с.
270. Селищев А. М. Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком (1917–1926). — 2-е изд., стер. — Москва: Едиториал УРСС, 2003. — 248 с.
271. Семенов И. Н. Традиции кремлевского дипломатического протокола (посольского обычая) XV–XVII веков и их современное значение: автореф. дис. ... канд. истор. наук / Дипломатическая академия МИД Российской Федерации. — Москва, 2007. — 28 с.
272. Сергеева А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. — Москва: Флинта: Наука, 2004. — 323 с.
273. Сивков А. Л. Альтернативные источники парламентских процедур (практика, обычаи, прецедент, толкование регламента) // Государство и право. — 2004. — № 11. — С. 82–84.
274. Синицына И. Е. Обычай и обычное право в современной Африке. История изучения. Кодексы обычного права / отв. ред. А. Б. Давидсон, В. А. Туманов. — Москва: Наука, 1978. — 285 с.

275. Сичинава Н. Г. Слово «закон» в древности и сегодня // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия: сборник мат-лов конференции: ЮФУ, Ассоциация лингвистов-экспертов юга России, ноябрь, 2013. — Ростов-на-Дону, 2013. — URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw3/sichinava_ng.html
276. Скуратова И. Н. Право и обычаи в регулировании деятельности волостных судов Российской империи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. — Владимир, 2007. — 21 с.
277. Смирнова М. Г. Правовой обычай в системе источников российского права // Ленинградский юридический журнал. — 2007. — № 1. — С. 34–54.
278. Смирнова Т. Б. Обычаи ряжения в календарных праздниках немцев Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2009. — № 03. — С. 128–134.
279. Соколов А. И. Социально-регулятивная миссия обычаев и традиций // Вестник Чувашского университета. — 2008а. — № 1. — С. 112–121.
280. Соколов А. И. Традиции и обычаи как регулятивный и социокультурный феномен общества: дис. ... канд. филос. наук / Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова. — Чебоксары, 2008б. — 167 с.
281. Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов, XIX — начала XX в. / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — Москва: Наука, 1979. — 287 с.
282. Соловьева Е. З. Роль традиционной культуры в вопросах духовно-нравственного воспитания молодого поколения // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. — 2011. — № 1. — С. 212–216.
283. Сподина В. И. Многоженство как форма брачных обычаев коренных народов севера: этнические категории нравственности // Вестник Челябинского государственного университета. — 2011. — № 12. — С. 5–9.
284. Станиславйтис Р. И. Обычаи и традиции в механизме социального действия права: дис. ... д-ра юрид. наук. — Вильнюс, 1989. — 364 с.
285. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: словарь. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Академ. проект, 2004. — 991 с.

286. Степанов Ю. С. Концепты: тонкая пленка цивилизации. — Москва: Языки славянских культур, 2007. — 248 с.
287. Сулиман Э. Э. Э. Русское концептуальное поле ВЕРА: на фоне арабомусульманской лингвокультуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. — Москва, 2013. — 24 с.
288. Суменкова М. В. Алкогольные обычаи и привычки древних русичей // Сборники конференций НИЦ Социосфера. — 2010. — № 2. — С. 89–91.
289. Супряга С. В. Анализ доминантной лексики частотных словарей лирических песен старообрядцев Забайкалья, Алтая и Восточного Полесья // Традиционная культура. — 2013. — № 3 (51). — С. 51–60.
290. Суфиев У. М. У. Традиции и инновации в свадебных обычаях и обрядах таджиков долины р. Сох: автореф. дис. ... канд. истор. наук. — Ленинград, 1991. — 16 с.
291. Суханов И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. — Москва: Изд-во политической литературы, 1976. — 216 с.
292. Суханов И. В. Обычаи, традиции и преемственность поколений. — Чита: Изд-во ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского, 1996. — 61 с.
293. Талапова Т. А. Концепт «вера / неверие» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова. — Абакан, 2009. — 22 с.
294. Таратынова Н. Ю. К парадигматике диалектных свадебных наименований // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. — 2007. — № 6. — С. 234–236.
295. Тартинская И. В. Обычай и обыкновение в праве // Право и экономика. — 2007. — № 1. — С. 101–102.
296. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — Москва: Языки русской культуры, 1996. — 288 с.
297. Тимошевская Т. А. Национально-культурные особенности функционирования концепта «Вера»: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук / Ставроп. гос. ун-т. — Краснодар, 2012. — 154 с.
298. Тирских М. Г., Черняк Л. Ю. Соотношение традиции с обычаем и правом: компаративистские аспекты // Сибирский юридический вестник. — 2013. — № 2. — С. 100–107.
299. Тирских М. Г., Черняк Л. Ю. Стереотипизация социального поведения: правовые и иные социальные регуляторы общественных отно-

- шений // Академический юридический журнал. — 2009. — № 37. — С. 4–11.
300. Титарчук А. А. Обычай и право (вопросы взаимосвязи и взаимодействия): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Харьков, 1995. — 15 с.
301. Тиунов О. И. Влияние международных договоров и международно-правовых обычаев на национальное законодательство // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. — 2009. — № 11. — С. 269–286.
302. Тихомирова А. В. Лапоть в русской диалектной фразеологии // Живая старина. — 2011. — № 2. — С. 53–56.
303. Тихомирова А. В. Символика наименований одежды и обуви в русской диалектной лексике и фразеологии свадебного обряда // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2013. — № 1. — С. 43–50.
304. Токарев С. А. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: конец XIX — начало XX в.: летне-осенние праздники. — Москва: Наука, 1978. — 294 с.
305. Толкачева С. В. Гендерная специфика обычаев одаривания в русских свадебных обрядах Удмуртии // Ежегодник финно-угорских исследований. — 2011. — № 4. — С. 99–112.
306. Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира // Русский язык в научном освещении. — 2002. — № 1 (3). — С. 112–127.
307. Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. — Москва: Индрик, 2008. — 528 с.
308. Толстая С. М. Семантические категории языка культуры: очерки по славянской этнолингвистике. — Москва: URSS, 2010. — 368 с.
309. Толстая С. М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы. — Москва: Наука, 1989. — С. 215–229.
310. Толстой Н. И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. — Москва: Индрик, 1995. — 513 с.
311. Топоров В. Н. К семантике троичности (слав. *trǐzna* и др.) // Этимология. 1977. — Москва, 1979. — С. 3–21.
312. Традиционные и современные модели гостеприимства: материалы Российско-французской конференции, Москва, РГГУ, 7–8 октября

- 2002 г. / Рос. гос. гуманит. ун-т, Ин-т высш. гуманитар. исслед., Ун-т им. Б. Паскаля, Центр изучения новых и новейших лит. — Москва: Изд-во РГГУ, 2004. — 262 с.
313. Трапаидзе К. З. Понятие преступных традиций и обычаев // Ленинградский юридический журнал. — 2008. — № 4. — С. 201–215.
314. Триль Ю. Н. Особенности развития теории обрядности в работах российских авторов // Новые технологии. — 2007. — № 4. — С. 7–12.
315. Триль Ю. Н. Ритуал в традиционной культуре // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена: аспирантские тетради. — Санкт-Петербург, 2008. — № 27 (61). — С. 263–268.
316. Триль Ю. Н. Социокультурные функции обряда (на материалах народов Северного Кавказа): автореф. дис. ... канд. социол. — Майкоп, 2009. — 19 с.
317. Трофимов Я. В., Краснов С. Ю. Законодательное определение обычая не позволяет считать его источником гражданского права России (к постановке проблемы) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. — 2012. — № 2. — С. 148–153.
318. Трубачев О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси / Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — 3-е изд., доп. — Москва: Наука, 2005. — 286 с.
319. Трубачев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя / предисл. Г. А. Богатовой-Трубачевой. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва: КомКнига, 2006. — 240 с. — (Лингвистическое наследие XX века.)
320. Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура: в 4 т. — Москва: Языки славянской культуры, 2004–2009. — Т. 1. — 2004. — 800 с.; Т. 2. — 2005. — 664 с.; Т. 3. — 2008. — 800 с.; Т. 4. — 2009. — 696 с.
321. Турбина О. А., Захарова Т. В. Отражение социальной значимости гостеприимства в русских поговорках // Вестник Южно-уральского государственного университета. Сер. Лингвистика. — 2008. — № 16. — С. 46–53.
322. Убийко В. И. Концепт «вера» в концептосфере русского языка // Актуальные проблемы современного языкознания: мат-лы научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры общего

- и сравнительно-исторического языкознания Башгосуниверситета. — Уфа, 1998. — С. 189–192.
323. Усейну Талл. Семантика и употребление единиц семантического поля гость: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 2011. — 19 с.
324. Фатыхова Ф. Ф. Традиционные обряды и обычаи башкир, связанные с рождением и смертью: автореф. дис. ... канд. истор. наук. — Санкт-Петербург, 1994. — 21 с.
325. Федяева Н. Д. Норма в кругу семантических категорий русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. — 2009. — № 2. — С. 240–246.
326. Федяева Н. Д. Семантика нормы в русском языке: функциональный, категориальный, лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Барнаул, 2010. — 33 с.
327. Федянович Т. П. Семейные обычаи и обряды финно-угорских народов Урало-Поволжья (конец XIX века — 1980-е годы) / РАН, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — Москва, 1997. — 183 с.
328. Филатова В. Ф. Обряд и обрядовая лексика в этнолингвосомиотическом аспекте: на мат-ле говоров вост. части Воронежской обл.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 1995. — 22 с.
329. Финько О. С. Лексика свадебного обряда Кубани: дис. ... канд. филол. наук. — Славянск-на-Кубани, 2011. — 248 с.
330. Флиер А. Я. Культура как эволюция программ социальной активности: инстинкт — обычай — рациональное поведение // Вопросы социальной теории. — 2012. — Т. 6. — С. 273–284.
331. Хапчаев И. А. Понятие «традиция» и воздействие русских обычаев на нравы горцев Северного Кавказа // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2012. — № 3. — С. 289–295.
332. Хлеб в народной культуре: этногр. очерки / ред. С. А. Арутюнов, Т. А. Воронина; РАН, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — Москва: Наука, 2004. — 413 с.
333. Холтобина А. С. Диалектизмы в былинных текстах Т. Г. Рябинина // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2013. — № 3-1 (27). — С. 166–174.
334. Хомяков А. С. Всемирная задача России / авт. предисл. В. Зеньковский. — Москва: Институт русской цивилизации, 2008. — 780 с.

335. Хроленко А. Т. Лингвофольклористика: листовая годы и страницы. — Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2008. — 231 с.
336. Хроленко А. Т. Семантика фольклорного слова: монография. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. — 139 с.
337. Хунагова А. Р. Вербализация и текстовая репрезентация концепта «мода» (на мат-ле русского, английского и адыгейского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Майкоп, 2013а. — 21 с.
338. Хунагова А. Р. Функционально-семантические особенности концепта «мода» в русском и английском языках // Вестник адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. — 2013б. — № 1 (114). — С. 180–184.
339. Чапенко С. А. Особенности концептуализации суточного круга времени в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Архангельск, 2005. — 27 с.
340. Царегородская Е. В. Правовой обычай: сущность и механизм действия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Северо-Западная академия государственной службы. — Санкт-Петербург, 2004. — 24 с.
341. Чепис Е. В. Вопросы соотношения торгового обычая и закона // Вестник Курганского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. — 2008. — № 14. — С. 124–126.
342. Черных А. В. Хрононимы в русских говорах Пермского края // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2010. — № 6. — С. 7–12.
343. Черных А. В. Обычаи, связанные с домашним скотом, в календарной обрядности русских Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2007. — Т. 31. — № 3. — С. 135–144.
344. Черняк Л. Ю. Правила дипломатического протокола как разновидность международного обычая // Сибирский юридический вестник. — 2012. — № 4. — С. 115–121.
345. Черняк М. Модная литература в контексте трендов и брендов // Библиотечное дело. — 2011. — № 24. — С. 2–5.
346. Чибисов Д. Г. Соотношение права и обычая: дис. ... канд. юрид. наук / Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. — Владимир, 2008. — 176 с.
347. Чурсина О. В. Лексикографические источники как один из способов экспликации концептов (на примере концепта «мода» в английском и русском языках) // Гуманитарные исследования. — 2008. — № 3. — С. 71–77.

348. Чурсина О. В. Реализация концепта «мода» на лексическом уровне (на мат-ле английского языка) // Гуманитарные исследования. — 2007. — № 3. — С. 13–17.
349. Шацкая М. Ф. Обычай — обыкновение — международное право // Русская речь. — 2006. — № 4. — С. 86–89.
350. Шацкая Ж. Ю. Взаимодействие концептов «мода», «стиль» и «fashion», «style» в русской и английской картинах мира // Казанская наука. — 2011. — № 3. — С. 103–105.
351. Шацкая Ж. Ю. Метафорическое моделирование как способ репрезентации концепта «мода» // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2014. — № 1 (15). — С. 224–229.
352. Шевцов В. В. Карточная игра в России (конец XVI — начало XX в.): история игры и история общества / ред.: А. Н. Жеравина, Э. Л. Львова; Федер. агентство по образованию, Том. гос. ун-т. — Томск: ТГУ, 2005. — 244 с.
353. Швецова В. М. Экспериментальное исследование содержания концепта «вера» (на примере словарных дефиниций) // Вопросы современной науки и практики. — 2006. — № 4(5). — С. 117–120.
354. Шигурова Т. А. Этносоциальные функции традиционной женской одежды в обычаях и обрядах мордвы: дис. ... канд. истор. наук. — Саранск, 2003. — 301 с.
355. Шитова С. Н. Пояс в обычаях и мифологии башкир // Этнографическое обозрение. — 2006. — № 6. — С. 154–164.
356. Щанкина Л. Н. Семейные обряды мордвы Западной Сибири // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. — 2010. — Т. 13. — № 1. — С. 112–125.
357. Эльмурзаева А. Д. Обычай взаимопомощи в хозяйственной деятельности народов Дагестана: XIX — начало XX века: дис. ... канд. истор. наук / Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук. — Махачкала, 2009. — 175 с.
358. Энциклопедия русских обычаев: энциклопедия / сост. Н. А. Юдина. — Москва: Вече, 2001. — 512 с.
359. Этнокультурные процессы: традиции и современность / ред. В. А. Дмитриев; Гос. музей этнографии народов СССР. — Ленинград, 1991. — 267 с.
360. Югай Е. Ф. Ключевые образы плача: дис. ... канд. филол. наук. — Москва, 2011. — 250 с.

361. Яговдик Е. В. Трансформации ритуала в культурно-эволюционном процессе (философско-культурологический анализ): дис. ... канд. филос. наук. — Белгород, 2005. — 134 с.
362. Яковлева М. Н. Обычаи алтайского этноса как регулятор современных социальных процессов в Республике Алтай: автореф. дис. ... канд. социол. наук / Тюменский государственный университет. — Тюмень, 2007. — 20 с.
363. Янышкова И. О названиях бесплатной помощи соседям в чешском языке // Етнолингвистичка проучавања српског и других словенских језика: у част академика Светлане Толстој. — Београд: САНУ, Одељење језика и књижевности, 2008. — С. 433–439.

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. — Москва: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 1980–2010. — Вып. 1–13.

АС — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области: акчимский словарь. — Пермь, 1984–2011. — Вып. 1–6.

АТЛ — Архив Т. В. Леонтьевой (записи, осуществленные в 2009 г.).

БПС — Большой психологический словарь / Н. Н. Авдеева и др.; под ред. В. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. — 3-е изд., доп. и перераб. — Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2006. — 666 с.

БРР — Българско-руски речник / Алберт Кошелев. — София: Наука и изкуство, 2003. — 840 с.

БРС — Болгарско-русский словарь / сост. С. Б. Бернштейн. — Москва: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1953. — 888 с.

БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики; Каф. общ. и сравнительн. языкознания. — Москва: Русские словари: Астрель: АСТ, 2003. — 608 с.

БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / Ин-т лингвист. исслед.; авт., сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург: НОРИНТ, 1998. — 1535 с.

Великорусские... — Великорусские народные песни / изд. проф. А. И. Соболевским. — Санкт-Петербург, 1895–1907. — Т. I–VII.

Грандилевский, 1907 — Грандилевский А. Родина Михаила Васильевича Ломоносова: областной крестьянский говор. — Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1907. — 304 с.

Гринченко — Словарь украинского языка: в 4 т. / сост. Б. Д. Гринченко. — Київ: Друкарня видавництва АН УРСР, 1958–1959. Репринт с изд.: Київ, 1907–1909. Т. 1–4.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — Москва: Русский язык, 1981–1982. Репринт с изд.: Москва, 1880–1882. Т. I–IV.

Деул. сл. — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / под ред. И. А. Оссовецкого. — Москва: Наука, 1969. — 612 с.

Дилакторский — Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. — Вологда, 1902. (Рукоп. Института русского языка АН СССР).

ДО — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. — Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1858. — 328 с.

Дуров, 2011 — Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / отв. ред. И. И. Муллонен. — Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 2011. — 453 с.

Дьяченко — Полный церковно-славянский словарь со внесениемъ въ него важнейшихъ древне-русскихъ словъ и выражений / сост. протоиерей Г. Дьяченко. — Москва: Типография Вильде, 1900. — XXXVIII, [2], 1120 с.

ЕСУМ — Етимологичний словник української мови: у 7 т. / голов. ред. О. С. Мельничук. — Київ: Наукова думка, 1982–2006. — Т. 1–5.

Ефремова — Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. — Москва: Дрофа: Русский язык, 2000. — 1233 с.

Жолковский, Мельчук — Жолковский А. К., Мельчук И. А. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Опыты семантико-синтаксического описания русской лексики. — Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1984. — 993 с.

Зимин — Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. — Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. — 736 с.

Зотов, 2010 — Зотов Г. В. Словарь региональной лексики крайнего северо-востока России: около 6000 слов и выражений / под ред. А. А. Соколянского. — Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. — 539 с.

Иллюстров — Иллюстров И. И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках: сборник русских пословиц и поговорок. 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1915. — XIII, [2]. — 480 с.

КА — Каргопольский архив этнолингвистической экспедиции РГГУ.

Князь..., 1988 — Князь Роман и братья Витники // Былины. — Москва: Сов. Россия, 1988. — (Библиотека русского фольклора) — Т. 1. — С. 300–309.

Козарин..., 2001 — Козарин: [былина] № 268 // Былины: в 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — Санкт-Петербург: Наука; Москва: Классика, 2001—... — (Свод рус. фольклора). — Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001. — С. 288–290.

Коринфский — Коринфский А. А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Изд-е книгопродавца М. В. КЛЮКИНА. — Москва: Моховая, домъ Бенкендорфъ, 1901; Смоленск: Русич, 1995. — 656 с. — URL: <http://booksite.ru/fulltext/kor/inp/hsky/42.htm>

Коркин — Коркин П. В. По-вятски. Словарь диалектизмов. Слова, употреблявшиеся в речи жителей деревни Редькино и малой её округи. — URL: <http://www.redkino58.narod.ru/content/vyat.html#clovar>

Котельников — Котельников Г. А. Диалекты вятского народа. Конец XIX и первая половина XX в. — URL: <http://www.redkino58.narod.ru/content/vyatdialekt.html>

КРС — Безносилова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-русский словарь. — Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2000. — 812 с.

Крысин — Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов: около 25 000 слов и словосочетаний. — Москва: Русский язык, 1998. — 847 с.

КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького, ныне — Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина).

КСРНГ — Картотека словаря русских народных говоров (Институт лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).

Куликовский — Куликовский Г. И. Словарь областного олонцкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. — Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1898. — 151 с.

ЛК ТЭ — Лексическая картотека топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета имени Первого Президента Б. Н. Ельцина, Екатеринбург).

Малеча — Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. — Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2002–2003. — Т. 1–4.

Михельсон — Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). 2-е изд., пересмотр. и значительно пополненное. — Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1896. — 598 с.

Мосеев — Мосеев И. И. Поморьска говора: Краткий словарь поморского языка / И. И. Мосеев. — Архангельск, 2005. — 138 с.

Народные русские сказки..., 1985— Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 томах. — Москва: Наука, 1984–1985. — (Лит. памятники).

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. — URL: www.ruscorgo.ru.

Новичкова — Русский демонологический словарь / авт.-сост. Т. А. Новичкова. — Санкт-Петербург: Петербургский писатель, 1995. — 640 с.

НОС — Новгородский областной словарь / Институт лингвистических исследований РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. — Санкт-Петербург: Наука, 2010. — XXVII, 1435 с.

Носович — Носович И. И. Словарь белорусского наречия. — Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1870. — Т. 1–2.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря. — Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1852. — 275 с.

Опыт СГКО — Опыт словаря говоров Калининской области / Т. В. Кириллова и др.; под ред. Г. Г. Мельниченко. — Калинин, 1972.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров / ВятГГУ ; под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. — Киров: Коннектика: Изд-во ВятГГУ: Радуга-ПРЕСС, 2004–2012. — Т. 1–8.

Пашенко — Пашенко В. А. Материалы к словарю фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Читинской области: в 5 ч. Ч. 1–2; Ч. 3–4; Ч. 5. — Чита: Изд-во ЗабГПУ, 1999–2004.

Песни, собранные П. В. Киреевским... — Песни, собранные П. В. Киреевским: новая серия / изд. О-вом любителей рос. словесности при Имп. Моск. ун-те. — Москва, 1911–1929. — Вып. I–II. — Вып. I. (Песни обрядовые). — Москва: Печатня А. И. Снегиревой, 1911. — Вып. II, ч. 1. (Песни необрядовые). — Москва: Печатня А. И. Снегиревой, 1911. — Вып. II, ч. 2. (Песни необрядовые). — Москва: Типография Кооператива «Наука и Просвещение», 1929.

Пискунов — Словарь живаго народнаго, письменнаго и актываго языка русскихъ южанъ Россійской и Австро-Венгерской Имперіи / сост. Ф. Пискунов. 2-е изд., испр. — Киевъ: Типография Е. Я. Федорова, 1882. — 310 с.

Подвысоцкий — Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. — Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1885. — 198 с.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. — Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1967–2008. — Вып. 1–20.

Преображенский — Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 2 т. — Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. — Т. 1–2.

ПольскРусСл — Польско-русский словарь: сод. ок. 45 000 слов / под ред. М. Ф. Розвадковской, Б. Г. Мархлевской. 2-е изд., испр. и доп. — Москва: ОГИЗ: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1941. — 295 с.

ПРС — Даль В. И. Пословицы русского народа: сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч.: в 2 т. 2-е изд., без перемен. — Санкт-Петербург; Москва: Издание книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1879. — Т. 1–2.

Русские сказки..., 1971 — Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII века) / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. — Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. — 288 с.

Рында..., 2002 — Рында: («Во славном во городе во Европейском...») / записано от Марфы Семеновны Крюковой // Беломорские старины и духовные стихи: собрание А. В. Маркова / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2002. — С. 288–292. — (Памятники русского фольклора).

САР — Словарь Академии Российской: в 6 т. / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук, Моск. гуманитар. ин-т им. Е. Р. Дашковой. — Москва: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 1789–1794. — Т. 1–6.

СБГ — Словарь брянских говоров. — Ленинград, 1976. — Вып. 1.

СВГ — Словарь вологодских говоров. — Вологда: Изд-во ВГПУ «Русь», 1983–2007. — Вып. 1–12.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред А. К. Матвеева. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–2009. — Т. 1–4.

СД — Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. — Москва: Международные отношения, 1995–2012. — Т. 1–5.

СДГВО — Словарь донских говоров Волгоградской области: в 6 т. / авт.-сост. Е. В. Брысина, Р. И. Кудряшова, В. И. Супрун; под ред. проф. Р. И. Кудряшовой. — Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2006–2009. — Вып. 1–6.

СДЯ XI–XIV — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в X т. / РАН. Ин-т рус. яз. — Москва: ИРЯ РАН, 1988–2012. — Т. 1–9. — Т. V / под ред. Р. И. Аванесова. — 2002. — 647 с.

Седакова — Седакова О. А. Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю. — Москва: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2005. — 432 с.

Селигер — Селигер: Материалы по русской диалектологии: словарь / под ред. А. С. Герда. — Санкт-Петербург: Изд-во СПб. ун-та, 2003–2010. — Вып. 1–4.

Сердюкова — Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 2005. — 320 с.

Сказание..., 1960 — [Сказание о киевских богатырях] // Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1960. — (Памятники рус. фольклора). — С. 155–157.

СлРЯ — Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва: Русский язык, 1981–1984. — Т. I–IV.

СМА — Елистратов В. С. Словарь московского арго: мат-лы 1980–1994 гг. — Москва: Русские словари, 1994. — 700 с.

Смирнов — Полный словарь иностранных слов, вошедших в русский язык, с общедоступным толкованием их значения и употребления: настольный справочник / сост. В. Смирнов. — Москва: Торговый дом Е. Коновалова и К⁰, 1908. — 800 с.

СНГЗБ — Расторгуев П. А. Словарь народных говоров Западной Брянщины: Материалы для истории словарного состава говоров / ред. Е. М. Романович. — Минск: Наука и техника, 1973. — 296 с.

Снегирев — Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи / изд. подгот. И. А. Костюхин. — Москва: Индрик, 1999. — 624 с.

СОВН — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. — Санкт-Петербург: Наука, 2006. — XV. 677 с.

СОГ — Словарь орловских говоров / под ред. Т. В. Бахваловой. — Ярославль; Орел, 1989–2007. — Вып. 1–15.

Сомов — Сомов В. П. Словарь редких и забытых слов. — Москва: ВЛАДОС, 1996. — 764 с.

СОС — Смоленский областной словарь / сост. В. Н. Добровольский. — Смоленск: Типография П. А. Силина, 1914. — 1016 с.

СПГ — Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь: Книжный мир, 2000–2002. — Вып. 1–2.

СПЗБ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. — Мінск, 1978–1986. — Т. 1–5.

СПП — Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург: Норинт, 2001. — 176 с.

СРГА — Словарь русских говоров Алтая: в 4 т. — Барнаул: Изд-во Алтай. ун-та, 1993–1998. — Т. 1–4.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. — Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994–2005. — Вып. 1–6.

СРГКПО — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / авт.-сост. Н. Ю. Копытов, И. А. Подюков, А. В. Черных; науч. ред. И. А. Подюков. — Пермь: Изд-во ПНИЦАА, 2006. — 272 с.

СРГМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в двух частях / Ин-т лингв. исслед. РАН. — Санкт-Петербург: Наука, 2013. — Ч. I. С. 1–672; Ч. II. С. 673–1560.

СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2 т. / под ред. Л. А. Ивашко. — Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2003–2005. — Т. 1–2.

СРГНО — Словарь русских говоров Новосибирской области / под ред. А. И. Федорова. — Новосибирск: Сибирское отделение, 1979. — 605 с.

СРГО — Словарь русских говоров Одесщины: в 2 т. / Ю. А. Карпенко [и др.]; отв. ред. Ю. А. Карпенко, С. Уэмура. — Одесса: НПФ «Астропринт», 2000–2001. — Т. 1–2.

СРГС — Словарь русских говоров Сибири: в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. — Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999–2006. — Т. 1–5.

СРГСПК — Словарь русских говоров Севера Пермского края / Перм. гос. ун-т; авт.-сост. И. И. Бакланова и др.; гл. ред. И. И. Русинова. — Пермь: ПГУ, 2010. — Вып. 1: А–В. 363 с.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. — Свердловск: Среднеуральское книжное изд-во: Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987. — Т. 1–7.

СРГСУ/Д — Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. — Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 1996. — 580 с.

СРГЮП — Подюков И. А. Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3 вып. / науч. ред. И. А. Подюков; Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. — Пермь, 2010–2012. — Т. 1–3.

СРДГ — Словарь русских донских говоров: в 3 т. / Ростовский гос. ун-т; авт.-сост. З. В. Валюсинская [и др.]. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростов. ун-та, 1975–1976. — Т. 1–3.

Срезн. — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. — Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1893–1912. — Т. I–III.

СРНГ — Словарь русских народных говоров: в 44 т. / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. — Москва; Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1965–2011. — Вып. 1–44.

СРНРС XVII–XVIII — Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII — первой половины XVIII в. / АН СССР, Сибирское отделение Институт истории и археологии, Министерство высшего и среднего спец образования РСФСР, Новосибирский ордена трудового красного знамени гос. ун-т им. Ленинского комсомола; сост. Л. Г. Панин; ред.: В. В. Палагина, К. А. Тимофеев. — Новосибирск: Наука: Сибирское отделение, 1991. — 181 с.

СРФ — Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии: ист.-этимол. справ. — Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 1999. — 704 с.

СРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Москва: Наука, 1975–2008. Вып. 1–28.

СРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; гл. ред.: Ю. С. Сорокин. — Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991. — Вып. 1–6; Санкт-Петербург: Наука. С.-Петерб. отд-ние, 1992–2007. — Вып. 7–17.

ССГ — Словарь смоленских говоров / под ред. А. И. Ивановой. — Смоленск: Смолгортипография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Смолоблисполкома, 1974–2005. — Вып. 1–11.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. — Москва: Наука; Ленинград: Издательство АН ССР, 1948–1965. — Т. 1–17.

ССРЯ — Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: около 11 000 синонимических рядов. 11-е изд., перераб. и доп. — Москва: Русский язык: Дрофа, 2001. — 586 с.

ССХЧ — Воробьев Б. Д. От абалтуса до угланчика, и кто такой «яд» (Словарь синонимов, характеризующих человека в уральских говорах). — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1999. — 75 с.

Старая погудка..., 2003 — Старая погудка на новый лад: русская сказка в изданиях конца XVIII века / Б-ка Рос. акад. наук. — Санкт-Петербург: Тропа Троянова, 2003. — 399 с. — (Полное собрание русских сказок; Т. 8 : Ранние собрания).

СТГ — Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура) / сост. С. В. Пискунова, Т. В. Махрачева, В. В. Губарева. — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. — 278 с.

Стих Алексия..., 2002 — Стих Алексия, человека Божия: («Во славном во Римском во царстве...») // Беломорские старины и духовные стихи: собрание А. В. Маркова / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2002. — С. 757–760. — (Памятники русского фольклора).

СХРС — Сербско-хорватско-русский словарь / И. И. Толстой. — Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1957. — 1169 с.

СЦсРЯ — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук: в 4 т. — Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1847. — Т. 1–4.

Токмаков — Токмаков Н. М. Словарь Лальского наречия. — URL: <http://www.samodelkin.komi.ru/doc/lala.html>

ТСГТО — Тематический словарь говоров Тверской области / под ред. Т. В. Кирилловой. — Тверь: ТвГУ, 2002–2006. — Т. 1–5.

ТСРГ — Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание: Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. — Москва: АСТ-Пресс, 1999. — 693 с.

ТСРЯ/С — Шведова Н. Ю., Крысин Л. П., Куркина Л. В. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов: (82 000 слов и фразеол. выражений) / отв. ред. академик Н. Ю. Шведова. — Москва: Азбуковник, 2007. — 1175 с.

Ушаков — Толковый словарь русского языка / сост. Г. О. Винокур; под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. — Москва: Русские словари, 1995. — Т. 1: А–Кюрины. — 1935. — 1562 с.; Т. 2: Л–Ояловеть. — 1938. — 1040 с.; Т. 3: П–Ряшка. — 1939. — 1424 с.; Т. 4: С–Ящурный. — 1940. — 1500 с. — (Репринт с издания: Москва: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1935–1940).

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — Москва: Прогресс, 1986–1987. — Т. I–IV.

ФСПГ — Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. — Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. — 431 с.

ФСРГНП — Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2 т. / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед., Коми гос. пед. ин-т; сост. Н. А. Ставшина. — Санкт-Петербург: Наука, 2008. — Т. 1–2.

ФСРГРК — Кобелева И. А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. — Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2004. — 312 с.

ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Фёдорова. — Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1983. — 232 с.

ФЭБ — Фундаментальная электронная библиотека: литература и фольклор. — URL: <http://feb-web.ru/feb/feb/foundation.htm>

Черных — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов: в 2 т. 3-е изд., стер. — Москва: Русский язык, 1999. — Т. 1. 624 с.; Т. 2. — 560 с.

ЧПИ — Алексеенко М. А., Литвинникова О.И. Человек в производных именах русской народной речи: словарь. — Москва: Элпис, 2007. — 520 с.

ЧРДФ — Алексеенко М. А., Литвинникова О. И., Белоусова Т. П. Человек в русской диалектной фразеологии: словарь. — Москва: ИТИ Технологии, 2004. — 238 с.

Шахтарин — Шахтарин Н. По-вятски. Словарь диалектизмов. Слова, употреблявшиеся в речи жителей деревни Редькино и малой её округи. — URL: <http://www.redkino58.narod.ru/content/vyat.html#clovat>

ЭИС — Востриков О. В. Традиционная культура Урала: этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области: в 5 вып. — Екатеринбург: Свердловский областной Дом фольклора; Уральское литературное агентство, 2000. — Вып. 1: Народный календарь. — 148 с.; Вып. 2: Народная свадьба. — 206 с.; Вып. 3: Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи. — 200 с.; Вып. 4: Досуг (свободное от работы время, посиделки, гулянья, игры). — 161 с.

ЭССРЯ — Этимологический словарь современного русского языка: в 2 томах / сост. А. К. Шапошников. — Москва: Флинта, 2010. — Т. 1: А–М. — 2010. — 583 с. — Т. 2: Н–Я. — 2010. — 576 с.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праслав. лексич. фонд / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. — Москва: Наука, 1974–2009. — Вып. 1–35.

ЯОС — Ярославский областной словарь. — Ярославль, 1981–1991. — Вып. 1–10.

Grand dictionnaire universel du XIXe siècle: français, historique, géographique, mythologique, bibliographique, etc.: in 15 vol. / par M. Pierre Larousse. — Paris: Administration du grand Dictionnaire universel, 1874. — V. XI: MEMO-O. — 1647 с.

СОКРАЩЕНИЯ

- арх. — архангельское
беломор. — беломорское
болг. — болгарское
брян. — брянское
бурят. — бурятское: зафиксированное в русских говорах, бытующих на территории Республики Бурятия
волгогр. — волгоградское
волог. — вологодское
вят. — вятское: записанное на территории Вятской губернии — административной единицы Российской империи, СССР (ныне на этих территориях располагаются части Кировской области, Удмуртии)
диал. — диалектное
др.-инд. — древнеиндийское
знач. — значение
и.-е. — индоевропейское
иркут. — иркутское
калуж. — калужское
карел. — карельское: записанное в русских говорах на территории Республики Карелии
кемер. — кемеровское
костр. — костромское
курс. — курское
лат. — латинское
ленингр. — ленинградское
литер. — литературное
макед. — македонское
множ. — множественное
мурман. — мурманское
нижегор. — нижегородское
новг. — новгородское
новосиб. — новосибирское
общенар. — общенародное
олон. — олонекское: записанное на территории Олонекской губернии — административной единицы Российской Империи с центром в г. Петрозаводске
омск. — омское
онеж. — онежское
орл. — орловское
перм. — пермское
печор. — печорское: записанное по реке Печоре
помор. — записанное в Поморье
праслав. — праславянское
прионеж. — прионежское
простореч. — просторечное
пск. — псковское
разг. — разговорное
рус. — русское
рус. (бурят.) — зафиксированное в русских говорах, бытующих на территории Республики Бурятия
рус. (латв.) — зафиксированное в русских говорах, бытующих на территории Латвийской ССР (ныне Латвийской Республики)
ряз. — рязанское
самар. — самарское

свердл. — свердловское
сиб. — сибирское
смол. — смоленское
собир. — собирательное
ст.-слав. — старославянское
твер. — тверское
тул. — тульское
урал. — уральское

устар. — устаревшее
цслав. — церковнославянское
читин. — читинское
южн. — южное: зафиксированное на
территориях, находящихся к югу
от Москвы
юж.-урал. — южноуральское
яросл. — ярославское

Научное издание

Леонтьева Татьяна Валерьевна

ОБЫЧАЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
Слово и понятие

Монография

Подписано в печать 15.07.2015.
Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.
Тел./факс: (495)334-82-65; тел. (495)336-03-11.
E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru